

18+

ПОЛЪГЕНО

СРЕТНАНА СРЪЧОРА

ДРЕВНИ

АРЯНА ВАСДЖО

Светлана Ярузова

Полдень древних. Арьяна Ваэджо

«Издательские решения»

Ярузова С. Н.

Полдень древних. Арьяна Ваэджо / С. Н. Ярузова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656164-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Полдень древних — роман-утопия, историческая
гипотеза. О последних ариях, тех самых белых богах из цивилизации,
предшествующей нашей пятой расе. Кем они были? Как устроено их
общество? Походят ли они на нас? Или это все-таки сверхсущества,
надменные и непонятные? Первая глава этой книги проиллюстрирована
мной и ранее опубликована отдельным изданием под названием «Полдень
древних. Гандхарв». Ожидают художественного оформления и публикации
две остальные. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-656164-9

© Ярузова С. Н.
© Издательские решения

Содержание

О чем эта книга	6
глава I ГАНДХАРВ	8
Год 2014. Накануне событий	8
Глам. Мета первая	12
Лина. Обстоятельство первое	14
Глам. Мета вторая	18
Лина. Обстоятельство второе	20
Глам. Мета третья	23
Сар. Мета первая	28
Лина. Обстоятельство четвертое	30
Глам. Мета четвертая	35
Лина. Обстоятельство пятое	37
Сар. Мета вторая	40
Лина. Обстоятельство шестое	41
Сар. Мета третья	47
Лина. Обстоятельство седьмое	49
Глам. Мета пятая	56
Лина. Обстоятельство восьмое	58
Лина. Обстоятельство девятое	63
Сар. Мета пятая	70
Лина. Обстоятельство десятое	72
Глам. Мета шестая	78
Лина. Обстоятельство одиннадцатое	79
Сар. Мета шестая	84
Лина. Обстоятельство двенадцатое	86
Сар. Мета седьмая	89
Лина. Обстоятельство тринадцатое	90
Сар. Мета восьмая	94
Лина. Обстоятельство четырнадцатое	96
Сар. Мета девятая	103
Лина. Обстоятельство пятнадцатое	104
Глам. Мета седьмая	111
Лина. Обстоятельство шестнадцатое	113
Борута. Мета первая	121
Лина. Обстоятельство семнадцатое	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Полдень древних. Арьяна Ваэджо

Светлана Николаевна Ярузова

© Светлана Николаевна Ярузова, 2025

ISBN 978-5-0065-6164-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Ярузова

ПОЛДЕНЬ ДРЕВНИХ. Арьяна Ваэджо

О чем эта книга

Многие любят романы про попаданцев. Замечательное легкое чтение. Приключения, новая информация, незамысловатый сюжет. Такова же и моя книга на первый взгляд.

Но не спешите кидать ее в чемодан. Некоторые банальные сюжеты порой играют злую шутку с желающими отдохнуть. Читаешь иной раз про бедствия попаданца Гулливера и понимаешь, что вся соль там между строк. И слишком эта соль тревожит, заставляет задавать себе вечные вопросы, ответа на которые часто и нет: «Кто мы, откуда, куда мы идем?» Какой уж тут отдых...

Замечали, что у многих великих книг очень простой сюжет? Просто ссора, закончившаяся враждой, просто биография талантливого, но несчастливой человека, просто разговор учителя и ученика о вещах вполне житейских... Но в каждом слове присутствует сила, которая несоизмеримо крупнее суетного человеческого ума. И банальный сюжет – уже повод переосмыслить жизнь, с другой точки зрения взглянуть на привычное и знакомое.

У древних подобное чтение называлось итихаса. Сказка, которая, вроде, про неправдоподобные приключения и чудеса, но в ней намек... Другими словами – сакральное знание, поданное так, чтобы было понятно даже недалекому уму.

Яркий пример – Махабхарата. По сути – священное писание, поданное в виде необычайного эмоционального, насыщенного подробностями сюжета. Действие затягивает, заставляет помнить все повороты, не отпускает до самого конца. Магия, своего рода...

Вы удивитесь, но любая талантливая книга – по-своему итихаса. Есть такие, что способны в корне изменить сознание современников. Примеров много, но есть один любопытный признак того, что важная книга родилась, и в соавторы к писателю попросилась сама жизнь. Текст начинает удивлять творца. Вспомним Пушкина: «Представьте, что учудила моя Татьяна, – взяла да и вышла замуж!» Герои живут своей жизнью и указывают автору повороты сюжета. Сами...

Не знаю, что думать, но мой текст удивлял неоднократно. Роман о попаданке оказался утопией. Да, той самой, где описывается общество, отличающееся от настоящего в лучшую сторону. И если антиутопий за последние столетия придумано немало, то за утопию берутся редко. И что прикажете делать, если вдруг она начала получаться? Кто из нас точно знает, что есть благо для человека? Так, чтоб по пунктам описать, как его достигли в некоем обществе?

Воспитанный в рамках конкретной социальной модели, будет неизбежно описывать ее во всех своих творениях. Чтоб изобразить чуждое, пусть даже симпатичное – нужен взгляд со стороны. В результате ничего занимательного в плане утопии создать не удастся. На выходе – либо религиозная брошюра про высокую мораль и чудеса, либо экстремистская прокламация с проклятиями старой общественной системе.

Успешных опытов такого рода есть пара-тройка. Например, Мир полудня, который открыли в своих книгах Иван Ефремов и братья Стругацкие. Выглядит открытие странно. Будто один и тот же социум описывают два человека, каждый из которых замечает нечто свое.

Издателями и читателями понималось, что это отдаленное коммунистическое будущее. Но авторы не ставят себе пропагандистскую цель. Они пишут именно утопию. Мир, где человек может быть счастлив, максимально проявляет в себе человеческое. Это именно размышление, оставляющее вопросы, место для фантазии читателя.

Вглядимся в Мир полудня. Воспитание не отдано на откуп семье, но отчасти делегировано социуму, человек без труда находит себя, отдает жизнь излюбленной, полезной для него деятельности, живет очень долго, обладает не просто крепким здоровьем, но и сверхспособностями, все возрасты понимаются благом. Что такое война общество не знает, но члены его вполне способны за себя постоять. Находят понимание и свое место в общественной гармонии

существа всех полов, темпераментов и телесных статусов, даже не люди, а, к примеру, весьма отличные телом братья по разуму с других планет.

Золотой век, другими словами. Золотой век... Но где-то это уже звучало. Что-то похожее упоминалось в древних манускриптах...

«...Любой пол, темперамент и возраст достоин уважения. Для всех найдется место в общественном устройстве. Строить отношения следует на взаимном обязательстве, общественном договоре, где все четыре духовных статуса: жрец, воин, мастер и наблюдатель, понимаются неразделимым единством и равными величинами. Воспитание детей, дабы они явили себя в полную мощь, не должно замыкаться рамками семьи. Стать полноправным членом общины возможно только пройдя испытание, которое включит разумную суть и позволит пользоваться не только благами тела, но и духа...»

Что это? Откуда? Так, согласно Ведам, жили в эпохи, предшествующие Кали-юге. Началась она пять тысяч лет назад и вполне совпадает с началом, так называемого, «исторического времени».

Таким образом, Мир полудня уже существовал? История человечества циклична? И наш виток цивилизации не самый передовой из прошедших? Вопросы...

И все упирается в науку Железного века, уверяющую, что ничего, подтверждающего высокие технологии и передовое общественное устройство пять тысяч лет назад, не найдено.

Все просто и определено... Но, чтобы понять для чего создавался древний артефакт, надо быть похожим на его создателя. Мыслить, как он. Да, предки жили в похожих на наши телах, но имели совсем другие «мозги». Иное воспитание, иной образ жизни, иной принцип машинерии. Вполне вероятно, что мы воспринимаем как ландшафт древние машины... С тем же успехом можно верить, спустя тысячу лет, что наше время – эпоха первобытных охотников, раскопав поселок амазонских индейцев и, попросту, не добравшись до развалин Нью-Йорка.

Похоже, древние знали, что падают в Железный век, и постарались скрыть свои руины.

Чтобы земля заговорила и начала отдавать тайны, нужны особые люди, которым менталитет древних будет не чужд, способные понять и войти в иную реальность. И они есть, уже рождаются. Об одной из таких женщин моя книга.

Мне многое дало создание этого текста. Мир стал сложнее и богаче. Надеюсь, смогу поделиться этим благом с Вами, читатель.

глава I ГАНДХАРВ

Год 2014. Накануне событий

Цивилизация вернулась в Анино неожиданно. И это второе пришествие, надо сказать, удивило аборигенов. Они, люди старой закалки, помнили прошлое. Если деревня начинала расти и богатеть – это всегда какие-нибудь обстоятельства неодолимой силы. Строят, например, трассу областного значения, находят руду или нефть. И понеслось – ряды многоэтажных барачков, грязь, грохот машин, толпы вороватого, чужого народа... Кошмарная, конечно, но жизнь. А тут... Не явилось, а вползло...

Началось с того, что однажды перед давно уже закрытым сельпо остановился здоровенный коробчатый экипаж, смутно напоминающий катафалк, и вышла оттуда женщина. Местные, окажись они поблизости, дружно бы перекрестились. Так выходят ангелы из небесных колесниц.

Дама была высока, одета как инопланетянка – в непереносимо пестрое платье, в коем один рукав был вырезан со всеми окрестностями, и тяжелые грубые ботинки. То, что это непростая птица, подчеркивали именно они, отсвечивая дорогой кожей и никелем накладок. Дама по-хозяйски огляделась, оперлась о дверь своей колесницы и решила: «Городу быть!»

С той поры закрутилось. Открылось сельпо, раскисшая дорога, утрамбованная и закатанная гравием, утратила статус полосы препятствий. Джунгли помалу отползли от домов. А сами постройки расцвели, засверкали свежей краской, обросли сараями и беседками.

Новоиспеченная колония дауншифтеров требовала новых площадей и земель. Началось все, как водится, с фермы экотуризма, заботливо и дорого раскрученной хозяйкой, а закончилось творческой меккой. Местом довольно-таки модным, куда отваживались заезжать даже жители столиц.

Хозяйка полагала себя человеком искусства, и при всей усталости от цивилизации, богемный налет не утратила. Любила пестрые платья, чаи до рассвета, приближала к себе творцов и разглагольствовала на философские темы. По слухам, неплохо живописничала и даже рисковала выставяться. Не понятно, как ее хватало еще и на хозяйство.

Впрочем, что можно ожидать от подобного человека? Приехать в глушь, начать с нуля... Личность сильная, со связями, в людях разбиралась. К делу ключевых персонажей пристраивала – лучше не придумаешь. Колония процветала.

Гости приезжали сперва отдыхать, раз, другой и третий, а потом селились, привозили детей, родителей. И, в общем, ничего странного в этом не было.

Природа удивительная. Север Пермского края. Та самая грань, где сходятся суровая дикость Урала и, более-менее, дружественный человеку климат. Без этой, знаете, необходимости ходить все лето в шапке и смертельных испытаний в какие-нибудь минус пятьдесят. Были, конечно, свои пункты inferнальности: комары, странные нравы местных жителей, ледяная вода в реках и озерах. Но не пугали, приноровиться можно было.

Взамен – безлюдье, просторы, свежий воздух, настолько вкусный, что хоть ломтями режь и в банки закатывай. И, что немаловажно – аккуратная, добросовестная связь. Первая хозяйкина забота. Самолично всю машинерию привезла и, едва не в центре села, поставила. Местным старушкам, в общем, без разницы, а вот для остальной публики – краеугольно. Все эти замысловатые творцы, уехавшие от мира, несмотря на непонятость и альтернативность, с городом были связаны прочной пуповиной. Там были заказы, связи, друзья...

Многое она значит, связь. Особенно, если место непростое. На любителя. Чтобы там не говорилось, Пермский край – наш российский дом с привидениями. Где в целом спокойно

относятся к идее инопланетного разума, альтернативных культур и прочей мистике. И дело не только в самоотверженном, многолетнем пиаре М-ского треугольника. А в атмосфере, в традиции...

Жило и живет в горах Западного Урала нечто рассудку неподвластное. Что, например, Мишенька Иванович, местный старичок из архангелогородцев, называет лихоманью. В его передаче это такой мысленный зов, который тянет человека к избранному месту. И противостоять ему не можно. Было дело – уходили целые семьи, вместе и врозь, бросая скотину, налаженный быт. Будто бес какой манил в горы.

Впрочем, был этот Мишенька Иванович большой причудник. Человек неугомонный, мистически настроенный и трепетный поклонник женской красоты. Что называется, «маринист». Термином этим, с легкой руки одного из российских писателей, принято обозначать человека героического склада, которого тянет к далеким берегам и таинственным явлениям, высоким чувствам и мировой славе. А вот, что творится у него под носом, в собственном его доме и судьбе, не склонного замечать.

Бог знает, что занесло его из родного Архангельска в общество анинских старушек. По рассказам самих аборигенов это была драма. В незапамятные времена перенесся он на крыльях любви к одной из местных красавиц. Но не сложилось. Жена рано умерла. С тех пор Мишенька скорбел. Что не мешало ему дарить внимание всем местным дамам. Надо отдать должное женскому контингенту – за Мишу они боролись. И между собой и вообще. Но он остался тверд, и номинальную верность ушедшей супруге сохранил.

Человек он был не простой, но для местного бизнеса архиполезный. Из лиц мужеска пола – единственный абориген. Причем персонаж такой, который нужную реальность формировал как нельзя лучше. Дома с привидениями, как известно, прекрасно сдаются и продаются. А если у местности имеется некий мистический оттенок – это золотое дно. Вмиг понаедет разных любителей непознанного, знай только места для постоя готовы.

То, что Мишенька Иванович называл лихоманью, имело вполне определенный медицинский термин. Правда сами медики, нередко сталкивающиеся на севере с этим явлением, тоже не нашли его причины. Да, уводила Полярная звезда в тундру и в тайгу целые поселки. Кого находили живым, кого мертвым, а кто и вовсе пропал. Найденные ничего не помнили – ни как шли, ни момента, когда сорвало с места. По их словам это был зов, которому невозможно противиться, который довлеет над человеком и заставляет забывать обо всем. О семье, о быте, о здравом смысле и даже о том, насколько ты тепло одет, направляясь в заснеженный лес. Правда, для классической картины мерячки, Пермский край землей был уж слишком южной. Массовые недуги такого рода здесь не случались. Но Мишенька всегда возмущался всякими медицинскими аналогиями. С его точки зрения звали к себе «Оне». Кто такие эти «Оне», Миша не рассказывал. Достаточно было слова, произносимого со значением, и выставлением в воздух указательного пальца.

В общем, это был Урал. Места вообще таинственные. «Оне» могли оказаться и прототипами бажовских персонажей, наподобие Великого полоза или Хозяйки медной горы, и какой-нибудь чуждой белоглазой, таинственным народом, издревле населявшим здешние места. Пермь и ее окрестности были той самой Великой Бьярмией, куда стремились искатели приключений еще с эпохи викингов.

Если не из слов, то из деятельности Миши, можно было понять, что «Оне» – некая альтернативная культура, с людьми незаметно соседствующая. Живут в параллельной реальности, каковую с миром привычным соединяют особые дыры. Места такие Миша знал и мог к ним отвести за определенную плату. Правда ничего не гарантировал и всегда уверял, что «Оне» пускают к себе только тех, кого сами хотят видеть. Всех остальных пугают. Понастроили вокруг дыр разных ловушек и кудес. Попадешь – посеешь.

Более-менее безопасные годились для аттракциона. Были места, где можно ходить под наклоном градусов в шестьдесят, как Майкл Джексон. Были пяточки в траве и камнях, Миша называл их «лбы», вполне способные удерживать навесу все, что ни положишь – от панамок до довольно массивных цифровых камер. Добро просто парило в воздухе, нанося психике ощутимый ущерб.

И, понятно, заснималось в таких местах немерянное количество удивительных, и даже сенсационных, кадров. У кого-то проявлялись гигантские мохнатые сферы, у кого-то огненные змеи и черти на заднем плане, а у кого – даже недавно умершие родственники.

Местная богема Мишу любила. Щедро оделяла деньгами и дорогой выпивкой, впечатлялась от рассказов, ценила таинственность и немногословность. Так что, можно сказать, Миша процветал. И у него всегда была возможность, как непредсказуемо уйти в запой, потому что, как все почвенные северяне, пил Миша крепко, так и делать презенты прекрасным дамам. Надо отдать ему должное, наплыв отдыхающих он использовал в своих целях и ровесниц ценить перестал. Непринужденно и без угрызений совести перешел к более легкой возрастной категории. Ни семьдесят с хвостиком, ни вредные привычки прыти ему не убавляли.

И все бы ничего, можно было жить дальше и счастливо, но в недрах безбедного и беззаботного, в целом, бытия, таилась у Миши проблема, даже, можно сказать, головная боль. И называлась она Карасево. Расположенная в десятке километров южнее, это была обитель зла. Миша считал, что у него украли и теперь вовсю используют почвенное его владение. Ведь были времена, когда о существовании дыр знали немногие. А теперь, вот, понаехали. Усматривалась в этом и неблагоприятная роль Маришки, Марины Аркадьевны, владелицы нынешней анинской санатории. Раззвонила всем. Чудеса мол, аномальные явления...

Хотя злиться не нее особо нечего. Рано или поздно это должно было случиться. Только понаехавшая публика его сталкерскую натуру возмущала. Камлают тут, а надо изучать. Институт научный строить и за все как следует браться. Миша был человек старой закалки и науку уважал. А вот сектантов не терпел на дух. Во-первых – народ мутный, во-вторых – заработки отбирают. Водить-то к дырам водят, а того не знают, что жизнью всех этих заезжих дураков рискуют. И грязи от них много. А виноват-то, получается, он.

Впрочем, дело не в этом. Помимо человеческой воли живет такая земля. И сама решает, когда пришел срок себя открыть. И катится с того момента весь этот снежный ком, накручивая на себя все новые жизни и обстоятельства. И самое большее, что могут сделать люди – посторониться, чтобы не попасть под эту тяжесть...

Как часто бывает в российской глубинке, какая-нибудь вновь открытая и, более или менее, раскрученная аномальная зона неизбежно притягивает к себе соответствующую публику. Сперва экстрасенсы и искатели приключений всех мастей формируют почву. Потом на этом прорастают сектанты. Обычно безобидные. Какие-нибудь космоэнергеты. Потом приходят звери посерьезней, и начинают делать бизнес. Часто криминальный. Сплавляют сюда отработанный материал. Потерявших квартиры, имущество и семьи ради просветления. И все это на фоне курортного рая, экзотических туров, санаторий, наподобии маришкиной. Зона до поры терпит... Предел наступает с приходом военных, когда аномалия начинает сопротивляться. Появляется колючая проволока, КПП, цензура, какие-нибудь правдоискатели, которых расстреливают на подступах. Все маркируется как Пермь 001 и стирается с карт.

Но до этого было далеко, даже, может, и не в его, мишкиной, жизни. Карасево находилось в стадии не критической. Была это эпоха космоэнергетов, к которым неожиданно и напористо присоединились пермские родноверы. И пошли мелькать вышитыми рубашками да голыми боками по местным перелескам.

Особенно тяжело приходилось летом, ближе к августу, когда редели комары. Начинался сезон фестивалей. Кого сюда только не заносило! Но особенно возмущали ряженные. Мишка

их побаивался и называл «благие». То есть буйно помешанные, умом тронутые даже не чуть-чуть. Навешивать на себя древние железяки и мечами махать! Сталина на них нет.

Более или менее принималась историческая реконструкция. Хотят попробовать, как оно предкам приходилось – добро! Но вот, косплей Миша не терпел категорически. Эльфы там всякие с ушами, оголтелые девицы в венках из сена – не захочешь – перекрестишься. Его крестьянская натура сопротивлялась иррациональному. «Это, вот, – говорил он, – как мыша из бронзы лить и на городской площади показывать. Сколько вреда от него. А им – «красивый, любоваться хотим...»

Глам. Мета первая

Приходят такие раз в тысячу лет... Говорят... И было это «говорят» из детства, из легенд, что так сладко слушать вечерами, чувствуя рядом бока друзей. Сколько бы не прожил – не забывается. Даже если давно перевалило за вековую грань...

Жизнь человеческая коротка. Слишком коротка, чтобы понять и смириться. И позабыть, отодвинуть в тень себя юного... Похоронить это безумие весны, когда каждый ее приход кажется началом новой жизни, невиданной, не людской, ярче и стремительней, чем скованный обычаями, полный бесплодного ожидания, человеческий век.

Неизвестно сколько испытаний надо пройти, чтобы равнодушно встречать этот свежий ветер и не стыдиться... Не стыдиться себя, уже седого, не умеющего сдержать рвущееся из груди сердце.

Неизвестно... Приходится иной раз задавать себе вопрос: «А какое право имеешь ты, Сидраг, по прозвищу Глам, править чужие судьбы, если не можешь совладать с собой?» И большого труда, бешеного порой усилия, стоит ответ: «Имею!»

Ибо была и есть под рукой вежда Бобра – обширные земли на десятки переходов к западу от Южной Рипы. Из ее воинских глав я, ежели позабылось, восемьдесят девятый. И беда, если окажусь слабым звеном.

Равен я предкам весом и силой? Не знаю... Сами обстоятельства прихода моего в этот мир, были событием скандальным. «Глам» у людей из западных лавин означает нечто вроде «лунный свет». Так называли странных чад светловолосых родителей. Какая-то древняя кровь или семя богов давало их волосам и глазам иссиня-черный цвет. Нелегко быть таким, единственным в общине, внушающим ужас и удивление... Благо, судьба наградила хоть цветом глаз, как у родовичей, светло-серым. Так что получился «глам не до конца».

Впрочем, это никогда не останавливало тех, кто изводил глупыми шутками. Воины меры в том не знают. Но даден был и им повод заткнуться. Из одного далекого странствия возвратился «глам наоборот», поседевшим как лунь, с бородой подобной сугробу. Причины на то были, но говорить о том нет сил...

Выяснилось, что кожа без контраста черных волос не так уж и бела, да и возраст привнес свои меты. И этот «глам наоборот» знал теперь много такого, чего не знал Глам юный, замкнутый, мечтательный, очарованный древними сказами.

Ровно в тысяча сто двенадцать лет, три месяца и три дня приходит в подлунный мир человек, наделенный силой, доступной немногим. Срок этот вычислен столь точно не потому, что согласен с ходом светил. Приход его – дело рук людских.

Вихрь в ткани мира, созданный предками, ищет и приводит к служению избранного. Попад в янтру, человек терпит воздействие, необратимо меняющее его суть. Нити памяти выпадают из туго собранных узлов и дают себя прочитать. Поле становится огромным, а прошлое и будущее живут у самого чела.

Такой нужен своду, и родится только арьем. И в этом отвержении чужой крови – глубокая мудрость и забота о равновесии. Он вроде кристалла памяти, которым для верности снабжают книги. Их специально делают плоскими, чтобы закладывать страницы. Походит и на путевую янтру. Увидишь ее на дереве и убираешь в дальние кладовые памяти весь прежний путь – настраиваешься на новый...

Человек такой – страшная сила. Выпадет из свода – беда. Так уж мы устроены, каждый – зерно, в коем спит все людское племя. И пока память скручена в тугие узлы – мир принять нас способен.

Бунтарям объявляет войну. Распутанные нити – чаще боль, чем благо мудрости. Как маятник, колеблется герой между мирами. Невиданным могуществом богов и адскими без-

днами. Не устроены люди для подобных игр. Не все выдерживают. Сгорают в пламени божественных колесниц, или падают вниз, без надежды вернуться.

Может и правы древние, отдав это бремя женщинам. Существом изначально сильным и стойким. Стихия их – страсть, из нее они получают знание и свободу. Чтобы жить таким порядком, надо иметь острый холодный ум и нелюдское самообладание. Иначе – сумрак безумия и смерть.

Многое отнимает у женщины такой путь, но многое дает. Творя запретное, они имеют роскошь видеть мир своими глазами.

Да, они из тех, кто способен испить чашу аватара-меты. Принять в себя дар памяти и божество, которое его держит. И прожить так всю жизнь. Часто довольно длинную, способную перевалить за тысячелетний предел.

Что дает им это древнее знание? Горечь и осознание собственного бессилия... Но кто-то должен знать, как было, как надо сейчас и что надлежит в будущем! Часть их предназначения в том, что когда равновесие в своде колеблется, к ним приходят за знанием. И они открывают себя. Случается и так, что аватар-мета по возрасту или телесной немощи, не способен к деянию. Тогда он зовет восприемника и отдает ему свой дар вместе с жизнью.

Не могли себе представить праотцы свод полуразрушенный, когда равновесие висит на волоске... Созданное ими предназначалось служить вечно. Не мыслили иного в расцвете своей силы.

Но свод валится в бездну, оставляя немногих выживших помнить о своей славе, но не быть способными поддерживать вековой порядок. Эти осколки сохраняют древнюю кровь и тени былого знания, а рядом с их лачугами все работают древние янтры и будут работать века, уже позабытые людьми...

Лина. Обстоятельство первое

Красивое место...

Поляна. Богатырский бор. Сосны в обхват, солнце золотит кроны. И ветви их уже миру этому не принадлежат – драгоценные врата в страну богов, невесомые, резные, в сверкающих камнях.

Урал... Господин Урал. Это ж надо ощутить – ты здесь. Наконец! Принесло. Чтоб, значит, священный трепет и все такое...

Да, ни разу! Трансцендентное спокойствие наплывает приступами, на пару мгновений, все остальное время занимает культовый вопрос: «Зачем я здесь?» Бывает так, что приехать то приехала, а какого черта не понятно... Известная болезнь всех интровертов... Надо просто пережить, переспать с этим несколько ночей... Пройдет...

Корень всех бед и культовых вопросов – глянцевого листок, попал в руки случайно. У метро сунули. Сперва захотелось скомкать, но что-то остановило.

Некто Марина Аркадьевна Лемешева, известная бизнес-вумен и замечательная женщина, предлагала деятелям, да, что там, любителям искусства, райские условия на творческой даче. Опуская все благоглупости рекламных бумажек, заинтересовало место, куда она Марина Аркадьевна приглашала. Север Пермского края, Урал... Давно намечалось там побывать.

Вот, знаете, есть такие впечатления, которые ставят в тупик. Звучит, например, слово, название страны или области, на взгляд большинства вполне безликое. Но с тобой творится нечто. Сразу ощущается мягкий, теплый свитер, ласкающий бока. Возникает несомненное, неизвестно откуда взявшееся знание, что сейчас, прямо с этой минуты, жизнь сменила знак с минуса на плюс. И они уже здесь, стучатся в дверь, разные чудеса и таинственные явления. Вот, Урал... Место такое, богатырское. И ехать туда надо безо всяких разговоров завтра, нет сейчас...

Пропадает эффект минут через пять-десять. Съедает все слякотная дорога, метро, офисные и неофисные какие-нибудь лица. Но послевкусие держится и напоминает бутерброд с ореховой пастой. Чертовски калорийную, но вкусную вещь, которую любой организм, даже аскетически настроенный, признает априори правильной.

И вот что эта лохматая Пермь? К чему она? Следовало относиться к подобным взбрыкам смиренно... Бывает... Зов дальних странствий. Люди, кем бы они там не были, проявляют к нему разную устойчивость. Для детей лет пяти-семи, разного рода творцов и адреналиновых наркоманов – это руководство к действию, а для всех остальных – глупость какая-то.

Что это было в ее случае? Боролись, набегали друг на друга волной, две стихии. Взаимоисключающие. С одной стороны в картонных шлемах, с деревянными саблями шли в атаку Чук и Гек, существа храбрые и возвышенные, готовые ехать на любой край света, и, вернувшись оттуда, сразу отправиться на другой. Оппонентом выступал лощеный, в лакированных ботинках и чашкой кофе в руке, офисный рачок, разросшийся до размеров осьминога. Вечно усталый и томный, он даже не рассматривал обоих храбрецов соперниками. Просто раздавал щелчки, не забывая отхлебывать из кружки. И братьев было жаль! Обидно за них! И скоро намечался отпуск. И этот дождливый, уже доконавший своим осенним духом, август...

Надо сказать, человеком она была скучным. Да, тянуло на вокзал накануне лета. Просто хотелось смотреть на поезда и воображать каково всем этим людям, которые в них... Каково будет ей самой, ежели отважится поехать...

Представлялось, что хорошо. Просто май – время такое, когда все вокруг смотрится непередаваемо таинственным, значительным. Замечается, сколь очаровательно коричневый, глубокий цвет имеет гравий на дорожном полотне. Как странно и таинственно он пахнет. Пылью,

гарью, металлом... Так видят мир в пять лет, ничего не отторгая и не судя. Просто разглядывают широко открытыми глазами, застыв от удивления...

В августе – иначе. Это задумчивая пора рисовала дорогу как повинность. Ну, вот надо, что сделаешь. Собраться и вытерпеть. И Марина Аркадьевна, там у себя, обещала чудеса – аномальные зоны, фестивали реконструкторов, всякоразные обряды из глубины веков. В общем аттракцион... Знала свое дело Марина Аркадьевна.

Ну, аномальные зоны и обряды, это как-нибудь без нее. А вот реконструкторы, да еще на фоне первобытной природы... Достоин уважения. Это, вот, все – наряды из мешковины не со своего плеча, пухлые тела, обернутые новенькими кольчугами, варварская обувь. Издалека смотрелось. И для набросков годилось вполне.

Такие они все – буря и натиск! Правда среди героического настроения этой публики как-то теряешься, быстро заражаешься их сумасшествием и начинаешь видеть себя не здраво. Этаким дитем природы, горадым на рубленные интонации, широкие жесты и злоупотребление спиртным.

Внимание привлекать она не любила. Истерическая склонность показывать себя во всех нескромных ракурсах, происходила, на ее взгляд, от того, что человек ни имени, ни пути своего не ведает, не знает толком куда податься. Шуметь, рвать футболки, невзначай демонстрировать боевые ранения из-под темных очков, подавать себя супер-пупер величиной – это была какая-то агония перед выбором. Когда от людей хочется подтверждения, что ты у себя хороший, и какого-никакого намека, куда же все-таки идти...

И это была уже не ее история. Сделан был выбор, еще в очень нежном возрасте. И в полной мере получены все последствия этого факта.

Так бывает, что в роду некто выбирает деятельность, остальным представителям сообщества не свойственную. И начинается... Путь бобра. Того самого, что все грызет и грызет, гнет свою линию, и ни на что не надеется. Ни на помощь, ни на понимание, ни на одобрение. Просто план у него такой – построить нору. Очень важную и удобную. А все шумовые эффекты вокруг – это такая игра природы. Смирению к ней надо относиться...

Подобные люди очень скучные. Большинство талантливых людей такие. Приходится им приклеивать сверхъестественные усы, рядиться в пестрые перья городских сумасшедших. Но это часть плана. Пункт первый.

Пункт второй... Спектакль сыгран, творец садится к холсту. И вы бы видели, какое скучное у него бывает лицо...

Кто виноват, что в мире происходит именно так? Либо внешнее, на которое тратится все без остатка, либо внутреннее, которое тоже забирает все. Иллюзия, что наличествует и то и другое – просто вопрос коммерческого таланта. И даже не художника, а его агента...

Если человек написал хотя бы одну стоящую картину, или песню, или книгу – часто значит, что он очень плохой тусовщик и, скажем так, «вещь в себе».

Достучаться до такого нелегко. Но мир, он разве в покое оставит? Нечто воздействует и на бобров. Впрочем, в жизни каждого из нас имеются фигуры, дающие направление в пути. Можно назвать их знаковыми. Те самые люди, которые походя, даже не особо задумываясь, бросают слова, полезно и разом вправляющие мозги. Следует благодарить небеса за их явление.

Для нее такой фигурой стала профессор искусствования родной институтской группы. Перед выпуском ведь всегда на что-то надеешься, строишь грандиозные планы. А она, Иллариya Львовна, просто мимоходом уронила, не ожидая, что услышат: «Не стремись в профессионалы, освой ремесло, какое-нибудь околхудожественное, и занимайся им полдня, для денег. Поверь мне – это благо, не кормиться творчеством...»

Потом только понялось, о чем она. Иметь амбиции в нашей полувосточной империи непросто. «Не верь, не бойся, ни проси» – примерно для таких, как она, без принадлежности

к творческому или хотя бы интеллигентному семейству, приятной броской внешности, готовности идти по трупам. Нет, всего этого не было, а значит, был путь бобра. И много-много терпения, и никаких ожиданий...

То, что она писала и рисовала, не всегда решалась показать. Вовсе не потому, что плохо владела ремеслом. Просто был опыт непонятного отношения людей ко всему созданному. Они либо долго рассматривали и молчали, а потом как-то странно смотрели и быстро ретировались. Либо безобразно вызверялись и объявляли, что выставленное – от лукавого, и следовало бы ей лукаво, вообще, не мудрствовать. При этом термина «лукаво» не поясняли, видимо думали, что сама догадается.

Но она не понимала. Это были просто пейзажи, портреты, исторические картины. Правдиво и без купюр написанные о том, что увидено. О чем невозможно молчать, ровно как и невозможно говорить. Решали проблему только холст, бумага и краски. Потому, что как только начинались слова – веяло махровой психиатрией. И дело тут было не в генетическом страхе отверженности по причине диагноза, хорошо знакомой нам, русским, а в том, что в ней действительно жило два мира. Один – реальность, другой – сны.

Появилось это лет в тринадцать. И выглядело как ночь за ночью повторяющееся очень реалистическое действо, в одной и той же обстановке, в окружении одних и тех же людей. Она вскоре даже стала с ними общаться и называть по именам.

Это была очень древняя цивилизация, какая-то вообще допотопная, существовавшая здесь же, на Земле, в тропиках. В них было много от индейцев, ранних греков, жителей южной Индии. Она очень этим увлекалась и никому не могла рассказать. И в итоге, как свойственно всем подросткам, решила, что это болезнь. О том, чтобы поделиться с родителями не было и речи, со сверстниками... Но тогда у нее не было бы друзей.

Положение спасла их школьная психологиня. Дама категоричная и стрекотливая, ровным счетом ничего из ее рассказов не понявшая, но торопливо переславшая к психиатру. А там уже пошли таблетки. Видения стали редкими, но какими-то мутными и откровенно страшными.

Но все-таки это было благом, позволило окунуться в манящую, фривольную подростковую жизнь. Побочный эффект, правда, возымело неожиданный – увлечение историей. Она целыми днями могла пропадать в музеях и библиотеках. Дальше – хуже, стала привлекать мистика. Вещь, как известно, для детских умов не полезная. Но Бог миловал – ни гота, ни сектанта из нее не вышло. А потом стало просто некогда. Окончание школы, училище, институт...

А сейчас... Сейчас это просто временами возвращалось. Как прежде – многосерийные сны, с добавлением все новых обстоятельств и персонажей. Там многое увлекало и шокировало. Она записывала увиденное, и тщательно прятала дневники. Накопилась увесистая стопка тетрадей. Ничего похожего в учебниках истории читать не доводилось. Это был какой-то альтернативный вариант, либо просто другое измерение. Как в детстве уже не пугало, да и нечасто накаtywало. Просто любопытно было, как экзотическое путешествие.

А недавно, прямо перед поездкой, и вовсе странное приснилось. Темный четырехугольный двор, вечерет. По ощущениям дело происходит не в тропиках, а в средней полосе. Посреди двора – странное сиденье, с одной стороны напоминающее необработанный валун, с другой – причудливо, сложно вырезанное, все в знаках, вроде римских цифр.

И сидит на этом троне человек. Поджав под себя ногу, выпрямившись, как это принято изображать на индуистских иконах. И странный это очень человек. Совершенно в знакомые по снам типажи не попадающий. Те смуглые, чернявые, не слишком высокие. А этот здоровенный, с целой копной длинных светло-русых волос, белолицый. В серой просторной одежде. Сидит и смотрит. Так странно глядит, и слышится за этим какая-то красивая мелодия с перезвоном колоколов. Будто вертится калейдоскоп, показывая его каждый раз с немного иного ракурса. И терпение на него смотреть не кончается. Путешествуешь по его миру. То занесет в угол двора, и виден он со спины, то подкинет на черепичную крышу, в ветви близких берез,

то прямо пред лицом у него окажешься. Он замечает, улыбается. Красивый. На икону похож. Вот, что все это значит? Кто это? В поезде пыталась его нарисовать. Не получилась, конечно...

Да, излюбленное это человеческое увлечение – бегать от работы. Что еще надо? Места первозданные. Такая природная мощь – дух захватывает. Деревя все во мхах, цветные травы, камни. С любой точки шедевр получится.

Но не идет... Странно все на этой чертовой даче! Валяешься часов до девяти, но, вроде, не выспалась. Любой звук, неожиданное движение раздражают, даже пугают порой. Вздрагиваешь, ни на чем сосредоточиться не можешь. Ветка хрустнула – мгновенно туда, и начинаешь шарить глазами. Не до этого.

Ну что страшного? Соседи по коттеджу, вон, за камнями расположились.

Да... Не втянулась... Но минувя прелести акклиматизации, все же многое настораживало в здешних местах. То, что не проявляется в событиях, разговорах, но неотступно присутствует, как фон.

Место было с норовом, более того – с секретом. Ощущалось... На этом фоне назойливый пиар дачи с привидениями даже успокаивал... И Марина Аркадьевна, и Мишка-сталкер, они старались. Но мифы всегда что-то страшное прикрывают, неудобное. Испокон веков так ведется.

Красивое место...

Этюдник. Кривоватые линии на картоне. Однако, пора собираться. На этот раз тоже ничего не выйдет...

По первому впечатлению все ощутилось, как удар. Было хорошо – мгновенно стало плохо – трудно дышать, скрутило живот. Бывает такое при столкновении с реальной опасностью, какой-то уж откровенной уголовщиной.

Весь страх был в звуке. Он родился в глубине леса, этот протяжный вой. И была в нем неотвратимость и тоска, как в реве воздушной тревоги. «Уаау!»

Поймала себя на отчаянном растирании ушей. Прямо грязными руками, где придется – по коже, по волосам! Чесалось очень. Внутри ушей, даже внутри головы. Мозги чешутся... Хохотнуть сил не хватило. Страшно очень.

Она вспомнила, где слышала такое. Скрипучий визг, непереносимо высокий и жесткий, тоскливо роняющий сердце. Так кричат перед смертью. Летящий с высоты понял, что натворил...

Она вжала голову в плечи, ей показалось, что сейчас будет тот шлепок. Влажный, глухой... Черт! Уши надо заткнуть! Давить что есть силы!

Получилось... Кажется... Хорошо. Тихо. Как ватой обложили. Она растерянно повела глазами и отняла руки от головы. Звук не было.

В палитру шумно упал картон с начатым рисунком. Пару мгновений она озиралась, зябко потирая плечи. Потом сорвалась и во всю прыть побежала к камням.

Глам. Мета вторая

Аруна был ровесником и другом. Некогда, напуганными семилетними малышами, привезли их в кром. Там не было привычной еды и игр, пугало до дрожи множество чужих людей и предметов, странных запахов, странных обстоятельств и отношений.

Они сразу потянулись друг к другу, жались рядком, как котята или щенки. Кром был суровым местом. Чудовищный этот дом разом менял знак жизни, ставил все с ног на голову. Это как попасть в ад. Где чтобы прожить еще минуту надо терпение, терпение ценой рассудка, терпение, когда терпеть уже нельзя, не в человеческих силах...

Аруна смутно помнился уже. Только тепло и странный цвет глаз. Они были светло-карие, почти желтые. Его солнечное имя несло соответственный лик и характер. А, может, исходило из сути? С головы до ног был он золотым. Желтые волосы, смугловатая кожа, янтарного цвета глаза...

Он стал воином Вишну. Бритоголовым, сумасшедшим чудовищем, с которым мало кто отважится смешать кровь побратимства. Впрочем, это не обсуждалось, лестно, в конце концов, иметь в близком круге человека по прозвищу «Конец света». Когда к нему пришла зрелость, немногие могли выдержать взгляд этих желтых глаз. Горела там свирепая сила, как у огромных клыкастых котов, идущих за стадами вратов.

Он был великой душой, очень добрым человеком. И многое сделал для того, чтобы свод жил. Но стоило ему это усилия неимоверного, заходящего за людской предел. Он погиб, когда горела в братоубийственной войне вежда Оленя. Принял удар копья войны. Брат не принадлежал ни к одной из сторон, и закон однозначно прекращал в таком случае распрю. Впрочем, утихло пламя ненадолго...

Это было его восьмидесятое лето. Самый расцвет жизни, когда до невозможности обидно уходить. Но участь Аруны была счастливой. Он не видел ужаса, творящегося ныне. Боль его жертвы с годами стала вызывать лишь горькую усмешку. В свои сто пятьдесят три довелось наблюдать гибель десяти вежд и исход четырех...

Уже не казалось диким, что один за другим погибали старые воины, связанные с разумом свода. Не редкостью были десятки погребальных костров в год. Они приносили себя в жертву, чтобы община продолжала жить. Множество молодых лиц, заполняющих площадь в день общего сбора пугало. Необратимые изменения начнутся в ближайшие годы...

Но повезло! Знание обрел, важное, неожиданное... Не людская сила вмешалась в гибнущий свод. Боги заговорили...

Мелькнула надежда и вынудила раскинуть сеть. Делание это вынимает до дна, но позволяет найти того, кто нужен. Люди подобны узелкам в ткани жизни. Одни горят, ярче, другие тускло. Есть свой цвет и у той, кого жаждал встретить. Много узлов надо было перебрать, бродя по нитям сети. Но когда мелькнул этот странный лиловый блеск – не поверил своим глазам.

Оказывается она близко! На севере, в двух десятках переходов. Но свет узла горел тускло. Это глубокая старуха на грани ухода. К аватарам-метам даже не рискуют обращаться в такие года.

Долго бродил вокруг... Всем хочется жить, и старикам не менее, чем молодым. Жизнь дает неопенимые ощущения их угасающим умам и оболочкам.

А ведь ее надо убить. Эту богиню. И не просто убить. Обряд требовал времени и сил. И согласия того, кто отдаст жизнь... Согласия...

Звали ее Алдра, и она знала, зачем пришли. Хоть не была жрицей, ощущала суть вещей безошибочно.

И еще... Редко доводилось видеть столь прекрасную женщину. Залюбовался, не мог глаз отвести... Высокая, прямая, со снежно-белыми кудрями. Сухие, строгие черты, будто выточены резцом. Казалось, время запечатлело их на пике расцвета, обратив в совершенное извятие. Ни морщин, ни следов дряхлости...

Зачем она пришла в эту глушь? Почему прожила здесь всю жизнь? Дела аватаров-мет всегда за гранью. Родовичи, естественно, не подозревали, с кем рядом коротали век.

Первые ее слова: «У тебя взгляд страдальца».

Что можно ответить? Благо – промолчать...

Алдра склонила голову. И в этом жесте немного согласия была жизнь, надежда для всех малых и больших в своде!

Но судьба предрекла иначе. Она владеет жизнью и смертью подобных. И она хранит их знание. В назначенный срок Алдра была уже не в силах совершить обряд. Весь блеск ее красоты был закатным лучом, а телесная крепость зыбкой фигурой из снега...

Сам закрыл ей глаза на третий день после приезда. Не возможно вспомнить, что творилось в душе, когда исходили ее покровы. Очень больно... Нет сил вспоминать до сих пор. Мне, без стога терпевшему адскую муку...

Бессилен помочь... Всем им, далеким и близким, сильным и слабым, беспечно доверившим жизнь... Такой боли не ведал прежде. Мир плыл перед глазами.

Благо есть что вспомнить, кроме тех страшных дней... Год, был богат событиями, которые неизгладимым клеймом впечатались в память. Кто спорит – все прах земной. Но попадают в этой пыли ветки и камни, которые ранят руки, ранят душу, ранят сердце. То самое глупое человеческое сердце, что успокаивается последним...

Лина. Обстоятельство второе

Крик напугал. Просто выбил почву из-под ног. Черте что теперь в голову лезет. Искать надо, спасать. Понятно, будут какие-нибудь гнусные, до невозможности, обстоятельства.

Только работать соберешься – на тебе! Впрочем, сейчас полностью трус праздновал. Работать она собралась... Художники духом не великаны, есть такое. В быту, а уж тем более в рискованных обстоятельствах, полное недоразумение.

А трюсов действия собственного тела приводят в тупик. В связке с клокающей беспокойством головой, оно оказывается субстанцией самой разумной. Вот и сейчас выписав крюк по поляне, минуя всякие там: «Ужас! Куда деваться?», организм собранно и споро устремился в кусты. Чтоб к соседям не напрямиком, а по траве и веткам. Вдруг что...

Информацию надо добыть. Любую. Пусть и не очень приятную.

Тем более, что крик беспримерный... Ни в ярости, ни от испуга – только перед смертью так кричат, когда уже все равно, что дальше. Труба Апокалипсиса, прям... Бывает, конечно, чудовищно фальшивят петухи и вороны. Странные звуки получаются, просто леденящие кровь.

Когда ладони ощутили прохладу огромных валунов, и было сделано усилие все-таки взглянуть – взяла досада. «Вот свиньи, свалили, даже не предупредив!» От сердца отлегло. Соседи тихо собрались и ушли, по-английски, даже траву не потоптали.

Художники часто устраивают вокруг себя беспорядок, к которому привыкли в мастерской – банки с кистями, тряпки, кассетницы, чтоб мокрые этюды носить. Но беспорядок это особенный, там все просчитано и выверено веками.

Если нападают или даже похищают – никому в голову не придет аккуратно собирать этюдники. Злодеи, особо осторожные и старательные, просто покидают весь скарб в багажник, и обязательно, просто непременно, оставят что-нибудь в траве.

Значит – место не заинтересовало, решили кочевать по окрестностям. Вот не будет она больше с ними общаться, с этими дураками!

Но помимо плясок ума, судорожно подбиравшего объяснения пропаже, под куртку пробрался холодок. Она нервно озиралась. Наконец опустилась на землю внутри густого орехового куста и сжалась в комок. Слишком уж все странно. Надо переждать.

Из куста неплохо была видна поляна, стоящий посреди этюдник. И если уж имелись в природе какие-нибудь злоумышленники, они бы точно себя показали. Прошло полчаса. В очень неудобной позе на сырой земле, без возможности встать. Зуб на зуб давно уже не попадал, да и пора предсумеречная. В августе быстро темнеет.

Тело, как старший по званию, вынесло вердикт. Ночевать в этих кустах оно не собиралось. Однако, страхи свои старые помнило... Напугали на этюдах. И если бы не случайные прохожие, может статься, и не бродила бы она по здешним зарослям. С тех пор приходилось очень осмотрительно выбирать места и не отказываться от компании.

Ну ладно, вообразим кинематографическую версию событий. За ней следят. Прям сидят полчаса в соседних кустах и ждут. Господи! Да что она за птица такая?! Всю жизнь на нее более пяти минут никто не тратил!

С другой стороны, есть такие, маньяки... Народ терпеливый, с самобытным подходом. Охотники. И ждать им даже нравится.

Последнее разозлило. Ноги затекли, сил уже нет! Ну их всех к бесу! Имела место быть стадия «будь что будет», когда какая-нибудь, умотанная котовыми играми мышь, просто уже не может бояться. Устала. Прет напролом, с мутными глазами и улегшейся на загривке шерстью. Встретит преграду – кидается, молча и решительно, как робот... Получив, этак, пару раз, коты шалеют и с мямом уносятся прочь.

Вот так! Подходим и собираемся. Не торопясь. И показательно, со щелчком, крышку захлопываем, чтоб знали!

Ножки свинтить не получилось. С размаху села в траву и обхватила голову руками. Внутри зудело, чесалось и крутилось пестрой каруселью. И из этого всего родился, выплыл, как белый пароход, оглушительный, солидный, даже помпезный, звук. До невозможности знакомый. Из детства... Телефонный гудок! Были такие старые аппараты, с трубкой, с длинной скрученной соплей провода. Хочешь звонить – слышится это протяжное: «Ту-у-у...» Так вот оно же, во всей своей бюрократической отстраненности, только усиленное в разы, с несущимися внутри неясными шумами и скрипами, звучало сейчас в голове, заглушая весь мир. Как тот крик... Опять! С ума она, что ль, сходит?

Да что же это?! Отчаянное мотание головой, не щадя себя, что есть силы. С риском шею свернуть. Так легче будет. Тише... Звук почти умолк. Она отняла руки от ушей, и испытала неудержимое желание сплюнуть. Противно во рту. Вяжет. Все слиплось, как от незрелой хурмы, до полной невозможности глотнуть.

Но как только мир вернулся во всех красках, обнаружились странности. Нет, она не сидела в траве, как ожидалось – стояла. Стояла на краю поляны, обняв толстый, поросший мхом ствол, и улыбалась. Было хорошо. Но как-то неправильно. Вот так – из одной реальности в другую. Получилось даже хохотнуть.

Но звук собственного голоса насторожил, даже напугал. Так бывает – долго молчишь, потом ляпнешь что-нибудь, и петуха дашь... Смешно...

И это, вот, все – пройти сотню метров не заметив, даже не ощутив...

А, знаю! Это чудеса! Прекрасные и замечательные! Они пришли. И я теперь в сказке! В настоящей. Такая Красная шапочка...

Настроение присутствовало бодрое, боевое, лицо корежила гримаса, улыбки, наверное, судя по страшному напряжению в щеках и под глазами. И тянуло, просто невыносимо влекло, туда, вглубь леса. Во все эти прохладные изумрудные деревья... Полет... Романтика... От ствола надо отлепиться и идти. Идти, куда зовут. Все это было так мило и смешно. Смешно, потому что опять неправильно. Будто высасывает через трубочку, стремительно затягивает в быструю ходьбу ноги, руки, туловище. Ты такой у себя, латексный человечек. Как угодно можно мять, и ничего не делается. Смешно... Она захохотала и опять испугалась своего голоса. Так старухи смеются. Хихикают мелко, даже немного похрюкивая. Пьяная я что ли? Напиться уже успела? Когда?

Она остановилась. Ну, этюдник же! Он там, на поляне. Собрать надо. Куда меня несет?

Но ведь и лес! Хочется туда... Она трянула головой. Автоматически получилось. И останавливаться уже не смогла. Мотала головой, как сумасшедшая. Очень действенное, такое, упражнение. В одной из оккультных книг вычитала. Так избавляются от морока. И в голове действительно прояснилось. Стало холодно и пусто. Но навалился дикий страх, мокрая одежда прилипла к спине. Она судорожно озиралась, вертясь на месте: «Господи, где я? Что это было? Лихомань эта, мишкина? Нет, надо сваливать. Вот правы они были – вовремя ушли!»

Кинулась собирать этюдник. Руки тряслись. Когда плечо, наконец, ощутило ремень, опять стало славно и смешно. Улыбнулась, уронила короб в траву – так уютно, и непонятно чего здесь бояться? Неожиданно представилось и просто оглушило поразительной красоты видение. Даже не живая картина, а что-то вроде иллюстрации или мультфильма.

Голая спина, широкая, мужская, видно, что человек очень сильный. Жилистый такой. Светлая кожа в изысканных цветных узорах, прекрасных, завораживающих, текущих между крупных рельефных мышц. И что-то лежало поверх. Веревки? Нет, косы. Длинные, четыре или, может, больше, как на востоке заплетают. Они волнисто восходили к небольшой седой голове. Человек роста, видно, немалого. И он медленно оборачивался. Все более вырисовывался профиль: горбатый нос, широкие темные брови, серебряная жесткая шерсть на щеке.

Внизу у подбородка – непонятная форма. Мешок? Нет, это он так бороду заплел и закрутил в узел! Какой-то якудза... Он оборачивался все больше, вот сейчас взглянет.

Она сжалась и закрыла лицо руками. Да, это оно, продолжение! Дальнейшее развитие событий. Чего уж... Теперь глюки пошли наяву. Снов им мало... Нет уж, дорогие, не сегодня. Домой, и только домой! А молодца этого совершенно необходимо зарисовать...

И радостная, задумчиво улыбаясь, представляя, как хорошо может получиться подобный лист, пошла... Знала, что идет не к коттеджам – в лес. Понимала и шла. Потому что иначе нельзя. Сказка уйдет! Чудо! Титанический старец стоял перед глазами как живой. И было странное ощущение приближающегося тепла. Чего-то великого, несказанного... Там все – за этими кустами. Шаг – и откроется. Надо раздвинуть. А нет, колючие. Боярышник. Шипы такие, в полпальца. Обойти что ли? Она повернула голову.

Вдруг по ушам резануло отчаянное: «Лина! Линка!» Голоса женский и мужской. Ясно. Два этих идиота. Нагулялись, вернулись – а никого нет. И в коттедже нет – пошли искать. Ну что с них взять? Молодая пара, медовый месяц. Кролики...

Но на фоне этих мирных, вроде бы, мыслей колотило до костей. По спине струйками лился холодный пот. Страшно до смерти. Даже думать страшно...

Бежать! Со всех ног к поляне! Просвет был виден за кустами. И не думать! Не думать ни о чем. Никаких, этих, сказок и радостей! Только по делу! Потому что – лихомань. Точно она, Мишкина, эта, мифология... Господи, никогда так не хотелось увидеть людей!

По дороге никто не попался. Тропа огибала берег озера. Дома были уже за кустами. Но гравий под ногами не скрипел, как привычно. Ах да, это соседняя тропка, неизвестно зачем вытоптали...

Подошел к озерцу, она постояла с минуту. Все-таки вода успокаивала. Ну, невозможно удержаться – руку хотя бы намочить.

Трясло, в горле стоял шершавый ком, каждый шорох – как гром небесный. Да и руки просто негритянские. Песочком хоть потереть, чтоб народ не пугать...

И она шагнула к воде.

Глам. Мета третья

В то утро он слышал сквозь сон слова. Невозможно спутать ни с чем – язык истока... Тихий таинственный скрип, еле слышный свист, что звучит вечерами по-над полом в клетях...

Неисчислимые века назад темная земля явила чудо. Созревший, обретший силу разум искал сосуд и обрел его в огромных чудовищных телах. Так родилась раса демонов.

Они походили на саранчу... Многие общества жукоподобных имеют в истоке реальность ада. Стремления их тел жестки и властны, а жажда действия слишком сильна, чтобы возможно было отстраниться. Они не знают меры и жалости, их тонкий изощренный ум слишком прямолинеен. Там нет полутонов, уступок и нерешимости. Их жизнь – непрерывная война мощных, жадных умов и тел. И обещание счастья в этой борьбе – скупая ласка их темного солнца. Только неодолимая власть дживы способна удержать этот мир в равновесии, низводя живых существ до роли кукол...

Да, можно сказать, он вырос из бездны, и бездна эта часто давала о себе знать... Когда впервые увидел – молчал несколько месяцев. Нелегко оно дается, знание о себе...

Те, кто создал его основу, были очень большими, великими. И телом и духом. Но мощь их ушла на то, чтобы стать жертвой на алтаре жизни. Лишь искры этого погребального костра долетели до других миров...

Та, что пела песню на этом древнем языке, оказалась не сном. Зримая и прекрасная, сидела она на краю постели. И разум в ужасе отталкивался от мысли, что она тоже ощутила в себе эту бездну. Должна была ощутить, чтоб обрести слова...

Много странного было в этой женщине. Образ ее, как зыбкий морок, плыл перед глазами, внушая ужас и восторг от соприкосновения с невысказанным, полным подобием его пути. Исключительная редкость и удача, неоценимый дар!

Они обречены были слиться, как встретившиеся капли-близнецы. Иначе невысказанно вести себя с чудом. Его хочется вобрать и оставить в себе...

Сидевшая на краю лавки величиной была исключительной. Огромное поле, просто громоздкое, с ярчайшими сложными перегибами красок. Жрица. Не из последних в своем кругу.

Из ее головы и плеч исходили лохматые золотые шлейфы, рассыпающиеся множеством нитей, белых, пульсирующих, хищно проникающих во все. Так они всматриваются, примеряют себя к обстановке. Сам так умел, но прибегал к этому редко, сохраняя силы.

Хотелось бы знать, что делает в кроме такая птица? Впрочем, они приходили, не спрашивая. И трогательно старались напоминать людей. Трудясь, пожалуй, излишне. Не всегда надо опускаться на колени перед ребенком, чтобы тот выслушал и принял к сердцу твои слова.

Но стояло за этим неожиданным приходом и иное. Сидевшая перед ним, не скрывала нежную красоту своего тела. Опустилась на лавку чуть боком, чтобы под тканью обрисовалось круглое бедро. И держалась прямо, слишком прямо, давая заметить прекрасный очерк груди и шеи. Не желая того, отвел взгляд, поднял руку к лицу, боясь себя выдать, как самолюбивый молодой воин.

В свои немалые уже года он не устал любоваться женской красотой. И бывало, находил поутру в постели женщин из крома. Возможно, им, по молодости, льстила такая связь. Но долго при нем никто не оставался. Он был очень высок, на голову выше любого из вельж. Соразмерны росту были все части тела. Выдержать такую страсть один раз любопытно, но делать это правилом охотниц не находилось.

Был ли хозяином желанию? Не знал до сих пор. Хотя давно уже в лицо не бросалась краска, и было приятно просто смотреть, растворяясь в соблазне.

Но гостя наклонилась, обняла, коснулась губ. И сказала странное, перед тем как позволила развязать ворот платья: «Ты найдешь утраченное в грядущем...»

Лина. Обстоятельство третье

Вода, вопреки ожиданиям, не успокоила. Вот, не объяснишь – атмосфера знакомая, место видано-перевидано, но что-то сдвинулось. Что – еще не понятно. Естественно, прыгающие мозги приходится успокаивать, убеждать с нажимом, что, мол – игра воображения. Не в первый же раз...

Домой, все-таки, очень хотелось. День выдался заполошный, нелепый какой-то.

Да и леса местные, их парком не сделаешь, как ни пытайся. Тайга... Земля, уже по названию, не приветливая, требующая для выживания либо первозданной дикости, дающей с кровью предков, либо твердости первопроходца. То есть, это не просто какие-то заросшие деревьями места, а знаете ли – явление. Лес, как сосед – мутный, буйный и часто нетрезвый, но, несмотря на все странности поведения, субстанция разумная, со своим мнением по разным вопросам. И еще живет здесь что-то... Такое, с чем лучше не шутить.

А поначалу казалось, что главное зло – местные жители. Чтобы их понять – надо здесь родиться. А если ты из большого города, врасти в местные реалии даже не мечтай. Невозможно, как привыкнуть к холоду и боли...

Да, было дело, бесило такое, например, явление. Лес, вполне обыкновенный, не слишком густой, только хвойных, по сравнению с Подмосковьем, больше. Идешь по тропинке к какому-нибудь облюбованному месту и вдруг замечаешь, во всей этой васнецовской былине, вещь совершенно неуместную. Тряпки какие-то, причем, в большинстве случаев, странные. Детские колготки, каковые не носят уже полвека, белье из обихода обоих полов, или могут лежать, раскинувшись, недешевые заокеанские штаны, даже не особо грязные. Глупых вопросов связи с этим возникает множество. Куда, спрашивается, пошли без штанов? И если непременно уже понадобилось их выбросить, то почему среди дикого леса? Как-то всегда начинает интересоваться личность прежних владельцев этого добра. Следствием чего, все-таки, явилась инсталляция? Обкурились до полусмерти? Расставались с постылым прошлым, шагая за соляным обозом в Москву? Неизвестно, но интригует.

Находили, говорят, в тайге первые серийные автомобили Форда, антикварную мебель, парходы едва не наполеоновских времен, корабли пришельцев, – чего здесь только не было. Но жила еще и лихомань... Так что бог с ними, с тряпками, пусть валяются.

В общем, на что-то подобное она и наступила, когда пыталась помыть руки. Вот такой небольшой песчаный пляжик, круто спускающийся к воде, вот – травяные кочки, а вот – эти тряпки, кучей наложены.

Когда руки наполовину отмылись, ее что-то удивило в этом странном соседстве. Просто мельком взглянула и позабыла обо всем. Тряпки были действительно дикие. Присутствовал такой полный набор одежды, даже с дорожной котомкой. Ткань застиранная и очень грубая. Непонятно даже, кому пришло в голову пошить рубаху из такой мешковины. Но гвоздем программы была, конечно, обувь. Кто ее знает – постолы. Всплыло при взгляде такое название. Домодельные башмаки с завязками, поношенные, грязные, большие, на мужскую ногу. Просто из скифского кургана – с металлическими нашивками, с загнутыми носами. Это ж фантазию нужно, чтоб такое стачать...

Подмывало заглянуть в сумку. Найдись там молодильные яблоки со скатертью самобранной – удивления никакого. Их в сказках именно в таких емкостях и носят – грязных, клепанных, кустарно обшитых кожей. Что-то в этом было от конской упряжи.

Но когда взгляд добрался до крупного, затейливо оплетенного кожей лука, она усмехнулась и поднялась на ноги. «Добрались-таки и сюда!» Лук был добротный, выглядывал из потертого чехла. И штукой был такой, не из обихода доморощенного викинга. Прямо киношный реквизит для крупных планов. Потертый, состаренный, чтоб история ощущалась.

Людя блажного, с луками и без, в соседнюю деревню изрядно прибывалось. Искатели истины, адепты тайных знаний, говорившие порой исключительно на гипербореическом языке. Туристы их любили, местные побаивались. Они порой вели себя странно, принимались натужно проповедовать или сыпали проклятиями.

В общем, надо было уходить. Но едва она повернулась спиной, раздалось веселое и требовательное: «Хэй!». В общем, они и так могли начать беседу, в духе Сократа. С другого конца озера ей махал руками, должно быть, обладатель тряпок и лука. Стой, мол, не бойся. И уже плыл навстречу. Как-то неестественно быстро плыл. Нырять и стремительно выскакивая на поверхность, как морское животное. Разум отказывался воспринимать этот кадр как кусок реальности. Такой напор для крошечного озерца... Волны, раскидав кувшинки, лизнули нос кроссовка. Она отдернула ногу и сделала несколько шагов назад.

Потом бросила взгляд на вылезавшего и отвернулась. Карасевские жители в викингов и эльфов заигрывались. Помилуйте, какие плавки? Праотцы такого не знали... И, вот, чего действительно не хватало в событиях этого дня, так это поисков исторической правды.

– Прикройся хоть!

– Не... Харшо! – голос бодрый, ему вообще все нравится.

– Не простудись, милый.

– Ни хлад, – слова, вроде бы знакомые, звучали странно. Говорил он с сильным акцентом, жестко, и в нос, произнося согласные. Ну что ж, когда к ситуации «натуралист» прибавляется пункт «иностранец», заводится хотя бы надежда быстро отвязаться.

Но спустя мгновение ей стало не до этого. Мир опять плыл перед глазами. Казалось, это была краткая потеря сознания, когда побывав в небытии, разум возвращается и сталкивается с этим впечатлением сбавляющей обороты центрифуги. Удержаться на ногах в таких случаях не просто. Но ей, каким-то чудом, удалось. Надо было постоять спокойно, хотя бы пару мгновений, в темноте, чтобы не было этой круговерти... Закрыть лицо руками, плотно... В голове стоял знакомый зум, горло слиплось от противного вяжущего вкуса. «Господи, опять! Опять эта петрушка! Да провались оно все!»

Она подхватила этюдник и рванула вверх по склону. Но была с маху схвачена за рукав. Едва удержала равновесие.

Человек этот приблизился и навис. Именно навис. Роста он оказался высокого. И штаны уже успел надеть. Но цель свою – не пугать, упустил. Серая мешковина, перехваченная веревкой, напрягала больше, чем нагота. Можно такое носить? Вообще, кому это придет в голову? От него шел странный запах. Вот, бывает, приезжаешь в чужую страну, и, прежде всего, удивляет этот не сопоставимый ни с чем, незнакомый дух, ни противный, ни заманчивый. Просто чужой. Привыкаешь к нему со временем...

Незнакомец, меж тем, сгреб рукав в горсть, крепко, не вырвешь, и изрек, вроде оправдываясь:

– А ам адурья! Баяти са буди?

Голос у него был приятный, в словах ощущалась тень улыбки. Здорово бы тебя, золотой, не «баяти са». Только чего-то не получается.

Нет, ну чтобы отвязаться, там по-другому надо действовать! Настойчиво смотреть в глаза и говорить, убедительно, полагаясь в основном на интонацию. И она посмотрела...

Не то чтобы убедительно, но и даже вообще, говорить расхотелось. Не было слов. Этюдник с грохотом свалился на землю. Она не обратила внимания. Нервно глотнула и прикрыла рот рукой.

Таких красивых лиц не видела никогда. Даже страшно рядом стоять. Что-то сверхчеловеческое, даже внеземное. Так предки представляли себе богов. Наверное... Или нет, ангелов. Как на иконе. Со всей этой беспримерной математической гармонией черт. Где все выверено и соразмерно. Плавные дуги золотых бровей перетекают в узкий, длинный нос, поддерживаются по стилю аскетическими скулами, и вся форма нисходит к короткой, густой бороде. Ух! Даже дух захватывает. Архитектура какая-то, а не биология! И в цвете бесподобно. Большие голубые глаза, нежный румянец, золотые волосы. Да, мокрые, растрепанные, накрученные в какие-то нелепые косы, но поразительно, иконописно элегантные.

Чудо какое-то! Будто нарисовано... Впрочем, были в образе и шероховатости. Да, ангел, но такой, как бы, падший. Понятно, в спешке было не до рубахи. И вот то, что не прикрыто, оно в музейные экспонаты не годилось. Совсем...

Этакая поеденная природой машина для житья, чем-то даже смахивающая на анатомические препараты. Жира там патологически не было. Такие насмерть высушенные тела можно наблюдать, разве что, у престарелых бодибилдеров. К тому же, все густо забито татуировками. По стилю – какое-то этно, причем очень высокой пробы. Неяркие, красноватые рисунки располагались преимущественно на ключевых точках тела, суставах, срединных и боковых линиях. Смотрелось красиво, и чувствовалась в этом единая система, не случайно и не в разброс они были нанесены. Тот, кто их набивал, знал, как подчеркнуть красоту сложения.

И там, вообще, имелось что подчеркнуть. Парень был высок и поразительно красиво сложен. Если «распустить» глаз, чтобы жил и мослов не замечать, к этой осанке крылья вполне бы подошли.

Рассматривать его было до невозможности любопытно. Открывались все новые детали, в русле логики какой-то нелюдской. Это, вот, косы до пояса, штуки три, наверное, нет четыре. Зачем? Царапины на боку, три длинных, абсолютно параллельных надреза. Кто это мог сделать? Когда вот так выпирают ключицы и даже мышечные волокна на груди и плечах – это какая-то болезнь?

Она не могла остановиться. Хотя было стыдно. Даже, наверное, опасно. Напоследок парень улыбнулся. Вполне искренне. Ожидая, должно быть, ответа. И опять напугал до смерти. У него был оскал шестилетнего. Знаете, когда зубы растут. И торчат, круглые и гладкие, из распухших десен, вылезши наполовину. У ребенка мило смотрится.

На вид ему было лет двадцать пять. Свежая кожа, блеск в глазах, густые волосы – все говорило о том, что он молод.

И красивый... Неизвестно как человек ощущает себя в подобном теле. Есть такое в кинематографе явление – лицо-талисман. Поразительной красоты статист, кочующий из фильма в фильм ради эффектного кадра (надо порой, в ключевой момент зрителя зажечь). При каждом талантливом режиссере такие есть. Не знаешь, завидовать им или сочувствовать... И вот, интересно, откуда они берутся? Это ж какая-то уникальная генетика, древняя благородная кровь... А этот вот, в тайге откуда взялся? Прилетел? Низвергнут за грехи? Сбежал со съёмочной площадки?

Она сделала шаг назад и дернула рукав.

– Отпустите! – незнакомец продолжал рассматривать и улыбаться.

– Вы из Карасева что ли?

Он оглянулся как-то быстро и воровато. Потом уставился вдаль, поверх ее головы. Было отчетливое ощущение, что мил человек заметил кого-то сзади, и даже делает тому знаки. Лицо у него как-то вытянулось и поплыло, застыло на нем удивленное, даже потерянное выражение, угол рта под пушистым усом задергался. Оглянулась, не смогла удержаться – никого.

Помолчав некоторое время, ангел спросил как-то неожиданно и неуместно, очень отвлеченным спокойным голосом:

– Карасево аст цто?

Какой-то псих. Напоминал даже не чудаковатого иностранца, а натурального выходца из профильного интерната. И манеры, и вопросы, и оскал этот страшный, которым сменился подергивающийся ус. Он пытался быть обаятельным. Как это понимают сумасшедшие. И говор его очень неоднозначное впечатление производил.

Часто такой же наивной смелостью изъясняться на совершенно чуждом по строю языке, поражают китайцы. Даже уважать их начинаешь. Каковы наглецы! Слова все положенные человек старательно произносит, но ни ударения, ни интонация, ни темп в чужой ритм не попадают. Воспринимается как словесная каша. И только через время начинаешь улавливать в этом субстрате знакомые звуки. Привыкаешь со временем, как к гулению младенца, и начинаешь понимать, чего от тебя хотят, скорее интуитивно:

Бывает такое и у дизлаликов, когда человек просто выдает ряд слов на тему, не пытаясь их связать.

Ну ладно, положим иностранец. Надо верить в лучшее.

– Вы, вижу, не местный. Поляк, серб? – его акцент надвигал на мысли, о славянском происхождении. Откуда-то он из Европы, но не немец и не француз.

Он мотнул головой.

– Арья, – и протянул кисть лодочкой по направлению к ней.

Да, он – гипербореец... Тут в Карасево все, в той или иной степени, гиперборейцы. О чем она думала, в конце концов?

– Я не столь высокого происхождения, но из стольного града.

С головой там нелады, оказывается, в другом направлении. Такой он у себя северный бог. Индра, любитель сомы...

– Сар, – к расписанной татуировками груди был официально приставлен палец. Острый, корявый, с изящным светлым ногтем. И она даже не успела уследить, как штука эта прилетела к застежке ее куртки.

– Ты?

Ангел двигался неуловимо быстро. Так во сне бывает. Видишь какой-нибудь страх на горизонте, и вдруг, бац! – прямо перед носом. Может снится? Она отпрянула.

– Лина, – ничего не оставалось, как представится. Но не надо было. Нельзя с придурками всерьез заговаривать.

Ангел склонил голову набок. И вдруг неожиданно выпалил.

– Позволь спросить, – он посерьезнел и немного оскалил зубы, – Ты видишь здесь кого-то кроме меня?

Фразы он начал стоять иначе, даже акцент почти пропал. Господи, да он еще и прикалывается! Играл, что ли, в иностранца? Зачем?

Она сделала несколько шагов назад и проронила чуть слышно:

– А должна? – навалился нешуточный страх. Много здесь было неловкого и непонятного. От чего хотелось бежать.

– Тогда почему ты обращаешься ко мне, как многим? – голос его ушел в высокие скандальные ноты. Чем-то он был возмущен.

Но заметив, что отодвигаются, напор ослабил. Сделал непроницаемое лицо и щелкнул пальцами,

– И это... как там... стольный град – это что?

Ноги жили сами по себе. Шаг назад, еще один. Надо оглянуться. Тропа там за спиной. Не оступиться бы...

Да, он, конечно, ждал, что ему будут объяснять, что такое стольный град. У него были какие-то свои планы... Но ангел этот – не актер, не сектант и не блаженный карасевец. И не сумасшедший...

Ноги получили-таки свободу. Мигом сорвало с места и понесло вверх по склону.

Сар. Мета первая

Аса... Принесшая себя в жертву... Теперь понял, как это приходит.

Дикая песня... О том, что другой важнее. Потому что любишь. Уверен в величайшей ценности... Не можешь иначе.

Скажите, радость людям в любви? Говорите...

Но от нее умирают и не жалеют о том ни мгновенья. Теперь ты, Аса, не будешь меня судить. Отомстила...

Да, подобно тебе, готов бросить к ее ногам весь мир! Эту ревущую громаду. И хохотать средь звона осколков. Жизни... Смерти... Что они? И будто поешь колыбельную, с невыразимой нежностью.

Все вы мне отомстили... Над кем смеялся, не слыша робкого стука сердец, чьи судьбы ломал и гнул не задумываясь...

Жесток был. Мнил себя небесным певцом. Избранным... К которому должно приходиться все, что ни пожелает.

И вот итог.

Роковая чаша с темным питьем. За ней – небытие.

Кромешная мгла, тишина, как в меховом покрове. Смешно было в детстве прятаться под ним. Звуки приходили и уходили по мановению руки.

В этом ра не бывает так тихо. Заснув, будто выходишь в соседнюю клеть, во всем сомне шумов и света. Часто обретаешь себя на берегу Кунды. Она такая же, как всегда, в чаше зелени и ветвей, с той же музыкой воды по черным валунам, с теми же ослепительными бликами света. Не вдруг поймешь, что это – звонкая ласка солнца или врата. Они всегда являются неожиданно. Больно их ощущать. Будто падают серебряные пластины.

Собраться на них – искусство. Особенно тяжело это тем, кто живет в волнах звука. Врата не безмолвны. И нетерпимо звонкий, тонкий этот свист заставляет терять себя. Не всегда успеваешь уследить их приход. Музыка чуждого мира... Она врывается резко, с маху уносит, как шумный поток.

Тяжек он ушам, но невыразимо прекрасен... звук разверзшейся Вселенной.

Ее приход – как удивленный вскрик. Стоит в воде по колено. Сам-друг, перед лицом! Так являются призраки.

Нагая. Прекрасная телом, как вайшские жены. Каждая линия – словно след воды, словно тихая песня в вечернем лесу... В ней жил и мерцал лунный свет. Белая кожа, темные волосы. Бывают такие, оказывается, рожденные не краской и резцом...

Смотрит доверчиво, как теленок лани. Существо столь прекрасное, что не мыслишь целиться, в голову не идет... Тонкие черты, четкие окружья бровей, непроницаемая глубина глаз, широкая, как бездна, без блеска, без бликов... Красота сродни птичьей песне. Когда непредсказуем и сладок каждый звук. Услышишь и воскликнешь: «Давай! Дери свое маленькое горло и научи быть счастливым!» Так они кричат на рассвете...

Пришедшая ничего не прятала. Не показывала себя. Просто стояла рядом. Протяни руку – дотронешься.

Призрак? Сладкое виденье. Когда ты молод, когда по спине шурша колеблются волосы, когда ощущаешь нагим животом тепло ее тела... В глазах темно. Все плывет в тяжелом стуке сердца...

Он должен стать первым. Первым из тех, кто приведет ее к гибели. Судьба воина – убивать... В гневе и с холодным сердцем, с наслаждением и без...

Но... Сейчас пришло то, о чем молят богов. Жена-свет. Великанша, за которой стоят силы нездешние.

И маленький мир, бесконечно умирительный. Умещающийся в руках... Теплая кожа, тонкий звук дыхания, шелк волос, нежные влажные губы. Ничего в жизни не помнил слаще того поцелуя.

Реальность вернулась в отрывистых звуках. Смех.. Воины привычно скалятся друг над другом. Их шестеро было в клети. Крепких молодых мужчин, с которыми бывало по утрам то, что творилось сейчас с ним.

«Что хороша?»

Он не понимал. Поднялся и с минуту стоял шатаясь. С удивлением оглаживая мокрые щеки. Ра странное порой творит с человеком.

Нужна, очень нужна была, колкая влага земли под ногами и плети ветвей. Он растолкал стоящих на пути и вылетел на лестницу. Знал уже, что не вернется...

Лина. Обстоятельство четвертое

Не понятно, как это произошло. Мир дернулся и полетел в сторону. Пестрая круговерть из листьев, веток, травы. Шум, треск падения. Потом тишина...

Через время обстановка осозналась. Но оглядеться мешали стебли. Бурые, мясистые, по макушку просто. Мамонтова трава... Много здесь такого бурьяна росло. Войлок! Никому в голову не придет в нем бродить и уж, тем более, валяться...

А вот ей пришло... Бежала, дерево не заметила, да и въехала с размаху. Дерево? Не заметила? Она? Выросшая в большом городе, где от всего приходится уворачиваться...

Удивительно было ощущать себя лежащей. Глупо и больно. Болел бок, болели локти. И там, если рукава засучить, не только ушибы, черт, ссадины... Режет и кровь... Как получилось?

Бывает в странных, даже опасных обстоятельствах отвлекаешься на мелочи. И порой это роковой промах.

Тело дернулось и собралось в ком. Само, без участия разума, утонувшего в судьбе локтей. Так во сне только бывает. Крупно, всем телом, дергаешься и просыпаешься. Древний рефлекс. Как у ежа, норовящего уколоть.

Прямо перед ней, в бурьяне виднелась мешковина, огромная босая ступня и покачивающийся этюдник.

Передернуло во второй раз. Взгляд медленно пополз вверх. Когда дошло до пункта «голова», пришлось зажмуриться и замотать головой. Чертов манекен, все-таки!

Ангел спокойно присутствовал рядом. Нависал. Иконописный лик виднелся в перспективе. Ее разглядывали, наклонив голову. Без эмоций и любопытства. Держали паузу...

Но, вот, все-таки... Выписать дикий вензель по круче, по кустам, вокруг единственной тропинки... Или, может, почудилось? Прямо как в дурных китайских боевиках, когда некто в летящих одеждах переносится за три версты в одно мгновение. Ну, несомненно, бегают он быстро. Босой, по острым веткам? И короб этот... Он всегда за все цепляется...

Взгляд залип на мерном покачивании этюдника. Захотелось отодвинуться, еще хотя бы немного. Но некуда. Обрыв. Спина эта пустота ощущается, даже в траве и кустах.

– Ты забыла, – ангел положил этюдник в траву.

Потом шагнул вперед и вытянул руку, может, хотел помочь. И вот этого не надо было делать. Замотав головой и руками, нет, мол, стойте там, где стояли, она быстро, местами на четвереньках, местами ползком, метнулась обратно к тропе. Даже не ожидала от себя. Этакая спорная легкость в членах. Как у бездомной собаки. И хромота вроде, и особо не спешит, а хрен поймает. Включилась программа «попытка к бегству номер два». С учетом всех промахов. И бог с ним, с этюдником. Ноги сами собой, незаметно и стремительно, несли к цели. Так шустро, что, кажется, будто летишь. Дома уже там, за кустами...

Но необъяснимо и пугающе обороты начали спадать. Потихоньку. Ноги ленились, словно по колено в воде. И вот уже обнаруживается неспешный шаг и размышления: «А не остановиться ли?» И остановилась, и обернулась.

Ангел позы не поменял. Так и стол лицом к обрыву, ссутулившись и понурился. На его, застывшем каменной маской лице, был, не объяснишь, оттенок, какой-то невыразимой горечи. Как бывает у смертельно обиженных людей.

Разрывало на части. Одна вопила и сыпала руганью, вторая находилась в тупике. Больно ей было на этого пришельца смотреть.

Но тут тело опять дернулось и отнесло на пару шагов назад. Ангел резко развернулся и почти закричал:

– Куда ты все время бежишь? – он всплеснул руками. Ничего не понимал. Оскалился, сморщил нос. Глаза бешенные. Но не страшно. Смешно очень. Она прыснула и зажала рот ладонями. Слишком резкие, нечеловечески правильные, черты производили впечатление грима. Вульгарного, из самодеятельного спектакля, когда густо наводят жестокие брови и челюсти.

Она сделала серьезные глаза, не отнимая ладоней. Но ангела понесло. Он был рассержен, даже взбешен. Разговор перешел на высокие ноты:

– Я страшный? Делаю что-то не так? Ответь!

Еще пара шагов назад. Отчаянные мотания головой и руками. Мол, не беспокойся, все в порядке. Драм всех этих не хотелось. Да она попросту не знала, что сказать. Не ожидала такого. После бесконечно длящейся паузы, было, наконец, выдвинуто хрипло и не своим голосом:

– Зачем вы за мной бежали?

– Надо было тебя остановить, – злиться он престал, но не расслабился. Холодно сверкал глазами. Лицо у него было на удивление выразительным. Черты быстро и неуловимо менялись, обнаруживая все мысли и намерения. Такое можно наблюдать у совсем маленьких детей, лет двух-трех. Когда человек еще не примерил защитную маску. Это было приятное впечатление. Красивые лица редко бывают живыми и подвижными.

И, похоже, парень не ощущал своей красоты. Страх оскорбить неуместной гримасой божественные формы, очень чувствительный для всех красавцев, здесь отсутствовал вовсе.

Он виновато улыбнулся и добавил:

– Ты бы далеко могла уйти, заблудилась...

Опять какую-то пургу несет. Заблудилась... Может это такой российский амиш, которому устав запрещает даже подтяжки и шляпу? Эти теряются порой во времени и пространстве. Нет, ну он гипербореец, ты забыла...

– Вы не в курсе, наверное, тут рядом есть деревня.

Ангел поднял брови.

– Скажи, как попросить, чтобы ты объяснила, почему видишь несколько тел? Ведь сейчас я – целое! Он во мне!

Страшно подмывало спросить: «Кто – он?» Но, в таком случае, беседа грозила затянуться. Стали бы объяснять. И выяснилось, что там все, как у большинства шизофреников. Воображаемый друг, либо двойник. И его, может даже, как-то зовут и характером он обладает сложным... Много она такой литературы прочитала, пока разбиралась в своем случае.

– Извини, Сар, мне пора. Устала, домой хочу.

Нахмурился, взглянул искоса.

– Глупость делаешь. Нет никакой деревни. Здесь леса на много переходов.

Она кивнула и направилась по тропинке к коттеджам.

– Не уходи далеко! – звучало уже вслед и сознания почти не касалось. У парня был звонкий, сильный голос. Не многие обладают таким, когда каждое слово ласкает слух, перекачивается в памяти как крупная жемчужина...

Все это вертелось в голове, но больше всего на свете, хотелось скучных, обыкновенных лиц и обстоятельств.

Вот сейчас должно мелькнуть! Тот самый дом на окраине. Но вокруг – деревья. Вполне первозданные, поросшие мхом. Под ноги стелятся узкие, полузаросшие тропы. Пару-тройку раз она убеждала себя, что пошла не туда, опять что-то перепутала. Возвращалась к исходной точке и проделывала еще один бессмысленный и пугающий путь. Упрямства хватило ненадолго.

С трудом подавляя кипевшую в голове панику, она ловила себя на версиях уже откровенно диких. Да, конечно, слышана о перемещениях во времени и пространстве. И, да,

от участи этой никто не застрахован. И, да, обитали здесь по слухам какие-то тайные жители. И орали, наверное, они... Но, черт побери, это какая-то желтая пресса! Фиолетовый туман должен быть, как во всех этих статьях описано! А тут ничего! Есть этот чертов Сар, есть озеро. И вокруг него начисто отсутствуют все еще с утра существовавшие постройки... Была еще версия, что Сар – колдун и ее загипнотизировал...

Но мысли такие – они поверхность, иллюзия рассудка, под ними, клокотало безумие. Холод, дрожь, дурнота. Огромного труда стоит подавить тысячу беспорядочных позывов к движению. В реале же стоишь с глупым видом, вертишься во все стороны и ни на чем не можешь сфокусировать взгляд.

Сар! Это был выход. Единственное живое существо в этом кошмаре. Господи, только бы не ушел! «Леса на много переходов...» Этот в курсе... Надо ловить и вытрясать!

К счастью, хватило ума далеко не ходить. Вон он, просвет между деревьями и озеро... Но ловить и вытрясать... Это смешно может получиться с падшим ангелом. Публика такая глаголет ровно то, что считает нужным, не более...

Угораздило же... Она присела на корягу. Улыбнулась, покачивая головой. Кому рассказать – не поверят. Были в жизни и похуже обстоятельства. Но чтоб вот так...

Впрочем, она знала, секрет этого неожиданного спокойствия. Водилось за ней такое. У любого заполошного человека бывают в тревоге точки останова, наверное, чтоб с ума не сошел. Короткое замыкание... Чтобы там ни творилось вокруг – сидит, улыбается, на душе спокойно... Бабочки в животе...

Хоть мир рухнул, хоть тигр на него прыгни – устал бояться. Тоже, по сути, псих. Ущербная генетика... В природе такие не выживают. А вот цивилизация их щадит... За вполне самоубийственными тормозами часто приходит озарение. Человек вдруг остро ощущает красоту природы, понимает новую закономерность бытия, видит ослепительный художественный образ. И надо, чтоб он выжил, и об увиденном рассказал...

Ангел... Вот какой он... Нарочно не придумаешь. Не бывает просто подобного замеса форм и смыслов. И голос... Волшебный... Это он, наверное, не сразу может со своего небесного на человеческий перейти. Прямо все как у нас... Говорить без акцента начинаешь, только с привычки думать на языке. У них, наверное, быстрее...

Она была благодарна себе за эти минуты. Приятно впасть в детство. Размышлять о природе вещей в рамках пятилетнего ума. Волшебники, сказки, феи... Иногда это надо.

В реальности она просто боялась возвращаться. Новый знакомец будил в ней те же болезненные ощущения, что и активный, чрезмерно брутальный старец с сединой, крашенной в желтый цвет. Ну, не бывает такого в природе. Противно ей, чтобы возрасту не покорялись и вели себя как раковая клетка, неугомонная и бессмертная. Нечто в ее сознании примириться с существованием этого человека не могло. Занозой он был в мозгу. Вспомнишь – заболит... Страшный человек. Почему страшный – непонятно...

Красивый ведь... Этакий сухой, явленный в мистической экзальтации, отшлифованный веками лик.

Она качала головой улыбаясь. Тридцатилетняя дева в поисках смыслов...

Опасения разминуться с ангелом оказались напрасными – косвенно он в здешних местах присутствовал. Самого не видно, но котомка стояла. Уронив себя и этюдник на поваленный ствол, она не имела ни сил, ни желания двигаться, так и сидела, понуриив голову. На смену нелепым порывам пришла желчь.

Разглядывая, даже не винтажного, а какого-то археологического вида, ангелову поклажу, она не могла представить, о чем можно говорить с ее владельцем. Это какой-то восставший из кургана печенег, кто его знает.

– Ну и? – неожиданно прозвенело над ухом.

Ее передернуло. С трудом заставила себя поднять глаза и опять непроизвольно мотнула головой. Невыносимо...

– Пойдем!

И опять началось это пугающее вторжение. Когда человек делает с тобой нечто, а ты просто не успеваешь уследить. Непонятно, пугает больше или бесит. И отбиться нельзя. Не успеваешь...

Сперва рука заболела. Потом тело испугалось ощущения полета. Это она уже бежит, отчаянно перебирая ногами. Ринули вверх, потащили, сцапав руку как клещами. И понималось все задним числом... Как в дурном сне!

Ангел стремительно несясь сквозь кусты. Ветки, высокая трава, соломенные косы... Все мелькало в бешеном ритме. Успевай только уворачиваться. Желчь как рукой сняло. Тут бы выжить.

Но когда с вершины холма открылись окрестности – забылось все. Озеро лежало в чаше пологих холмов, в самой низине. При виде этой величественной панорамы, не то что про досаду и усталость – как тебя зовут забудешь. Восторг! Бархатная, многоцветная зелень холмов, внизу, как драгоценная брошь, вода. И если, вот, так вертеться по кругу – сплошной зеленый горизонт. Непроходимая тайга, как ковер на весь зримый мир. Даже не понятно – сон это или явь.

– И где здесь дома? – Сар величественно покосился.

– В лесу есть. Наверное...

Пейзаж ничем не напоминал все виденное с холмов за деревней. Там были просеки, залысины полей, поселковые крыши.

– Жило – это очаг, а очаг – это дым.

Назидательный тон в ангельский образ попадал. Этакая коломенская верста из золота и слоновой кости, обернутая мешковиной. Архаически одет, архаически причесан. Должен, по законам жанра, сыпать ветхозаветными фразами...

Но лес, даже без этих самых «жил», он сводил с ума. Полное отсутствие логики и красота! Расслабляющая сердце, веселящая ум. Которой прощаешь все! Свежий ветер, проносившийся сквозь тело. Шум волнующихся исполинских деревьев...

– В святом месте стоишь. Это – Арьяна Ваяджо.

Что бы там ни было сказано, с величием тайги сравниться не могло. Не проникало в ум. Там безраздельно царил зеленый горизонт. Сар, меж тем, продолжал:

– Кунда – ее пуп, исполняет желания.

Кунда... И тут уже захотелось прислушаться. Вот, как он это произнес... С ударением на «у», немного в нос, так что сразу понятно, что слово родственно «кунать», «окунять». Позабавило, признаться. Такая игра в слова, с поисками новых смыслов, обычно под градусом начинается. Окутанное ватой сознание выдает порой удивительные перлы... Под градусом? Сейчас?

Ну, а почему бы и нет? Абсурд полный, вроде напилась... Это, наверное, название все же, иначе он бы сказал «озеро». И, на минутку, санскрит. Ну да, он же арья...

– Чего же ты желал?

Сар усмехнулся.

– И ты действительно хочешь знать?

Нет, ничего она такого не хотела. Домой надо было. Очень. Чтобы скучно, привычно и в голову не лезло неожиданное: «Господи. Это еще и родина Заратуштры...»

Опять тормозяк. Мозги устали от чудес. Она улыбалась, мирно шурилась и оглядывалась. На холме было хорошо. Остаться бы подольше...

Эйфория кончилась по ходу спуска. Накатил дикий утробный страх. Сердце билось как бешенное, дрожь она даже не пыталась унять. Просто надо было следить, чтобы тело, по возможности, не дергалось, и не подворачивались ступни. Она потирала плечи и нервно озиралась.

Вечерело, по траве начал стелиться туман. Обычно это была пора возвращения в жилище. Когда компания художников, побросав в углу этюдники, хвасталась добычей, пила чай и осознавала себя некоей слитой общностью. Волки для того же воют на луну. А она вот здесь.

На берегу озера абсурд ситуации резанул по нервам со всей силы. Место было знакомое, исхоженное и писанное не раз... Она поняла, что больше не может всего этого переносить. Сейчас же должно кончиться! Как страшные сны. Надо мотать головой и собраться в ком. Сильно сжаться... И будет комната в коттедже, кровать, незаконченные этюды по стенам... Она села, привалилась к бревну и зажмурилась. Вот еще минута и сейчас!

– Ну и что скорчилась? За хворостом, сходи, – на спину легло теплое и мягкое, оглаживало... И чертов сон не уходил!

Нет, ну должен! Обязательно! Вот сейчас! Отодвинуться только от этого теплого, большого... Но не пускало. Навалилось, принялось трясти. Пришлось открыть глаза. И физиономия эта опять...

– Да отвали ты! – глаза щипало, щеки мокрые. Почему мокрые? Ведь не плачет... И не уходит, не уходит сон! Не оставаться же в этом кошмаре!

С паникой она справиться уже не могла. Будущие творцы еще в детстве демонстрируют такие срывы в садах-интернатах. Лишение привычной обстановки – апокалипсис. Ведь именно она – каркас этих хрупких мозгов. И с годами ситуация не меняется. Так же они ведут себя в тюрьмах, неизвестных пугающих местах и мучительных отношениях. Истерят, полностью себя теряют. Считается это слабостью натуры и откидывает человека в самые низы стадной иерархии. Но вся ирония жизни в том, что существа с характером более твердым, получающие при виде вопящего неврастеника приятный массаж самооценки, в культуру особых ценностей не привносят...

То, что с ней творилось, было гранью обморока. Все звуки, запахи, прикосновения казались пронзительно резкими. Мир виделся не целым, а серией почти не связанных между собой эпизодов с какими-то неправдоподобно четкими подробностями, которые намертво врезаются в память. На мгновение отвлекла боль. Что-то впилося в лодыжку. Еле сбросила. Даже кричать не могла, так испугалась. Зеленое, небольшое – зверек, или какой-то кудрявый кустик. Будучи сброшено с брючины, фыркнуло, секунду призадумалось и легонько, этаким иноходью, поскакало прочь. Больше всего напоминало брокколи, выпустившую лапки для удобства передвижения.

– Экая штука редкая! – послышалось над ухом, – это ж баранец! Не думал, что они могли где-то выжить!

Последнее, что помнилось – Сар, устремившийся за существом. Пытался его поймать, наверно. Выглядел глупо. Кот, охотящийся за лягушкой... Но куда ему зеленую поймать...

Что-то внутри отметило, что творящееся – реальность и теперь это навсегда...

Она закрыла лицо руками и заорала что есть сил. Скорчившись, царапая кожу на щеках, повалилась в траву.

Глам. Мета четвертая

Кто знает, какова любовь богинь, в тайне предпочитает ее избегнуть. Они походят на драгоценный подарок, который негде хранить. Только их красота оправдывает все, заставляет закрывать глаза на протivoестественность связи.

Да, Ратна была той самой небесной странницей, найденной в пыли, положенной за пазуху, и беспощадно ранящей живот и ткань рубахи острыми как лезвие краями. Такие следует хранить в ларцах с защитными янтрами...

День рядом с ней родился из ночи. Держа в объятиях этот хрупкий мир, он испытывал странные, незнакомые чувства.

В нежной, гибкой телесности Ратны было много от ребенка. Невысокого роста, волосы коротко острижены, как обычно у жриц-сайби. Трогательно... Как семилетнее дитя на грани выбора варны.

Он не зачал жизни. Ни одной. Знал об этом и делал намеренно. Порой воины поощряли такое. Но тело... Оно негромко шептало о своем. Однажды застал себя носящим ее по клетке. Укачивал, завернув в одеяло. Испугался. Слишком многое из телесных стремлений приходится забывать ради пути.

Но отцом он был... Всем, кого втянул суровый мир воинов. Они приходили в кром стриженными, в знак обретения нового пути, потерянными, слишком маленькими и беспомощными. Семи лет от роду. Им нужна была рука на голове и доброе слово. «Отче» – так они обращались и обращаются. Но это «отче» звучит как «исвара».

Был, правда, человек, называвший отцом без оттенка «господин». Мальчик, за которым стояла смерть. Яркий, сильный, избранный... Надежда для свода, для всех арийских вежд... Прирос к сердцу. И украл то, что крадут дети в жажде воплощения. Зерно жизни.

Десирад по прозвищу Сар... И не только по прозвищу. Сар, каких поискать. Вещий...

Жалею, что отдал ему зерно, но свершение для воина – единственно возможный ход событий. Не ведаешь на этом пути, что многого в жизни стоит избегнуть. Не начинать и не задумываться даже...

Днем Ратна горела, как солнце. Едва возможно угнаться. Когда силы оставляли, вспоминался лунный свет, она, спящая. И все забывалось. И страх, и восторг. Пропадали сомнения... Только эта прекрасная мечта в руках. Мечта о несбывшемся, о невозможном...

«...Ты найдешь утраченное в грядущем...» Аватар-мета жила без малого пять тысяч лет тому вперед. Древняя машина сошла с ума, выбрав для служения чужака. Это была женщина, походящая сутью на Ратну, но на Ратну из мира демонов...

Поисковая сеть жрицы беспримерно мелкая и подробная. Взглянул – едва не одолело забытие. Так бывает перед лицом непосильного испытания Нити уходили за временной предел на тысячелетия. Какую же мощь должно вмещать в себе это хрупкое тело?! Тогда он впервые испугался. И этой женщины, и пропасти, куда она толкала.. Задумался о побеге. Пусть все идет, как заповедано. Надо готовить вежду к исходу...

Ратна мгновенно поймала настрой, и произошел разговор взглядов. Она ни к чему не принуждала, не давила и не пыталась обмануть, просто предлагала возможность... Единственную... Исход был тяжким испытанием и, в половине случаев, заканчивался неудачей.

В деланиях переноса из грядущего воину со жрецом не сравниться. Пришлось прибегнуть к силе братства. Деяние поддержали те, кого называют сары. Воины с сильным жреческим зерном. Взглянув на иного, не вдруг поймешь – нара или нараяна. В кроме их было шестеро. Совсем юные. Но мета сара видна уже с рождения. Они не спрашивали ни о чем, просто отдали, что требовалось. И с той поры стали единым комом силы. Многоглавым уродом из тех, что

срастаются в утробе, и обречены на дикую смесь отчаяния и удовольствия от близости друг друга.

Пока не попробуешь, не можешь себе представить, сколь многое приходится отдавать тому, кого считаешь отчасти собой. Особенно, если он твое подобие. И вместе с силой дана ему свобода. Свобода быть странным, несуразным, страшным порой в своем принципе.

Десирад был одним из шести. И он предал меня. Предал дважды.

И первый раз я не отважился его судить. Стоит идти против природы? Ратна была из тех, кто не успокоится в объятьях одного мужчины. Что странного, в том, что следующим выбрали его – юного, красивого как бог, владеющего волшебным голосом гандхарва?

Он мог и не пойти вслед за ней. Ведь видел и понимал все. Но родовая связь делает глухим и слепым к страданиям старших. Так человек принужден выживать в недрах этой дживы...

Второй раз... Мне ли его судить? Он – моя молодость. Та же буйная, больная душа. В поисках смысла, своего места под солнцем...

Меня, будь я тех же лет, начатое напугало бы, отвратило... Нет в том правды и милосердия. Жестоко, как сама жизнь, дающая шанс сильному за счет слабых...

Юному не по силам принять и благословить зверство бытия. Рвется и бунтует, даже с риском погибнуть, стать тем самым загнивающим членом, который стоит отрубить, чтобы выжило целое.

Но больно это и страшно – резать собственную плоть...

Лина. Обстоятельство пятое

Тяжесть... Болят бока, руки, голова. Челюсти сводит. Во рту противный кислый вкус. Дышать невозможно. Это страшное навалилось всем весом. Ни вывернуться, ни даже дернуться...

Глаза разлепить... Трудно дается, но надо. Первое – удивленный взвизг. Просто не смогла удержаться. Испугалась очень. Лапы. Прямо у лица. Красные, корявые. Одна давит на лоб. Больно – череп едва не хрустит, другая сжимает скулы, в двух болезненных точках, чуть ниже уха. Когда надавишь случайно, щеку подперев – появляется эта самая боль в сведенном подбородке и кислота во рту.

Меж лап – сосредоточенная ангельская физиономия. Запах пота, свисающие растрепанные косы. Оскалился, даже кончик языка высунул между зубами. Погружен в процесс и уверен в результатах. Знает, то есть, что делает.

И все предвидел. Что будут дергаться, вырываться. Сидел на ней, плотно обхватив ногами бока. Очень сильный и тяжелый. Руки притиснул к туловищу. Не двинешься. И болит все, как в клещах.

Вместо ругани получалось мычанье. И сознание вернулось, прояснилось вполне. Возмущение и злость, они, как раз – последствия включения мозгов. Пока не работают – страх... Такого утробного ужаса, как здесь, когда уже само тело паникует, трясется, рвется куда-то нелепо – не доводилось испытывать. Просто не хозяин уже этому напуганному зверю.

Что очнулись и злятся, ангел мигом просек. Хватку ослабил, откинулся назад, но не слез. Сделал странный жест. Встряхнул руки, будто хотел, чтобы сошла вода или грязь. Пас был из целительского, или даже, врачебного обихода.

– Извини, думал ты сильная, – он сделал неопределенный жест у головы, – держишься, самоуверенно.

Ребра болели невыносимо. Тяжелый, сволочь. Странно тяжелый для такого сложения. К тому же, вставать не собирался. Наклонился, провел рукой по волосам. Приблизился. На лице, застывшем каменной маской выражение сумасшедшее. Глаза распахнуты, ноздри дрожат. Черт его знает, то ли принохивается, то ли в горло сейчас вцепится. Она отвернулась, дернулась изо всех сил и простонала:

– Да слезь ты уже! Больно!

Он легко поднялся. Будучи крупным человеком, Сар был на редкость ловок в движениях. Мягко и быстро, как ртуть.

Руки занемели совсем. На боках, должно быть, уже наливались синяки. Вид будет веселенький через пару дней. Что врать-то? Соседям... Какие соседи?

Действиям ангела она не удивлялась. Вот, другой это сделай – и ругаться, и драться бы полезла. Но в ангеле было странно все. Какой диагноз непонятно, но видно – не здоров человек. Однако реакцию на ее поведение проявил вполне стандартную. Производила она впечатление этакое самоуглубленного флегматика, и никто не беспокоился насчет неожиданных взбрыков.

– Ты, должно быть, разочарован?

Сар отмахнулся:

– Сейчас тут веселье начнется... Мало не покажется!

У него был вид собаки, взявшей след. Глаза стеклянные, ноздри дрожат. Сеттер в стойке. Даже руку к груди подтянул, чтобы уж совсем один в один. Наконец отвлекся, мотнул головой и бросил:

– Шевели концами, вставай!

Видя, что не спешат, схватил за шиворот и поднял рывком.

– Кому говорю! Хворост собирай и в яму вали! – иконописный лик отлился в совершенно собачий, под усом блеснул клык. Не подчинись – верно заработала бы оплеуху. Испугаться не успела. Миготом отнесло на десяток шагов. Тело, оно свое дело знало...

Но собранный в суматохе хворост в руках не удержался. Посыпался. На Сара было страшно смотреть. Высокий жилистый парень, из всех людских типажей более всего напоминавший спецназовца, отчетливо паниковал. Двигался очень быстро, просто метался. Охапки веток жужжали, как снаряды. В яму их кидал. Порой промахивался. Но страх, он виден в тысяче мелких жестов. Оскальзывании, промахах, влажном блеске глаз. В манере этой поминутно оглядываться, дрожь ноздрями. Он боялся... Вот такой... Косая сажень в плечах...

Господи, что же это будет? Кошмар какой-то уж совсем...

Неожиданно накатили другие ощущения. О хворосте больше не вспомнилось. На грани слышимости родится шум и начал нарастать, стремительно, как приближающийся поезд. Гудело громко и странно, как в трансформаторной будке. Такой едкий, проникающий в самые мозги, звук... В воздухе ощущалось электричество, до того, что чудились искры, пробегающие в траве и между ветвей. Одежда и волосы чувствительно кололись током. Гул перерос в треск. Это ударило по нервам и заставило сжаться, застыть, спрятать лицо. К горлу подкатила тошнота. Она не помнила себя от ужаса.

– В яму, скорей! – рявкнули над ухом. Удар и полет вниз. Яма была глубокая. Непонятно откуда взявшаяся рытвина примерно в человеческий рост. Скорей всего, опавший карст. Здесь так бывает...

Что на этот раз уже точно сломает себе шею – уверенность была полная. Летела вниз головой. Благо хватило ума выставить вперед локти. Ветки спружинили, как батут. Ее откинуло к стене и вовремя. Сверху валилось темное и тяжелое. Отчаянный треск, и ее утянуло под сучья. Дышать стало невозможно. Мало того, что на ней лежали всем весом, ее вдавливали в сучья, трамбовали на самое дно. И главное не видно ничего. Лицо накрыл войлок. Толстая мохнатая ткань. Складки бесконечные, из которых не выпутаться. Она мотала головой, отплевывалась и пыталась кричать. Но слышался хрип.

Наконец удалось высунуть нос. Страх немного отпустил. Неяркий свет угасающего дня сквозь массу сучьев, предметы какие-то угольными глыбами...

Потом родился звук. Сначала на грани слышимости. Похожий на радостный, полный рев трубы. Раскатистый, богатый, он радовал ухо, и даже казалось, что сейчас мелодию узнаешь... Потом стало не до этого. Сар навалился всем весом, стиснул, так что ребра хрустнули. На уши легли горячие влажные плиты. Окутало ватой, но звук он продолжался, только теперь поменял тембр и переродился в зловещный рев. Сейчас это был уже невыносимо резкий сигнал электрички. Бесконечно растянутый, свербящий ухо, Господи, да что же это? Ревет все громче, и вот уже та грань, когда звук вот-вот погаснет навсегда, разорвав перепонки. Страшный, почти неслышимый, ощущаемый как мелкая тряска, гул, от которого кипят мозги...

Темнота, дикий страх на грани жизни и смерти. Миллион нелепых вопросов, проносящихся в голове: «Что это? Что там вообще наверху? Бомба упала? Какой-то маньяк убивает звуком все живое? Почему эта боль? За что?»

Это была черта, когда сознание собирается в пульсирующую точку, и остается лишь вопль, полный ужаса. Тот самый, скрипящий, последний в жизни... Из реальности она выпала.

Вернуться заставила боль в ушах и челюстях. Сар собрал руки вокруг ее головы в кольцо и сжимал что есть силы. Ревело по-прежнему. Но чувствовалось – глохнет. То страшное, что перлось над ними через лес, удалялось. Гудя, треща сучьями, катилось куда-то вдаль. Сар снял хватку и немного приподнялся. Провел по щеке.

– Ты как?

Била дрожь. Собрать для слов скачущие челюсти – не смешите. Еще пару минут не получится. И, кстати, дрожь рождает не пережитый страх...

Холодно... Очень холодно. Мороз как зимой, градусов двадцать. Хватает за щеки, забирается под брюки, в рукава. Глаза слезятся...

– Сар, что это? Почему холод?

Смешок над ухом.

– Расслабься – уйдет.

Слышала такое, не от него первого, но не верила. Он норовил прикрыть ее собой, укутывал в ткань, складки подтыкал.

– Но холодно же! Неужели не мерзнешь?

– Спи лучше, – В нос ударил запах пряностей. Изысканный, тонкий аромат белого перца и корицы. До того, что явственно представился яблочный штрудель на ослепительно белой тарелке в кафе...

Это одеяло. Складки пахнут... Откуда оно взялось?

Над лицом нависло темное. Его ладонь. Станный жест, но не страшный, потому что тепло идет от руки и пахнет она нормально – давленной травой, землей, металлом...

Спокойно стало, сонно. Как-то вдруг, с пол-оборота. Дрожь улеглась, о холоде забылось. Куда-то он сам постепенно ушел...

Сар лежал теперь рядом, перекатившись на бок. Теплый, большой, слышно как сердце стучит. Как-то слишком медленно, глубоко и размеренно. Не по-людски...

Обнимать этого парня, было как тумбочку или полку с книгами... Слишком жесткий, слишком много острых углов, даже там, где им, по идее, быть не положено... Стройный человек, знаете, только издали красиво смотрится. Окажешься поблизости и поймешь, сколько там на самом деле костей...

Сар. Мета вторая

Огромное, все в сполохах ярчайших цветов – огненно-рыжих, беспримерно холодных, звенящих как лед, синих, теплых лиловых, очень редких... Такое поле – знак отмеченности. Только у жрецов оно простирается так далеко, поет столь пронзительными красками.

И ничтожный, слабый сосуд тела в плотной, лохматой шерсти донного слоя, отросшей вкривь и вкось.

Какая-то дичь... Это вот бывает, изгой растят скот на мясо. У зверья этого подобная же прителесная оболочка – покореженная, съеденная неволей, дырявая... Или у больных детей, совсем уж не жильцов, жертв выморочной родовой дживы...

Но чтоб у взрослой женщины! Из каких же адов она пришла?

Не ждал такого. Иного желал. Темноглазую богиню, не ведавшую о болезни никогда.

Пришло диво. Не знамо как живущее. Смесь блеска Вайкунтх и скотского ничтожества. Бывает такое? Не верю!

С великим трудом собрал себя на мире форм, и вырвалось невольно: «Прав ты, Сидраг! Как всегда прав...»

Женские существа в адах порой красивы. Но их прелесть – приманка перед хищной пастью. Удел таких – голод. Вечный, лютый, от которого не может отвлечь ничто. Ни долг, ни приязнь, ни любовь, ни желание блага своему потомству... Сидраг говорил – пришелица подобна им. Неизвестно, чего было больше в тех словах, отвращения или острого, болезненного любопытства. Так порой хотят животных. Он не мог этого скрыть.

Не скрывали и другие. Слова и мысли братьев о предстоящем сопровождали ярчайшие рыжие всполохи, гудящие как пламя.

Древняя янтра жертвы, когда женщина отдает мужчине силу через страсть, собрала всех воедино. Но страсть немыслима без любви! А любовь это – жалость, нежность, робкая тишина... И преклонение перед жизнью...

Да, выродок я... Всегда таким был. Шел наперекор и хотел странного. И получал по полной... И оказывался прав! И сейчас тоже!

Когда увидел эту женщину – ощутил страшную боль. Судьбу ее уже предначертали. И ни разу не усомнились! Не задали себе ни единого вопроса!

Молодая, красивая, чудная в, этой своей, нелепой одежде – всего лишь вещь, чаша, которую не жалко разбить... Можно так? Ведь выморочный, больной, запуганный, но человек это! Жить хочет, мечтает, боится, вон! Боящимся есть что терять...

Это тонкое, прерывистое дыхание смертельно напуганного человека резануло по сердцу со всей силы. Будто ребенка замыслил убить...

Впрочем... Жизнь хранит аватаров-мет. И способна насладиться любой морок, чтоб сохранить. Да и женщины эти, подобные ей, знают как себя вести, чтоб на плаву остаться. Характер тверже стали, иному воину в упрек.

Знавал их. Самая первая такой была. Из колеи выбивают всегда. Глаз не оторвать.

Быть с пришлой этой демоницей рядом – будто пара крепких глотков сурьи. Темный влажный взгляд, страх, глупые вопросы, любопытство. Нежное гибкое тело. С такой человека в себе едва помнишь...

Но... Не думал, что это придет вновь... Оказывается нужно время. Много времени... Чтобы зазеленела трава, чтобы ворвался в окна с тонким свистом весенний сквозняк. И оно снова поселилось в сердце – умиление. Осторожное, бережное внимание к иному существу, к любому вздоху, движению, взгляду... Не спутаешь ни с чем. Так возвращается жизнь...

Лина. Обстоятельство шестое

Странное пробуждение. Щелчки по лбу, прохлада намокших волос. Капли... Течет с сучьев. Громадная перспектива скрещивающихся темных линий. Сочащийся между ними свет... Утро, наверное. И неудобно.

Давит что-то на плечо и бок. Нависает. Пушистое... Светлые волосы, пестрая, ткань, мешковина...

Вспомнилось вчерашнее. Тело затрепыхалось сбегать. Ум спрашивал: «Куда? Это — Арьяна Ваэджо...»

Она покосилась. Там у придавленного бока началось шевеление. Проснулись. Трясли головой, пытались оглядеться. Тоже, видно, в реальность возвращаться не хотелось.

Сар щурился, вытянул губы дудкой, и у него были свои планы. Навис, рука твердая и гибкая, как змеиное тело, ощущалась уже где-то под спиной. Не ожидала. То есть, совсем не ожидала. Это вроде того, что тебе недвусмысленно подмигивает какой-нибудь мраморный Аполлон.

Да, герой не спешил вставать, дабы приняться за великие дела... Разглядывал с минуту, наклонился, и там, в жесткой щетке бороды, ощутились губы. Это был не грубый поцелуй, вроде, немой вопрос: «Хочешь дальше?»

Какое дальше?! Но ангела подхватило. Справиться с любопытством он не мог. Выпугался из сучьев и складок, добрался до курточной застежки, выяснил, что она как-то странно и быстро открывается. А там ведь еще и свитер, и футболка. Сар запустил руку под ткань, приник к уху:

– Хочу тебя! Впусти...

К чему, действительно, походы вокруг? И оттолкнуть не получится, машина – не человек. Но страх и тошнота не накатили – смешно стало. Невыносимо смешно. В природе что-то пошло не так, и пес вскочил на овцу. Надо видеть морду овцы...

Она хмыкнула, потом просто не смогла удержаться. Это был выворачивающий на изнанку, нервный хохот. Любая попытка остановиться влекла за собой еще одну судорогу в горле.

Но дышать полегчало. Тяжелое слезло, закрипело сучьями, отстранилось. Потом повлеклось вверх. Отчаянный треск, пинки, шум осыпающей земли и камней.

Но хохот как ватная повязка – все глушит, обезболивает и обесценивает... Наконец замutilo. Она закашлялась и сжалась в ком. Лежала так некоторое время, прислушивалась.

Однако, стоило немного приоткрыть глаз... Дно ямы... Выбирайся, вот, теперь как хочешь. Быстро выползти – нечего и думать. Да и лень. Столбняк опять напал. А столбняк – это вопросы, на которые надо себе отвечать. Понятно, ангел обиделся. Ну, ангел же. Значит, теперь одна в лесу. Во всех этих джунглях до горизонта.

А может это сон? До сих пор продолжается? Мысль взбодрила. Захотелось двигаться. Огляделась. Слева, почти над головой, присутствовал этюдник, застрял в сучьях. А вот это под локтем – ангелова котомка. Нет, надо отвлечься, а то опять будет невыносимый позыв туда залезть. Что я за маньяк? Ну, одним глазком... Да иди ты! Что важно, он ее не забрал, котомку. Значит, обиделся не вдрызг. Придет еще. Будет дуться и мстить. Как они всегда... И лук! Вон блестит. Куда же эльф без лука? И ткань... Это она, наверное, пахла тогда. И правда. Толстые, пестрые складки, все в орнаменте. Тканый орнамент... Какая штука! Одеяло... И пахнет, да... Корица, перец, кориандр. Целый букет. Так приятно... Надо же... Ароматическое одеяло. Вообще странно, когда засыпаешь, и чем-то пахнет...

Порыв выбраться опять ушел в детали и размышления. Вот – вещи, вот – их владелец... Этаким герой и серый гусь. Во вчерашнем ужасе не потерялся. Мало того, что сам выжил –

приблудному лоху помог. Знал, то есть, что будет, и как с этим бороться. А что было? Вообще, что это такое?

Нет, надо лезть из ямы. Как-то изловчаться... Но, вот, если даже к самому этому Сару приглядеться. Непредвзято, отбросив иконописную внешность...

Визуальный шок. Такой цельности, неоспоримой логики и, вот не объяснишь, ни на что ни похожего стиля, не отыскать в костюмах реконструкторов. У нее хорошо с этим было, с чутьем на образ. Из всего явствовало, что Сар – создание очень высокого, но абсолютно несовременного художественного вкуса. Нет параллелей. Ни с чем... Разве на Рэриха немного похоже. Та же тайна и красота вещей.

Гиперборец он, видите ли... На самом деле просто сдвинутый, даже гениальный парень. Настоящий художник. Если сумел себя таким окружить.

В поисках истины порой как-то не замечаешь, что с тобой творится. Голова занята и не мешает, а руки-ноги делают свое дело. И могут унести далеко, если пустить на самотек.

Вот он и край ямы. Парит уже, но трава мокрая. Так всегда утром бывает. Часов девять, наверное. Косые янтарные лучи, пар идет от листьев, птицы орут...

Прямо перед носом – клякса. Необъятное черное мятно. Нет не пятно – дорога. Обгорелая черная полоса. Широкая, в пару метров...

Чуть обратно в яму не отнесло. Пришлось окольными путями выбираться, минуя эту страсть. Вчерашний ужас оставил следы. Катился мимо ямы через поляну, вломился в чащу. В кустах зиял обгорелый тоннель метров этак трех высотой. Она сглотнула и посмотрела вниз.

Обугленная трава влажно блестела, как бывает от росы или растаявшей наледи. Гарью не пахло, разве самую малость, когда наклонишься. Исследовательский интерес, надо сказать, нередко осложнял ей жизнь. Другие махают рукой – а ей, вот, надо. К угольному треку был сделан шаг и другой, и третий. Даже подползти надо было и принюхаться. Хотя могло быть все что угодно, вплоть до радиации.

Удивительная все-таки штука. Растительность, выгорела до самой земли. Прямо как стояла, на корню. Даже структура травинки сохранилась. Черные, очень натурально выглядящие стебли, рассыпающиеся от прикосновения, размазывающиеся грязью по пальцам... Дичь какая-то. Она вытерла руку о траву и отошла.

Предстояли неприятности. Сара следовало искать. Выуживать из тайных углов, умиротворять и успокаивать и, уж потом, расспрашивать. Прямо Баба Яга и Иван царевич. И, вот черт, не хотелось всего, что начнется...

Принцессой, с предками которой полезно породниться, она не была, модным аксессуаром, чтоб друзья завидовали – тоже. Но мужчины имели к ней интерес, и почему-то считали легкой добычей. Обломавшись – говорили и делали гадости. Весь сценарий прослеживался и здесь.

Сар был не самым обычным человеком. И куда его заведут обманутые надежды неизвестно. Но хотелось верить в лучшее.

Стоило осмотреться, пройти незаметно по кустам. Найдется... Не мог далеко уйти – вещи в яме.

Вынесло к озеру. Как в ее, так и в этом мире, располагалось оно в самой низине. Но здесь – в окружении незнакомых живописных пустошей, лугов с невысокой сочной травой.

Красивое место. Все в кружевных тенях от кустов и высоких нависающих деревьев. Когда она миновала очередную зеленую стену – увидела. И тут же зарылась в ветви.

Нечто подобное доводилось наблюдать в стольном граде. Один шапочный знакомый не по-детски увлекался боевыми искусствами. И ничем иным, как шаолиньским у-шу. То есть, это была цель жизни у него такая – стать махатмой и упокоиться среди монастырских пагод.

То, что попало на глаза в спортзале, было прекрасно. Такой завораживающий, с рваным ритмом, танец. Где крайне стремительные движения непредсказуемо сменялись долгими и пружинистыми, как это бывает у насекомых. Телу человеческому так двигаться страшно. Забывает оно привычно силы экономить только в легком трансе. Ну, и приходится в него впадать, чтобы получилось это самое ежедневное правило монахов...

Тем же был занят и Сар. Только оттенок другой. Там, в московском спортзале, являл себя самоотверженный, но лукавый монах. Бархатные травы у Кунды тревожил шаман. Замшелый, страшный и непредсказуемый, как сама природа. Обнаженный торс, косматая спутанная грива. Даже удивительно, сколько у человека волос... Злой, беспримерно жесткий и отчаянный в порывах, как смерть, как катастрофа. Когда каждое движение понимается последним... И если там, среди звезд, танцует Шива, руша и рождая миры – то вот так!

И градус отношений это меняло. Ну, понятно, что при таком экстерьере и повадках, профессия у парня опасная и, возможно, не самая чистая. Но ведь он может оказаться и религиозным фанатиком, таким асаином, безумно жестоким к себе и миру. Только эти так себя ведут...

Смотреть страшно. Чтобы так двигаться – надо с этим вырасти, как цирковой или балетный. И, да, связки тай-чи напоминает. Принцип тот же. Но сами пасы – смесь всего со всем. Переизбыток силы, пафос и пыл каларипаятту, тягучая грация капозйры, деревянное напряжение каратэ, насекомая вкрадчивость и коварство джиу-джитсу. Да чего только нет. Бес берет. Древнее, дикое, внушающее ужас.

Но уровень – «бог». Когда маленького ребенка отдают в какой-нибудь буддийский монастырь, и он с этим растет. И к своим двадцати пяти имеет уже вполне сдвинутые мозги. На весь полтинник. Видит мир глазами зрелого человека.

Ее московский знакомый был умным, печальным циником. И к роду людскому относился со спокойной иронией.

Простодушный Сар в это клише не попадал. Но есть в нем это! И мудрость, и спокойствие, и цинизм. Должно быть! Невозможно так двигаться, не имея основы. Тех самых старых, мудрых мозгов не по возрасту. Сама увлеклась, было дело, боевыми искусствами. До точки необратимых изменений не дошла, но ощутила и испугалась. Эти священные пасы действуют, вкрадчиво меняют нутро и мир вокруг. И хорошо, если есть возможность задать вопрос: «А оно мне надо?»

У Сара такой возможности, видно, не было. Как у шаолиньских мальчиков, за которых все решили старшие.

Не удобно за ним подглядывать, кем бы он там ни был. Все же занятия такого рода – область интимного.

Впрочем, в пользу того, чтобы уйти, говорило и другое. Нежданно заныл и стал пульсировать пупок. И они были непостижимо связаны между собой – движения Сара и эта боль. Будто нить протянули. Это пугало и намекало, что человек не просто разминается.

Читала о таком. Двигаясь, копят силу. Перераспределяют и концентрируют. Есть пассы, способные создать канал перетекания, когда практикующий забирает жизнь из пространства. Из всего, что вокруг. В том числе – из людей и животных. Так что мешать не стоит, даже подглядывать. Не так чтоб живот заболит – помрешь.

Ну, в общем, ожидаемо. Сар этот – человек в своем мире не последний. Много может рассказать. Надо лишь уметь спрашивать...

О сем размышляла она, бредя обратно к яме. Столкнуться со всей этой гарью – конечно гадость. Но ничего не поделаешь, надо ждать.

Через время Сар возник из кустов. Как всегда быстро и неожиданно. Был спокоен и, что называется, «застегнут на все пуговицы». Аккуратно одет, причесан и угрюм. Быстро вынул

все имущество из ямы, в полном молчании собрался, обвесился оружием, взвалил котомку на плечо и принял выжидательную позу.

Обидно, что в лучшее верилось зря! Одним из вариантов мести, в связи с недополученным развлечением, был игнор. Мужчина просто делал вид, что тебя нет. Выкидывал из жизни. Какие уж тут беседы о непознанном?

Да, слегка обгорелый этюдник лежал у ног, ничего не мешало сняться с коряги и двинуться вслед. Но руки были собраны в замок, вокруг губ и подбородка ощущалось напряжение, а глаза предательски чесались.

– И ты ничего здесь не видишь?

И широкие театральные жесты (вдруг не поймут о чем речь), и тембр голоса говорили о том, что скандал будет. Очень хотелось, чтоб был! Ну, вот, хотя бы ангел, хотя бы в этом случае, должен же себя вести не как обычный говнюк!

Сар поднял бровь и слегка склонил голову на бок:

– Что ты имеешь в виду?

– Вот это! – она ткнула пальцем в черную траву.

– А... Это астра.

Воцарилось тягостное молчание. Понятно, что имели в виду не цветок и не звезду по-латински. Вчерашний ужас мог быть древним мистическим оружием. Так, во всяком случае, следовало понимать этого асасина, почесывающего в бороде...

– Астра?

– Она... Огненное колесо, – Сар рассматривал ногти. Чего здесь, действительно, странного?

– Это такой сорт у цветочка?

– Вид. Бывает водяное.

Серьезен. Обращать внимания на глупые шутки считает ниже своего достоинства. И уже устал ждать. Рассудил, что если уж убивать время, то с удобством. Снял поклажу, уселся рядом и продолжил осмотр ногтей. Вскоре молчать и быть мишенью ядовитого взгляда ему надоело.

– Ну и что уставилась? Да, все плохо. Вчера нас едва не убили.

– Кто?

– Учитель.

– Чей?

– Мой.

– Добрый человек...

Сар понурил голову. Ногти рассматривать бросил, сцепил руки в замок.

– И часто он так?

– Бывает.

– Что на этот раз?

– Рискнул послушаться.

– Ну, высокие у вас отношения. Прямо на зависть. Этак рассердился, расчихлил огнемет и выжег все, нафиг, до горизонта! Не находишь, что если надо убить – проще зарезать?

Сар усмехнулся.

– Ну, чтоб зарезать – надо найти.

– А он не может?

– Не хочет.

– Из огнемета проще?

– Колесо наводится по имени. Не надо искать.

Это она так со своими говорила, из снов. На разных языках. Ты на своем, со всеми сопутствующими реалиями, они – на своем. Но там, за словами – другой мир. Где нормально звучит, например, имя Якинодль-зезе, и прослеживается озабоченность положением звезд и пла-

нет, ибо это влияет на способность к полетам... Где архиважная вещь – утреннее настроение матери леса. Ведь это длительность сезона дождей и равновесие силы в морских угодьях...

Ангел был из той же оперы. Не столь трепетный и заумный, как родственники из снов, но тоже человек непростой. За которым стоял, возможно, похожий мир.

И, вот, пока это сон – все воспринимается органично. Странная вселенная, еще одна из многих. Но если начинаешь подозревать, что не спишь – ум берется за свое. Бесится, брюзжит и подыскивает объяснения.

Наверное, с таким сталкиваются исследователи первобытных культур. Ведь люди тамошние привычным порядком не живут, и «мозги» у них иные. Все эти звери-предки, охота за силой, дары Орла... В их мире все работает. Безумно удивляет, бесит, пугает, но существует! Другой континуум мысли, мифологический, идущий изнутри, а не извне...

И надо перестраиваться, уметь подлаживаться, развернуто реагировать, а не только пугаться и отрицать...

А может быть это летаргия? Когда спят много лет и видят сон, длинный, как жизнь. Очень реальный, со всеми ощущениями, вплоть до тепла сидящего рядом человека...

Широкая спина, обтянутая грубой тканью. Герой сидит, уперев руки в колени, понурившись. Лица не видно. Косы свисают едва не до земли. И руки сцепил, так, что пальцы побелели.

С опаской, но прикоснулась. Вздохнул, мгновенно распрямился и опять удивил. Скорбный лик, в глазах – влага. Тысяча мелких выражений сменяет друг друга. Но все они про грусть, даже отчаяние...

Она отпрянула. Чуть не плачет человек. С чего?

Хотела было погладить, но опять не уследила, как он сгреб ладони в свои. С минуту рассматривал, потом прошептал:

– Не хотел этого говорить, но ты в беде. Пока я рядом – смерть. Видела уже.

Как и все, желающие чтобы слушателя проняло, он слегка тряс ее руки.

– Прятаться тебе надо. Скажу где. Переждешь три дня – придет человек, ответит, где безопасно.

– Как скажешь.

Похоже, Сар не ожидал подобной покорности. Удивился, вытянулся в лице. Даже голову набок склонил, как все в поисках непредвзятого взгляда на удивившее.

– Не забоишься?

– Забоюсь. Это имеет значение?

Какой из нее аксессуар к небесному воинству, в самом деле? Но горько. Многие вопросы остались без ответа. Да и сам он... Уйдет – мир станет черно-белым. Но сколько их уже ушло...

– Тебе больно. Плачешь внутри.

– В самом деле?

– Так. От боли устала и от людей, которые ее несут. Вроде заостенела...

Сар продолжал ее разглядывать. Шурил глаза, часто моргал, по носу пошли морщины.

– Ты еще и исповедник. Рассказывай уже, куда идти.

– Не буду! – парень глуповато улыбнулся, одна бровь поползла вверх. Встретившись с ней глазами, замотал головой и сделал странный жест. Упер палец в ее горло. Не сильно, будто показывал.

Захотелось отодвинуться. Но где сидела, там и осталась.

– Ты хочешь говорить – говори! – Сар еще больше расплылся в улыбке, продемонстрировав знаменитый оскал, – задавай вопросы!

Ну что урод – понятно, что псих – тоже. Но он еще и мысли читает?

Тут уж воля-неволя отодвинешься и забудешь о приличиях, желая это чудо разглядеть.

– И будешь отвечать?

– Буду.

– Без вранья?

Сар пожал плечами.

– Зачем мне?

Почему-то захотелось погладить горло. Обхватить. Сначала першило, потом стало тепло. Вот, не объяснишь, будто шарфом обмотали. Горело. Бывает так, когда волнуешься перед выступлением... Выступлением?

Теперь она не могла оторвать глаз от Сара. Сидела на коряге и смотрела, как тот заново обвешивает себя поклажей.

– Нельзя здесь обжиться, пойдем!

Коряга отпустила. Как во сне получилось несколько тягучих шагов. Вели в лес, спокойно без спешки, мимо чернеющих кустов и елей, сквозь высокую траву, взявши за руку.

Обжиться? Здесь? Начиналась новая глава...

Сар. Мета третья

«Как цветущая яблоня...» Это об Эри. Хотя, что в ней? Рыжая девка, лицо в веснушках. Телом больше парень. Но не объяснишь – красавица. Как заря, как солнце...

Бывает, рождаются с поющими телами, с красотой и ладом в движении. Даже смотреть страшно – боги. Невозможно таким стать, сколь ни старайся. Только приблизиться. Но Эри была иной...

Подобные ей редко рождаются красивыми. Живет в них какой-то демонский морок. Взглянешь и уж не забудешь. Вечно будешь стремиться увидеть, услышать еще хоть раз.

Мать лада и воды держит их у левой руки. Они – часть ее сути. К ним приходят дары – знание, сила, жар тел и сердец. У правой руки – те, кто дарят. Их красота и сила утекают, дабы род человеческий не прервался.

Два лика богини. Лишь Анахита может их слить в одном. Человеку не дано.

Либо участь сосуда жизни, неволя, подслащенная телесной, чувственной радостью зверя, послушного природе. Либо война. Жестокая, кровавая... Со зверем и трусом в себе. Война со всем миром – зависть, отторжение, болезни. Не по нраву природе бунтари...

Она ушла юной, моя Эри. Первая женщина и первая любовь... Но хорошо, что была. Теперь знаю, что хорошо... Жены левой длани – редкий дар. Милость богов, что пребывает с тобой всю жизнь...

Кто мог подумать, что испытаю такое вновь? Чрезмерная щедрость небес – часто просьба о жертве. Ну, как скажете, вышние...

Горазды они, жены левой длани, морок творить. Иначе их путь невозможен. И что за дело до истинных их ликов. Вроде стены, лощеной для росписи, скучной да гладкой... Важней, какими красками она себя создаст. Вот где поэма!

И эта ее пишет. Милая... Походит на ребенка или прелестного зверька. Так уж у нее сложены щеки и подбородок... Ярko и легко, как лепесток, как весенний стрекот синицы... Черта эта для лика – вечный звук. Взгляд ее первой ловит и никогда не обманывается в сути. Велемила – так ее можно назвать. Умная, переменчивая в настроениях женщина, острая на язык, как ищущее ответов дитя...

Основа, если морок снять – высокое, нескладное тело, с режущим контрастом бледной кожи и слишком темных волос, припухлые черты, которые уродливо сводит страх и досада... Одета нелепо, до смешного. Вроде мешком прикрылась.

Вот так. Два лика. Каменная стена и сверкающий божественными красками образ на ней. И благо, если не отвлекаешься от замысла творящей...

Но я обречен ощущать мир во всей его целостности! И глубь, и поверхность! Таким уж уродился. Дано мне слышать шепот звезд, ловить тысячи звуков и оттенков, тогда как других обтекают они, как вода валун.

Учитель говорил, что быть таким – удача. И досадовать грех, даже если больно и одиноко... Но примет ли это отрок? Когда все идет колонной, с пустыми лицами, а ты останавливаешься и не можешь сделать ни шагу. Потрясение, сладкий вкус и полная невозможность выпустить из поля зрения красоту и правду, явившуюся неожиданно... Не ведаешь, что с собой делать – заорать, расплакаться, встать столбом и окаменеть? Чудным был... И однажды настал край. Те, кто до сих пор мирно уживались, начали сторониться и высмеивать. Не мог, как ни пытался, объяснить творящееся. Ни слов, ни сил...

В те дни впервые прислушался к звуку вины. Ища одиночества, набрел на учителя. Тот сидел в темной клетке на лавке, перебирая струны. Взглянул искоса: «Я долго ждал тебя, подойди!»

Музыка научила многому. В том числе хранить в тайне чувства, скрывать потрясение улыбкой, страх и нерешительность пустыми словами. И еще, подобно женщине, она ревновала ко всем, и мало кому удалось открыть созданную ею легкую серебряную клеть.

Пришелице, удалось. Посыпались, звеня, блестящие прутья... Стояла пред ним сама судьба. Та, что поведет по жизни и многое откроет...

Лина. Обстоятельство седьмое

Место, где стоило обжиться, нашлось неподалеку, за деревьями. Там же можно было развести костер и, что уж совсем хорошо, заварить чайку. Правда, несколько настораживало, что это строго определенная территория. Но, по мнению Сара – все как надо, абы где нельзя. Озеро волшебное, может обидеться.

Сначала из-за деревьев, показалась поросшая травой крыша, а потом уже постепенно вырисовалась вся обстановка. И была она такая странная, что остро захотелось все здесь обойти и изучить, позабыв и о костре, и о чае, и о спутнике.

Небольшая поляна в лесу, поросшая по периметру, крупным, каким-то циклопическим, папоротником, вся в пятнах зеленой травы вперемишку с цветным мхом, пестрым, многоцветным как персидский ковер. И повсюду разложены камни, отчетливо читающиеся как часть какого-то крупного, на всю поляну, рисунка. Его основой были линии-дороги, одна из которых шла к небольшой избушке, другая к костровищу, остальные к артефактам непонятного назначения. В общем – коловрат с большим белым камнем в центре.

Изба – самое приметное из всего, имеющегося на поляне, внимание забирала все и сразу. Тянуло к ней. Хотелось подбрести, обнять все каменья и бревна и так остаться. Милая... Сказочно приземистая. Бревна не серые – рыжеватые, крыша травяная, наподобие копны русых волос, к осени выгорающих до белесого цвета.

Строили с любовью, ладно. Вот, видно это в доме всегда. Отношение... Сруб в обло, положен на большие камни, каковыми эта северная земля изобиловала. В торце – приземистая дверь с несказанно красивой наивной резьбой (барсы в листве). Над дверью в крыше – конек. Дом был оленем, наверное, потому, что стоял в лесу и должен соответствовать. Широкая грудь из потрескавшегося ствола, рогатая голова, сзади, она полюбопытствовала, хвост и все остальное. Олень был мальчиком. Вот, зачем они это изображали? Кто будет любоваться на эту конкетику сзади, в лопухах? Но, надо полагать, сие принципиально...

Дом был не просто срубом, он был богато и странно украшен. По стенам над камнями красовались шеренги рогов, наподобии коровьих – деревянные кронштейны с неопратно свисающей паклей. Дом, как-то, кто его знает, линиял... Но это – пол-беда. Композицию дополняли металлические накладки. Прямо так к бревнам были прибиты, над рогами. И не просто металлические, а из блестящего как зеркало, никеля, даже еще и с насечкой, на тему громового колеса.

Напоминало шедевры фантастов. Ведь на какой-нибудь дикой планете Татуин нет привычной логики в постройках. Просто фантазируй – впишется...

Труба тоже была с Татуина. Венчали ее четыре металлических кольца. Вся конструкция из грубовато кованного, вороненого металла напоминала египетский джед. И, скорее всего, это была не труба...

Разобраться в своих впечатлениях от всей архитектурной ереси она не могла. Эмоции мешали. Какие-то совершенно чужие, не по теме. Восторг! Который объяснить себе невозможно. Эйфория от удивительной чистоты и спокойной прелести этих стен и предметов. Все здесь – драгоценности, впитавшие лучшее и высокое от людей. И камни, и бревна, и мхи, и рога эти с паклей... Сказка! Про добрую бабу Ягу, которая здесь живет и сейчас появится. И все будет хорошо, все будут жить долго и умрут в один день!

Это, вот, по весне из подъезда выходишь, вдыхаешь запах, и, какая бы там помойка вокруг не была – совершенно счастлива. Новая эпоха!

Как искусствоведу тут тоже было, где разгуляться. Вслед за эмоциями от образа обычно следует идентификация. На что похоже? Кто делал такое же? Так вот – никто!

Эту избушку рубили не русские, хотя на северную архитектуру похоже. И «обло», то есть бревно на бревно, без обработки, и склонность ставить сруб на каменный фундамент. Всю эту окатанную дождями и льдами морену северяне мастерски подбирали и пристраивали в основу своих домов. Рука западных соседей здесь тоже смутно ощущалась. Горные шале – виртуозно выложенные, развесистые, приятно дикие.

Но, вот, что здесь было точно – так это еле уловимая ментальная агрессия, когда стиль склоняет к идее. В данном случае к идее какой-то древней магии. Что вот такие в этой избушке, время от времени, показываются колдуны, они сильные и главные. Шаманская реальность, в общем, та самая, что присутствует в древних храмах. Было дело – заносило на раскопки. Так вот даже в развалинах крышу сносит. А здесь целое все, с этим наивным первобытным напором, как в Гебекли-тепе...

Арьяна Ваэджо... Ведь это мог быть и какой-нибудь сектантский мир... Целое государство... Бывает так, ловит какой-нибудь гениальный вождь идею и начинает материю вокруг себя воротить, сам толком не знает куда идти, но в изделиях его рук и ума у всех мозги кипят. Потому что идея очень древняя и сильная, из времен, когда люди были почти богами...

Да ладно, сектантская империя! В лесу этом до горизонта, у озера с начисто пропавшими постройками? Такое могло здесь быть много веков назад... А, скорее всего, тысячелетий...

О, господи! Даже думать о подобном – бред!

Ну, хорошо, избушка, а что на остальных щупальцах у этого каменного спрута?

И как карельский нойда, она вступила в лабиринт. Первое щупальце, дойдя почти до папоротников, кончилось артефактом непонятного назначения. Четыре ствола, сложенные в пирамиду, с большим камнем под вершиной, густо расписанные сине-красным угловатым орнаментом. Что сие значит?

Второе тоже озадачило. Большой кусок гранита с глубокой выемкой в центре и с множеством мелких по поверхности, куда, как в лузы, загонялись орехи и цветная галька. Ну, это может быть какой-нибудь местный календарь или ежедневник. Несомненно, шефство над этой штукой кто-то имел. Орехи клал, гальку. Может устроить им информационный шок? Прям руки чешутся! Да ну... Вдруг у них мир рухнет. Вон как все подкрашивают, лунки чистят... Рабочий стол.

Куда ведет третье щупальце понялось не сразу. Занесло в глубокий папоротник. И на конечную остановку она едва не наступила. Лингам, но не классический, а вполне натуралистичный фаллос, ненамного крупнее человеческого. Торчит из земли, изобилует множеством жизненных подробностей. Такой, представьте, рояль в кустах...

Сперва показалось, что гриб, но нет... С чувством юмора у местных все в порядке. Придумать ведь надо такое...

Что прям вот так из почвы растет? Она слегка раздвинула папоротники. И, вот, лучше бы она этого не делала... Потому что вести по этим листьям – как по волосам. Светлым волосам, искрящимся на солнце... Ее всегда привлекали люди с такими... Их запах, тепло тела, светлые прозрачные глаза. Это – источник вдохновения. Всегда был и будет... По спине пошли мурашки, челюсти сладко свело. Как это можно назвать? Умиление... Физическая тяга. Как у матери к младенцу...

Она быстро поднялась и пошла прочь. Да, было дело, любили древние разными нескромными скульптурами жилище или, даже вот, ландшафт, украшать. И один из любителей сидит, пожалуйста вам, над костром. Колдует. И для него все вполне естественно. И рояль в кустах и астра эта вчерашняя. Ну, живет он так... Куда я впуталась?

Круг кострища, тоже часть лабиринта, был выложен камнями. Такая, прям, идеальная форма. Сар склонился над огнем и занят был чем-то странным. Она опустилась рядом на корточки, и от увиденного стало не по себе. Парень сложил руки домиком над разгорающимся

пламенем, языки огня его почти касались. Уже давно, по идее, должно запахнуть паленым. Дым шел сквозь пальцы. Как он терпит? Ведь это больно! Зачем ему?!

– Руки убери! С ума сошел?

Он оскалился и покраснел.

– Отойди, за круг выйди!

Окрик был из тех, что безусловно понимается как приказ. Рык. Ее отнесло на пару метров за камни. Закусив пальцы, она наблюдала, что будет дальше. Но, с каждой секундой, беспокойство и страх отпускали. Да, пустяки все, чего прицепилась? Пусть бесится. Она махнула рукой и опустила на толстое бревно неподалеку.

Через время рядом ощутился бок Сара. Точнее плечо. Так уж он был сложен. И манера у него была странная, садиться близко, совершенно без дистанции. Но сейчас не бесило. Было блаженно по фигуре. Она улыбалась.

– Слушай, Сар, это что у вас за местность такая? Охотничья заимка?

Сар молчал, сидел теперь в пол-оборота и внимательно ее разглядывал. Однако, не смущало. Ощущался даже какой-то хмельной запах. Когда вообще что угодно можно ляпнуть, и не считать себя идиотом.

– Ну ладно, можешь грозно, так вот себе, смотреть и даже втирать очки, что это заимка, – она пригрозила пальцем, – я то знаю, что это какой-то ваш сектантский храм. Тут чего только по лопухам не наставлено.

– Место дано для отдыха, чтобы силы прибыло, – Сар моргнул как киборг, как-то криво, без выражения и, показалось, одним глазом, – просто у тебя нет привычки, вот и ведет.

– В смысле, ведет?

– Ты, вроде, пьяна.

Она кивнула головой и хохотнула.

– Угу!

– Скоро привыкнешь, в голове прояснится. Только в огненный круг не входи.

– Почему? – в глазах у нее двоилось, и появилось отчетливое понимание, что с бревна она не встанет – просто упадет. Состояние – один в один, как после стакана водки. Спроси, как зовут – забыл.

– Тоска навалится.

– Тоска?

Она зашлась в хохоте. Но потом ощутила крепкую болезненную хватку за волосы и боль в передних зубах. Щелкнули по губе, немного ниже носа. Не сильно. Но губу свело от неприятного ощущения, и, реально, навалилась тоска. Стало холодно, неудобно и глупо. Она с минуту смотрела на Сара, хлопая веками. Тот сидел рядом, выпрямившись, будто палку проглотил, и по-прежнему сосредоточенно разглядывал ее с высоты своего роста. Осторожно выпутав его руку из волос, она отодвинулась.

– Ты чего?

– Разверзло тебя. Вспоминать тошно будет.

– Чего вспоминать?

– Свои глупости.

– Это ты о моем моральном облике заботишься?

Сар пожал плечами. Расслабился, принял естественную позу, опершись слегка ладонью о бревно.

– А что, вот, ты сделал?

– Под носом щелкнул.

– Зачем?

– Помогает во хмелю.

– Это у вас так принято?

– Угу.

– А, вот, скажи, почему тоска навалится, если в ограду костра войти? – из громобоя этого все приходилось клещами тянуть. Он же у себя настоящий мужик – болты болтать не любит.

– Место устроено как «куриный бог». В целом хорошее, жизнь из земли прет, а в круге кострища такой благодати нет, иначе бы все сгорело. Редкое место.

– Значит, хочешь сказать, тут у всех, в той или иной степени, крыша едет?

– Именно. Попробуй, выйди за папоротники.

Когда она вернулась – долго молчала. За папоротниками тоска навалилась всем весом. Страшно стало. До слез... Место действовало. И не просто действовало – гнуло в бараний рог.

Через время, не дожидаясь вопросов, Сар продолжил:

– Здесь нельзя долго находиться, три дня не более. Это – дар Кунды.

Ну да, если может сердиться, то и подарки дарит...

– А у костра ты что делал? Это ж горячо очень. Я испугалась.

– С огнем говорил.

– А...

Не надо забывать, что он у себя еще и шаман... И, в общем, серьезный шаман, настоящий...

– И как у него дела?

Усмехнулся.

– Хорошо.

– Ну, извини, помешала беседе. Я ж не знала, что у вас разговор.

– Забудь.

Утреннее солнце просвечивало сквозь его волосы. Светлые, густые и непослушные, вечно норовящие выпасть из прически. Такие, как показали, там, в папоротнике. Она встряхнула головой и зажмурилась. Вот черт! Но говорить об этом хотелось, и спрашивать!

– Скажи, а такие украшения, как там, в папоротнике, зачем нужны? Вы им поклоняетесь, как древние?

– С уважением относимся, то, что ты видела нужно для приворота.

– Для чего?

– Чтобы место притягивало, в себя заводило.

– А...

– У него, кстати, есть пара, нашла?

– Не-а..

Сар усмехнулся и спросил заговорщицки:

– Ну и что он тебе рассказал?

– Кто он?

– Х*й.

Изрядно поездив по северным областям России, и в поисках натуры, и просто из любопытства, она примирилась с тем, что матерные слова у местных обиходны. Они не хотят оскорбить или унижить, просто так принято. Если говорится при женщине – значит, испытывают интерес, заигрывают. От Сара можно было ожидать чего-то подобного. Поэтому она не удивилась.

– А должен?

– Такой как ты, должен.

– Какой?

– Сама знаешь.

Разговор приобретал интересный оборот.

– Нет, Сар, не знаю. Просвети.

Махнул рукой.

– Ну не знаешь, и к лучшему. Не досуг болтать – есть хочется!

Сар быстро снялся с коряги и устремился к костру. Но разговор был не закончен и такого свойства был этот разговор, что хотелось прояснить подробности.

– Нет, ты скажи! Давай, если уж начал!

Сар смеялся, отмахивался, потом схватил котомку и хоронился за ней, как за щитом.

Вот можно с этим лосем всерьез? Дикарь чертов! Зато котомка – вещь интересная. Почтения требует... С хозяином ей, правда, не совсем повезло.

Около кострища был плоский, широкий камень, наподобие стола. Покрытый резьбой из пересекающихся волнистых линий, валун этот мог быть чем угодно, в том числе и алтарем. Так или иначе, сумку на него Сар не поставил, а выложил нечто, завернутое в холст. Это был большой сверток, хитро перевязанный узлом. Получилось краем глаза заглянуть в суму, и, наверное, не слишком осторожно. Так что последовал смешок и добродушное:

– Очень ты похожа на кошку, просто нужно тебе туда влезть.

Она обошла Сара и уселась неподалеку, на бревно.

– Бери, впрочем, – он поставил торбу у ее ног, – можешь порыться. Вижу – не доверяешь мне.

– Не хочу. Не вежливо.

– И такая же, как кошка, гордая и скрытная. Просто, подмывает почесать за ухом.

– Почеши.

Он усмехнулся и уселся рядом, оседлав ствол, протянул руку, провел по волосам.

– Ты красивая, устала, поди, от нашего любопытства?

– Разве можно от этого устать?

Сар поднялся.

– А это уж у кого как.

Через время протянул небольшую металлическую посудину, похожую на пиалу. Точно такая же была в руке и у него.

– Это воды солнца и луны, пей!

На ее памяти подобные распития кончались плохо, но выхода не было, пришлось отхлебнуть. Питье было приятным на вкус, сладковатым, с не знакомым, ни на что не похожим вкусом. Угадывались мята и огурец. Но и точка. Больше не с чем сравнить.

В голове зашумело, прояснилось. Стало спокойно до блаженной беспричинной улыбки. Как-то и не заметила последнего глотка. Вкусно...

Сар сидел рядом на бревне и вертел в руках чашку. Когда выпал из задумчивости и повернулся к ней, желая продолжить разговор, в лице его заметны стали перемены. Иконописный нос покраснел, по щекам прошла багровая полоса, глаза были открыты неестественно широко и блестели. Нездоровый был такой блеск, сумасшедший.

– Знаешь, нелегко говорить о таких вещах, но есть люди, желающие отобрать у нас нечто важное.

– И что же?

– У тебя – жизнь, у меня – честь.

Вот тебе раз. Приехали. Что он придуривается или хитрит, непохоже было. Даже дышать чаще стал, уставился напряженно.

– Не знаю, Сар, что ты имеешь в виду под честью, но я-то им зачем?

– Подобные тебе приходят раз в тысячу лет. Им нужна твоя сила, – Сар усмехнулся, – Да и сосуд неплох. Весело пить будет. Такой б*ди поискать!

Так... Надоед! Ну, понятно – колорит, обычаи, суровые нравы. Однако, с меня хватит!

– Послушай ты, кем бы ты там ни был! Еще одно матерное слово, и я уйду! Встаю и сваливаю, куда глаза глядят! Пусть жрут, убивают и прочее! Уяснил?!

Сар отшатнулся. Такого напора, должно быть, не ожидал. Выражение на лице – малыш впервые видит, чем мальчики отличаются от девочек. Белесые ресницы хлопают с частотой раз в полсекунды.

– А матерные слова это что?

– Грязные ругательства немного южнее. Слышал, наверное?

– Не слышал и не ругаюсь. Даже не думал.

– Ты меня, дорогуша, тут недавно б*дью назвал.

– И что? Я не должен называть своим именем тех, кто меня восхищает?

– Даже так?

– Женщины этого пути – драгоценный дар любому мужчине. Что тебя сердит?

Ну да, в их тридесятom царстве такое может и не быть ругательством. Вошло, ведь, в лексикон маргинала не так давно. Б*ми именовались вообще все инакомыслящие, приблудившие, скажем так, от основного курса: еретики, политические оппоненты, люди со странными привычками, в том числе, и дамы, не вписывающиеся в нормы патриархальной морали.

– У нас это пренебрежительное название. Для женщин неразборчивых в связях.

Сар вытаращил глаза.

– Но б*ди более пристрастны, чем матери, им нужно от мужей не семья. Выберут – значит не последний ты человек!

Что тут скажешь? Просто другая мораль. Она и триста лет назад от привычной отличалась...

– Они у вас, такие, жрицы?

– Бывают и жрицами.

– А вообще?

– Это статус, путь, независимо от занятий.

Ну да... Если вспомнить какой-нибудь Вавилон или Индию. Их даже, наверное, уважают... Возводят едва не в божественный сан. Но как-то, если присмотреться к этому Сару, не из тех он мест. Одет как варвар тысячу лет назад Рубаха, вон, со славянским орнаментом...

– Ну, оставим их, сочные подробности... Сар, эти охотники за головами, они кто? И сила, которая им нужна, ее как понимать?

– А так и понимать, как есть. Жизнь, которая уйдет вместе со знанием.

Сар помрачнел, сгорбился, оперся рукой о колено.

– А иначе никак нельзя? Я владею какой-то важной для них информацией?

Сар кивнул. И совсем понурил голову.

– Да бред! – она вскочила, – понапридумывали тут себе виртуальную реальность! И прям все должны играть!

Сар поднял голову. Вид у него был страшный. Серое лицо, оскаленные зубы. Она отпрянула.

– Это не игра!

Во мгновение ока он оказался рядом и навис. Так, что захотелось сжаться в ком и отползти.

– Охотники за головами – те, кто были мне близкими людьми. И ты думаешь, что такой как я, найдет время едва не сутки тебя морочить?

Слов не было. Страшно. Этот ангел умел повергать в трепет. Им положено... Непонятные драмы титанов...

– Мне нелегко говорить об этом, больно... Сказавший подобное мертв... – Сар закрыл лицо ладонью и отвернулся.

Ну, что бы у них, у титанов, ни случилось – тоже ведь живые... Жалко. Этакая махина, и в печали. И, главное, как успокоить не знаешь. У этих древних головорезов странные порой устои...

Но погладить примирительно не удалось, Сар быстро зашагал к папоротникам.

Уже у исполинских, едва не в человеческий рост, резных листьев, обернулся. Улыбнулся беспечно.

– И поройся уже в сумке, не то помрешь от любопытства!

От сердца отлегло. Безмятежен... Шутит... А она, вот, в растрепанных мыслях. И что теперь со всем этим делать?

Глам. Мета пятая

Эта звезда стоила жертвы... Когда увидел ее впервые в видениях сети, признаться, потерял дар речи. Это сколько тысячелетий прошло, сколь сильно изменились токи энергий и тайные коды плоти – но работала древняя сила, продолжала свой путь! Ухитрилась дать сильное, яркое поле существу откровенно выморочному.

Мир, который нам наследует ближе к демонам, чем к людям. Будучи его порождением, вызывала она те же чувства, что и адские твари – страх, брезгливость, желание оттолкнуть. Но было подмешано и другое. Она была красива... Будила животное.

Уже сама по себе, даже в обход янтры, сливающей в страсти убийц и жертву. Ведь должно желать женщину, безумно, до смерти, чтобы получить ее силу.

И это мука... Для такого, как я. Давно забывшего ярость чувств.

И счастье... Дотоле неведомое. Не сравнимое ни с чем! Когда в объятьях жены рождается целый мир. Сказочно прекрасный, незнакомый. Тот, мимо которого мог пройти, так и не открыв...

Да, подобные ей будят в мужчинах тайное. То, что не радует. Способность на воровство, подлость, насилие... Лишь бы получить... Бывает так у вайшй. Впадают порой в зависимость от чувств и веществ. Тяжкая это хворь...

Но кто меня вылечит? Ратна, сверкающая как солнце, умная и острая на язык? Подруга и мать... Но к матери не со всем пойдешь. Подруге не все расскажешь... Венец вождя забирает слишком многое. В том числе, слабость, способность к жалобам и слезам. Впрочем, Ратна все видела сама. Но молчала, не останавливала и не лечила...

И вот итог долгого пути – эта странная пришелица рядом, на расстоянии вытянутой руки. Разделяют лишь ветви... Ее лицо – на уровне груди. Протяни руку и ощутишь нежную, теплую щеку.

Но стоя перед ней нагим, он медлил это сделать. На коже играл узор листьев, мгновение длилось долго, целую вечность... Эта роца имела высокий статус у его народа. Сюда приходили просить о сокровенном. Здесь сбывались мечты. И в них он не мог разобраться.

Помышлял не о долге. О любви... Рассматривал, любовался. Скорее насторожена, чем напугана. Голова повернута в сторону, рот приоткрыт, глаза влажно блестят. В этом взгляде много кошачьего. Светлая кожа, темные глаза и волосы. На плече висит деревянный короб, и по тому, как пальцы сжимают его ремень, понимается многое. Как гибко и мягко ее тело под одеждой. Как мелкие, стремительные движения с усилием много большим, чем надо, помогают ей сосредоточиться. Как скрытно творит ее суть множество едва уловимых пасов, от природы свойственных всем чувственным людям... Стоит усилий сохранять ясность в голове...

Но женщина эта – сосуд, который надлежит разбить и вынуть то, что даст годы покоя и процветания его народу. Прекрасный сосуд!

Он ждал, когда глаза их встретятся, ощущал возникающую связь, подобную силе магнита. Ее взгляд бродил по хитросплетениям листьев. И вдруг...

Вдруг тишину разорвал крик. Истошный вопль: «Лина! Линка!» Он узнал эти голоса, и мужской, и женский... Сар и Аса...

Женщина начала нервно озиаться, и пригнувшись, канула в кусты. Крик доносился от озера.

Будучи крупным, сильным человеком, мог нагнать ее в два шага. Такие как она, высокие, несколько полноватые, неожиданно проворны и жестоки в гневе. Но он-то был воином, волхвом, ведающим как убить нажатием пальца...

Что остается? Смотреть вслед и дать время.

Сыну и себе...

Лина. Обстоятельство восьмое

Через время, испытывая щекочущее любопытство, она затащила торбу под крышу. Не рыться же в чужой поклаже на улице. Вдруг дождь. Да и неудобно. Для стыдных действий подходят, знаете ли, укромные места.

Весила сумка килограмм десять. Что он там держал? С такими мыслями и залиплось на пороге. Протиснулась, значит, и залипла... Обстановка была из тех, где требовалось присутствие духа, чтоб войти. Нелюдское жило. Кикиморское...

Вход один чего стоил. Дверь, вообще, неизвестно для кого. Это, вот, она, если не наклонится, лоб расшибет. А что говорить о таком верзиле, как Сар, метра под два ростом?

Хотя, конечно, свой кикиморский уют здесь был. Домик простором не удивлял. И такими в книжной иллюстрации обычно изображают логова колдунов. Толстые бревна. Зазоры аккуратно проложены мхом, отчего стены приобретают приятно дикий вид. Очаг, наподобие того, что имелся в жилищах викингов. Каменный стол прямо посреди комнаты. На нем все что полагается – и угли, и положенные поверх свежие дрова... И, да, джед над крышей трубой не был. Его основание располагалось несколько поодаль от очага.

В бархатисто-бурую глубину избы, уходил земляной пол, чисто выметенный и утоптаный до состояния камня. По стенам – широкие лавки в шкарах, пегих – от домашнего скота и каких-то буйно лохматых, пушистых – от зверья лесного...

Под потолком волновалось, терлось друг об друга множество, иначе не назовешь, арт-объектов, самым знакомым из которых, был оберег в виде птицы счастья.

И, вот, если заглянуть за все эти волнующиеся кружева, присмотреться к потолку – становилось не по себе. Так не кроют избушки. Однозначно. Прямо чудо инженерной мысли! Ладная, тщательно выверенная и подогнанная, система. Балки скрещены парадоксально, под немыслимыми углами. Деталей каких-то непонятных множество. Виртуозно-резных, в сложных насечках, вроде иероглифических надписей... Ужас! Какая-то древняя машинерия... Зачем? Там, наверху, в полумраке, где никому особо и не видно. Забыв о котомке, она бродила по лавкам, высматривая и изучая. Крышка такая огромная у шкатулки-избы... С отверстием для джеда. Деликатным, не в притирку... Топилось, несомненно, по-черному. Но потолок не закопченный. Почему?

От этих «почему» стало плохо. Очень надо было стараться, чтобы заглушить этот скрипучий, настойчивый шепот: «Здесь все нечеловечески странно, не возможно, и я этого не хочу!»

Внутрь прокрался страх. Обстановка абсурдная, полная ни с чем не сообразных, диких деталей, которым ни объяснения, ни оправдания не находилось. Просто непонятно, что они здесь делали. Это обсерватория, а потолок – астрономическая шкала? Это храм, где приносят жертвы, и не очаг это вовсе, а алтарь? Или что? Или как это понимать?

Начиналась паника. Она сжалась на лавке в ком и просидела так довольно долго, пережидая бешеную круговерть в голове. Спасительной оказалась мысль порыться в сумке. Прямо то, что надо. Грубая конкретика и запретный плод одновременно.

С натугой вытащив торбу на середину избы, она начала осторожно, не без опаски, выкладывать предметы из этих шероховатых, остро пахнущих кожей и пряностями недр. Сперва на пол и камни очага, потом часть перекочевала на лавки и небольшой стол в красном углу.

Набор был, надо сказать, не для слабонервных. Большую часть пространства занимало оружие. Ну, воинство же, шаманского толка – одежда в дырах, шашка в серебре... Но непонятно, в торбу-то он его зачем прячет? Такой красотой увешивать себя надо, как елку. Пока его из сумки достанешь, десять раз уже убить успеют.

Самой примечательной вещью был огромный, где-то с предплечье величиной, нож. Этак с трудом вышел из ножен и просто потряс красотой узора. Булат, но странный. Полосы не серые, а удивительного голубоватого оттенка. Голубой металл... Такой есть?

Однако, вниманию почтеннейшей публики, тот самый знаменитый сакс, национальное оружие германцев. По-нашему – тесак. Длинный, тяжелый нож, заточенный с одной стороны. Данный экземпляр имел перемотанную кожей рукоять и большой отвес в виде шара. Отвес был, вообще-то, необычной деталью. Но кто их, головорезов, разберет, зачем им... Он и небольшая гарда были украшены серебряной насечкой, изображающей змей и очень напоминавшей скифский «звериный стиль». На отвесе, в центре, имелась круглая кнопка, и, признаться, она избегала ее касаться. Отвес вполне мог включать скрытое лезвие, и бог знает, отчего оно могло выскочить. Вот это, последнее, она поняла как-то отчетливо и неожиданно, будто нож ее предупредил. Надо было держать его особым образом, чтобы лезвия, явное и скрытое, не были направлены на живое. Перед глазами на мгновение мелькнула такая картинка... И еще там было несколько видений совершенно натуральных и отчетливых, отчего она быстро отбросила нож на лавку. Боевое оружие... И кровь пробовало... Появилось ощущение порезов. Когда боли еще не чувствуешь, но отчаяние разрушения уже пугает. Ее передернуло. Съежившись, она начала тереть плечи.

Напоследок нож представился. В голове отчетливо прозвучало: «Нага». И само собой получилось характерное движение собак, вылезающих из воды. Но абсурда в ситуации не убавило. Так вот, походя, представьте, с ножом поговорить...

Нет, только ни о чем не думать! Запал в душу небольшой лунообразный кинжальчик, отчетливо предмет женского обихода. Легкий, миниатюрный, в красивом кожаном чехле, со вставками из кости. Его следовало носить на шее. Может, дар любви. А может, такими у них приняты скальпы снимать. Ножик смутно напоминал ритуальные серпы друидов.

Потом там был еще широкий ремень, с множеством металлических и кожаных гнезд, уж и неизвестно для чего. Какие-то замысловатые петли, подобия массивных винтов, лямки, вроде португеей. Весило это много, просто конская сбруя. И имелось там еще под пряжкой странное украшение, наподобие шотландского кошель. Но это был не кошелек. Такой круглый деревянный короб, крытый лаком, с красивой изысканной резьбой. Она с минуту вертела его в руках. Резьба напоминала растительный орнамент. Множество волнообразных линий, листьев, завитков и три неглубокие впадинки, точно по центру. То есть, если надеть ремень и упереть в короб три пальца правой руки, большой указательный и средний, они точно попадали в эти лунки. Только рука должна быть побольше, мужская, и бить надо сильно... Вот откуда она это знает?

Вдруг что-то лязгнуло на животе. Из коробки торчало круглое светлое лезвие. Очнувшись она только когда одернула руку, чуть не порезавшись. Бес попутал все это на себя нацепить! Было такое странное, дурнотное ощущение застарелой привычки, будто все делается не задуываясь, на автомате. Пугало до смерти. И вещь эта, которую с себя теперь даже затруднительно снять, называлась чакра, хотя она уже догадывалась об этом, еще вертя в руках коробку. Чтобы расстегнуть ремень, надо было эту штуку вынуть. А наточена она была до состояния лезвия и сидела в коробке плотно. Да, попала... Придется носить на себе все это, куда Сар не вернется. А заявиться он может и через час, и через день. Была, правда, альтернатива. Пойти во всем добре его искать, с риском пропороть живот.

На фоне невеселых мыслей ощущалось смутное беспокойство, прямо какой-то зуд в руках. Опять накатил приступ чужой памяти. Очень хотелось, просто подмывало, поднести левый указательный палец к коробу спереди. Противиться она не смогла, палец залип в желобке под лезвием, будто примагнитило. Она взвизгнула и зажмурилась, в полной уверенности, что руку сейчас покалечит. Но все произошло очень быстро. Палец вытолкнуло, чакра осталась висеть на нем, а коробка стремительно с лязгом схлопнулась. Она шумно выдохнула

и стерла пот со лба. Тяжелая металлическая хрень палец оттягивала, держать ее навесу было не просто.

Вспомнилось классическое: «Берет как бомбу, как ежа...». Это так она несла ее к столу. Плоская окружность, сантиметров двадцать пять в диаметре, скругленная изнутри и острейшая снаружи из светлого, похожего на серебро, металла, в четырех местах украшенная еле заметной насечкой. Дойдя до стола, она остановилась. Стало любопытно. Ведь ее раскручивают на пальце и бросают, и штукой такой можно голову снести. Попытавшись раскрутить обруч на пальце, она едва не порезалась, ойкнула, извернулась и неловко уронила чакру на стол. «Нет, дорогая, ты уж тут полежи! Небесное воинство скоро явится, с ним и общайся». Пояс она торопливо сняла и положила там же.

Вообще это был странный набор оружия. Тесак рисовал отчаянного рубаку, человека храброго и решительного. Чакра – штука замысловатая, подарок богов и вещь, вообще, не для всех. Такой священный предмет, который сам выбирает себе хозяина. Вот такой он, Сар – то ли ангел, то ли черт...

Был в котомке и ворох одежды. Впрочем, не ворох, аккуратный узел. Дотрагиваться до него нелегко давалось. Много хозяйского запаха и острой памяти прикосновений. Все-таки место действовало, обостряя до крайности мысли и чувства. Так бывает, когда переизбыток энергии выносит на поверхность все потаенное.

Странное чувство оставлял этот человек. Вот кто он? Арья... Да ё моё! Хотя как-то верится... Великий и картонный. Легендарный предок из бульварного романа. Красивый, наивный, героического склада... Вон, даже скарб в котомке не людской... Кому и что от меня надо? Зачем все это воротить? Ведь на таких котурнах долго не походишь, пивка захочется... Может я на чье-то чужое место попала в каком-нибудь квесте? Хуже, если он действительно шаман, с тяжело сдвинутыми мозгами. И привел он меня сюда не случайно... Вот это – за волосы схватить и по губе щелкнуть. Ветеринар... И раньше тоже... Позволял себе... И не у каждого ведь так получится. Здесь тело надо знать в совершенстве как врач, или палач...

Иконописно красивый... Любитель по-дамски лезть в душу... В тайге до горизонта... Из которой, эти их, астры временами выкатываются... Господи, да что же это?! Не, все-таки, наверное, сон...

Над головой стукнуло. Над ней, а сидела она на лавке, висел лук и раскачивался из стороны в сторону, гулко ударяя о деревянный крючок пониже, на котором держался колчан. Это она его, наверное, задела. Но нет, не помнила таких размашистых движений. Лавка широкая и до лука не близко. Впрочем, место это, видно, могло лишать и памяти заодно. Краем уха ловился странный звук, напоминающий еле слышный гитарный аккорд. Будто кто-то поддел струну, и она звенит потихоньку затихая. Древнее это оружие могло издавать странные звуки. Как-то хитро в нем там взаимодействовали дерево, металл и кожа, подчиняясь ритмам погоды и светила. Как это бывает с дорогими, высококлассными музыкальными инструментами. Иную скрипку Страдивари не во всякую погоду можно доставать. А лук имел очень серьезный вид. Где-то половина его высывалась из несколько потертого кожаного чехла и то, что было видно, внушало уважение. Размером он был примерно в три четверти роста своего хозяина. Масивный, искусно перевитый кожей, с металлическими и костяными накладками, древний этот аппарат вызывал в памяти помпезное название из Махабхараты – «Гандива». Вести себя с ним надо было, наверное, как-то ритуально – кланяться, называть по имени-отчеству и вообще не приближаться, ежели не готов. А уж коли струна звенит, то точно о чем-то предупреждает.

Дверь в землянку была приоткрыта. И только на мгновение показалось, что в растворе ее, быстро, на грани восприятия, мелькнуло белое пятно. В этом стремительном перемещении было что-то не человеческое, и не звериное. Так ведут себя призраки, показываясь боковому зрению и быстро исчезая, едва начинаешь присматриваться. Она похолодела, влезла на лавку

с ногами и вжалась в стену, несколько минут сидела, замирая от ужаса и ловя краем уха очень тонкий, на грани восприятия звон.

Немного успокоившись, направилась к двери. Выглянула. Никого. Потом хлопнула себя ладонью по лбу. Костер гас, на валуне лежал так и не развязанный сверток, стояли две фляги и две чашки, из которых пили давеча.

Судя по тому, как Сар обращался с вещами, в местности этой царил какой-то неписанный закон не брать чужого. Можно было вот так оставить все, уйти в неизвестном направлении и, вернувшись, застать все на месте. Просто народу, наверное, мало, одни привидения.

Как она поняла из слов Сара, место вокруг озера было священное, со статусом настолько высоким, что о воровстве никто не помышлял.

Она подкинула хворост в гаснущий костер и рассудила, что все стоящее на валуне следует занести в дом. Видимо это была еда, и ей стало любопытно, чем любят закусывать местные.

Воды солнца и луны это, должно быть – легендарные сурья и сома. Содержались они в двух равных по объему металлических флягах и вполне могли служить прообразом живой и мертвой воды. Фляги были круглые, небольшие, вполне вероятно посеребренные, или из сплава серебра. Тематика, если присмотреться, на обоих читалась. Типичные для всех индоевропейских народов символы светил. Красивые вещицы, и содержалось в них, видимо, не само питье, а экстракт, который надлежало разводить водой. Среди прочего скарба имелась емкость и для нее. Мех из тонкой крепкой кожи с серебряным закручивающимся горлышком. Для дорожной котомки вещь удобная. Воды осталось немного, и кожа слиплась жгутом.

Напитки, к слову, применялись для достижения трансовых состояний, и все зависело от пропорции смешивания. Когда воды много, сома была неплохим успокоительным, вроде валерьянки, чем, видимо, и напоили ее перед знаменательным разговором. В чистом виде питье такое – яд, сулящий легкую смерть во сне. А вот Сар, чтобы развязать язык, похоже, напился сурьи. Что будет, если глотнуть зелье непосредственно из фляги представить сложно. Наверное, впадешь в безумие берсерка и, исчерпав все жизненные силы, тоже помрешь, как это случалось во время амока у солдат Индокитая. Арийские воины перед битвой пили сому, высоко ценя спокойствие и здравый смысл.

Обе чашки были липкими и пахли по-разному. Следовало их, в дальнейшем, помыть. Есть же здесь где-нибудь колодец?

Увязка с продуктами совершенно умилила. Все это ощутимо отдавало теплом рук тех, кто готовил. Представлялись они добрыми и таинственными, одеждой и манерой себя вести похожими на Сара. Но сама по себе еда была совершенно не оригинальна. В общем, все это можно было назвать архетипическим набором путешественника. Проще – фастфудом. Если долго ходить и бегать, или вот таким, как этот Сар, рукомашеством заниматься – не растолстеешь.

Жесткие лепешки, не толстые и не тонкие, чем-то похожие на питу, только из очень грубой муки, полголовы твердого, потрескавшегося сыра с поверхностью неровной и шероховатой, как у творога, сакраментальная луковица, небольшая деревянная солонка и какие-то рыжие корнеплоды, напоминавшие репу и редьку одновременно. Вот так небогато.

О гигиене местный народ заботился и имел привычку упаковывать еду в небольшие холщевые тряпицы. Если четырнадцать колен так делали, то и тебе судьба. Но уважение внушает. В конечном итоге, как человек относится к еде, так подходит и к себе. Трепетно, стало быть. На фоне умиления мелькала мысль, что о гигиене народ Сара понятие имеет, а, может, исходит из доктрины энергетической чистоты пищи, как еврейский кашрут. Салфетки были не просто тряпицами, их покрывал густой орнамент. Такие, кто их знает, рушники...

Изучая далее саров багаж, можно было найти еще много удивительных предметов. Но о них сложно говорить и даже непонятно, что думать. Потому что одни – назначения такого, неясного, а другие даже напугать могли.

К непонятым относились разнообразные мелкие предметы, которые для украшений крупноваты, а для бытовых нужд как-то неудобны, даже непредставимы... Вот, для чего мог пригодиться металлический шарик величиной с мяч для пинг-понга, богато украшенный чеканкой, с рядом небольших круглых выступов по экватору? А костяной цилиндр, в тонких серебряных накладках? Последний, впрочем, мог быть волшебной палочкой. К пугающим относилось, например, такое украшение. Небольшой мешочек в виде ладанки, с прозрачным плоским сосудом внутри. В сосуде – высушенный человеческий палец и несколько гнилых зубов. Кому это могло принадлежать, и какое имело значение? Задумываться, признаться, не хотелось.

Она аккуратно сложила вещи в сумку, примерно, как лежали. Только чакра с поясом и еда остались на столе.

А за стенами избушки жил лес... И будил много потаенных неясных чувств и стремлений. Странно даже откуда такое бралось. Бежать, например, раскинув руки, мимо этих сине-зеленых стволов и орать что есть мочи... Был момент, когда подобное рассматривалось всерьез.

Колодец обнаружился у папоротников, на окраине поляны. Такой аккуратный сруб с журавлем. И стала она к нему примериваться и процессом доставания ведра увлеклась. И когда оно, наконец, взмыло над водой, край глаза уловил изменение. Пугающее изменение. Белое пятно... Человек, вроде, в белом. Станный человек. Рубаха, штаны, длинные волосы – все снежной белизны. Низ лица забран светлой тканью. Она как в кошмаре медленно вела глазами. И вот – белый силуэт. Но не человек – молоденькое деревце, осина. Ветер играет листьями, обнаруживая их серебристую подкладку.

Опрометью бросилась к избе, дрожащими руками захлопнула щеколду и долгое время не могла успокоиться.

Лина. Обстоятельство девятое

Долго-долго хотелось быть плотным, чутким клубком, глубоко запавшим в угол лавки, сторожким, ошетиненным множеством невидимых антенн. Так было правильно. Мало ли что...

Когда дверные доски загромыхали – вскрикнула. Настойчивый такой стук, живой.

– Кто?

– Да открой же!

Вернулся! Наконец! Сар улыбался, смотрел вопросительно.

– Даже на щеколду?

– Да мерещится, знаешь, разное.

– Что?

– Всякая дурь, – не рассказывать же про привидение.

Сар пожал плечами и направился к столу. Увидел чакру, обернулся.

– Вопросов, надо полагать, стало меньше?

– Как бы не так.

– Ну, порадуй, начни доматываться.

После такого предложения как-то и не будешь. Чакра быстро оказалась в футляре. Дверь в землянку захлопала. Заново был разожжен костер. В него бросили жертву – хлеб и сыр, как полагалось у них, видно, по обычаю. По небольшому кусочку от всего, что будут есть. Принесена была вода из колодца, установлено, что надо, на стол. И да, это было нечто вроде санскрита, с его очень характерным тягучим ритмом, тот язык, на котором читалась молитва перед ужином.

Она отметила уже потом, принимая от Сара отломанный кусок лепешки:

– Красивый язык.

– Это древняя мантра. Да, праотцы чтили красоту слога.

– А сыновья изъясняются на жаргоне?

– Вроде того.

– А дай послушать.

Сар выдал длинную фразу, от мантры по стилю и звучанию мало чем отличающуюся.

– И о чем сие?

– Грубый пересказ того, что содержит мантра. Камень таким не сдвинешь.

– Ну и ладно. Это вы так между собой говорите?

Сар холодно изучал ее, подняв бровь.

– Я и с тобой так говорю.

– В смысле?

– Моя речь отличается, неужели не слышишь?

– Нет. Это как?

– О, это льстит мне как мантропевцу!

– Кому?

– Владеющему силой звука.

– Даже так?

Ну, нет, опять какой-то брех!

– А как ты это делаешь?

– Вхожу в сознание, надеваю твой образ и вижу какими звуками и мысленными формулами ты связана с жизнью. Остается только отворить поток, чтоб слышался смысл речи.

– Прямо так, в момент, можешь заговорить с любым иностранцем? Телепатия что ли?

– Нет, скорее помощь чужому уму, чтоб за незнакомые слова не цеплялся. Канал силы. Но с тобой особо широкий не нужен – говоришь на языке-родственнике, понятно и так.

– Ага... Ну это радует, что не слишком широкий. Может, не вся моя изнанка будет видна. Сар усмехнулся, искоса глянул, но продолжил назидательно:

– Изнанка мне твоя не видна. Пригласить надо, чтоб рассмотрели. Но с разным, порой, дело иметь приходится. Создаешь канал на свой страх и риск – узнать что-то или помочь. Мы, баяны, творим его почти без боли. Ну, может, голова закружится...

Добрый человек... Прямо отец родной.

– Без боли – это как? Чтоб поняли, надо как следует попинать?

– Вроде того. Встряхнуть и напугать, чтоб человек из шелухи своей вылез, лицо показал.

Вот вам, пожалуйста. Очень такой импозантный, уверенный в себе людоед... Мастер пси-технологий. То есть, разбирается...

– Значит, помимо всего прочего, ты еще и баян?

Сар кивнул:

– Еще нас называют риши.

Даже еще и так... Если вспомнить, древние эти певцы-мудрецы считались гражданами весьма почтенными в своем сообществе. Едва не богами. В натуре выглядели, примерно, как этот Сар. Прекрасные и мифологически-легендарные. Последним, наверное, был царь Давид. Весьма потрясал современников, бродя по улицам и голося религиозные гимны... Впрочем, люди искусства всегда были странными...

– Ну, а если ты не захочешь или устанешь, как это там, творить канал...

– Ты просто ничего не поймешь, – закончил мысль Сар и продолжил длинной фразой по ритму и звучанию напоминавшей индуистский гимн.

– Это о чем было?

– О том, что я делал недавно.

– И что же?

– Пел раги.

– Это такие песни?

– Не просто песни, это молитва и связь.

– Связь с чем?

– Со стихией, которая впускает и звучит вместе с тобой. Такое надо делать временами. Для себя и мира...

В общем, этот человек не переставал удивлять. Она заворуженно смотрела, как Сар ведет себя за столом, отламывает небольшие куски от лепешки и сыра, и долго, без особой спешки, жует, порой даже останавливаясь, будто прислушиваясь к себе. Видно было, что он голоден. До первого куса, наконец, добрался. Но сидел прямо, выглядел степенно и импульсы напихать в рот все и сразу, сдерживал.

В общем, как оно и подобает ангелам. Даже захотелось ему подражать. Выпрямиться и медитативно, тщательно жевать, несколько походя на верблюда. В такой технике много съесть невозможно. Да и отвлекаться на разговоры недосуг. О застольных беседах можно помышлять, разве что, за горячим питьем, вроде чая. Это была заваренная смесь из каких-то растений. Сладковатая, приятная на вкус, может в мешке хранилась, а может он ее в лесу нарвал, по дороге.

– Так значит ты – певец? И, может даже, музыкант?

– И то, и другое.

– А что главное? Все это, что у тебя в мешке лежит, или музыка?

– Нет главного. Это способы жить и размышлять. Разные способы...

– Ага...

Слова повисли в воздухе. Так случается в светских беседах. Сар и не думал спасать положение. С нескрываемым ехидством ее созерцал. Изящно переменить тему не получалось. Не впадать же в разговоры о тонкостях пения раг. Хотя можно попробовать.

Наконец, пушистые саровы усы дрогнули:

– Ну и когда уже кончишь вилять? – узловатый палец вытянуты в сторону шеи. Даже захотелось, прикрыть это место рукой.

– В смысле?

– Ты хочешь спросить о другом, спрашивай!

Поднятые брови и молчание были ответом. Сар продолжил:

– На языке у тебя вертится: «Что ж ты, дурень, все пропадаешь где-то. Мне страшно!» Правда, ведь?

– Правда.

– Не бойся. Им нас не достать.

– Уверен?

– Теперь да.

– Теперь? А раньше – нет?

– Раньше я мог рассчитывать только на себя.

– Сейчас что-то поменялось?

– Да. Со мной ты и твой бог.

– Ну да, я – это страшная сила. А бог – он со всеми. И с теми, кто убегает и с теми, кто догоняет...

– Не так. Подобных тебе называют аватар-мета. Вам открыто прошлое и будущее. Так вот, людских сил, чтоб нести такой груз, не достанет. Нисходит божество. Это часть твоей сути. Знаешь, поди, что бывает, если воле его противиться?

Да, она знала. Внутренний голос нельзя было оставлять без внимания. Попробуешь – огребешь по полной... Но этот-то откуда знает?

– Так вот, оно не только оплеухи ослушникам раздает, но и хранит. Долго и надежно. Пока твоими руками все свои дела не переделает.

– Последнее отратно...

– Последнее сохранило мне разум и жизнь. И я без меры твоему богу благодарен, – Сар усмехнулся, – бывает так – стоит поклониться и за пинок.

– Пинок?

– Он самый. За что, что вел себя как скот. Не дело к женщине лезть против ее желания. Скажите, пожалуйста...

– Ну, всяко со сна бывает. Сперва сделал – потом подумал...

– Ты мудра. Мне не дано. Надеялся тогда – дашь мне силу. Мужчине она таким способом легче всего дается.

– Ты так думаешь?

– Это – данность, думай или не думай. Сложней ее извлечь из телесных порывов, или создания образов. Требуется настрой. Не сердчай, мне приходится отлучаться для этого. Колесо вынуло до самого дна.

Удивительное все-таки существо. То ли гениальный демагог, то ли совершенно трогательный праведник. Но скорее первое. Правильно, прям, так себя ведет, профессионально, хоть снимай для школы пикапа...

– Да, глупо получилось. Не сердись. Все-таки ты мне жизнь спас.

Сар замотал головой.

– Ты – мне. Говорю же... Был бы сейчас младенцем или, того хуже, зверем... Колесо, наведенное по имени, начисто стирает память. Видно, Глама я на смерть уел, сердчает...

– Глам – это кто? Твой сумасшедший гуру?

Сар кивнул:

- И глава тех, кто за тобой охотится.
- И что, теперь мы всегда будем бегать от него?
- Придется. Хотя недолго. Тебе путь на север. Там живет тот, кто поможет.

Сар в свои слова верил. Улыбался, сверкал глазами. Наверное, это была надежда. Может, единственная. А ей как-то уже мутно жилось в этой сказке. Бывает такой предел в экранной игре, когда надо прерваться и попить кофейку. Она отхлебнула из чашки уже остывший напиток. Адски тянуло зевать. Но неудобно. Собеседник слишком трепетный и умный. Расстроится...

– Ну ладно, Сар, предположим самое худшее – они меня поймают и убьют. Помимо радости разрушения и любопытной информации, что им это даст? Власть над миром? Известность в обществе? И сколько их там, иже, с этим твоим, Гламом?

- Пятеро, Глам – шестой. Власть и молва им не нужны.
- Что же?
- Жизнь и процветание тех, кто им дорог.
- А кто им дорог?
- Люди, доверившие жизни.
- Даже так? Этим людям значительно полегчает, если я умру?
- Нет.
- Это только ты так считаешь?

Сар кивнул.

- Блага для людей стоит добывать другим способом.
- И ты знаешь каким?
- Не знаю, но уверен, что не так, как они.
- А вот, Сар, нельзя просто жить и не добывать ни для кого никакие блага?
- А кто я такой, чтобы останавливать на себе круговорот силы? Чтобы получить то, что ты видишь, нужны реки благ, времени и чужих усилий.

– То есть ты в пожизненном долгу. Ты – такой пророк, живущий единственно для того, чтобы всем было хорошо?

– Я воин, ксотря. И долг любви и чести – мой путь.

– С ума сойти. А ты никогда не задумывался, что жизнь сложнее, и идеология – всего лишь игра?

– Жизнь, по сути, очень проста. Взяв нечто, надо отдать, а не юлить, ожидая, что спустят и забудут.

– Ну что сказать – герой Махабхараты, – она подперла щеку рукой. Своего рода, диагноз...

Слушая, Сар перебирал крошки на столе. Возил их пальцем по разным траекториям, примеривая к узору. Потом смахнул все и кинул в рот.

- Ты знаешь о ней? Не удивлен.
- О ком?
- О Бхарате.
- Это древняя поэма, и герои там вроде тебя.
- Бхарата – свод упадка. Безумная идея... Провалившаяся.
- Свод чего?

– Общность, где можно сдвигать устои. Но как выяснилось – нельзя. Они погибли... Иные пропали без вести...

– Погибли?

Сар кивнул.

– Гламов учитель был оттуда. Асвадама... Сказывал, как было. То же ждет и нас.

О, Господи! Это пять тысяч лет назад что ли?! Да нет, пурга! Это, вот, напротив сидит такой современник Кришны? И они все такие были?

Конец света... Ежели порыться в памяти – был такой Ашвадхаман, сын Дроны, вечно странствующий грешник... Стало быть, занесло его сюда.

– А... – у нее даже не нашлось слов для вопроса.

– Да, разница между нами – пять тысяч лет, – Сар искоса изучающе смотрел. Похоже контролировал эффект от сказанного. И надо было. Она с минуту хлопала губами, как рыба, вынутая из воды, потом выдавила:

– Это каким же образом... То есть что меня перенесло?

– Гламова работа. Да и моя отчасти, каюсь.

– Твоя?

Спрашивать про машину времени у персонажа во вполне средневековых портах и рубахе, со всеми его косами и постоломи, было как-то странно...

Ну ладно, поговорим предметно.

– Это значит, заводить какую-нибудь, немыслимую вашу, машинерию, ломать законы бытия, чтобы всего-навсего подходящую жертву из будущего выцарапать? Не слишком громоздко?

– Не слишком. Сила, скрытая в тебе, спасет не одну вежду. Наш мир гибнет... Жизнь уходит из земли. Не родятся те, кто может отвести беду...

– И вам приходится заимствовать их в других временах?

– Приходится

– Но со мной вы промахнулись. Я всего лишь девица с приветом.

– Ты многого о себе не знаешь. Вроде спишь.

– И ты намерен меня будить?

– Как раз нет. Хочу, чтобы ты благополучно вернулась обратно.

– И этот ваш проект не осуществится?

Сар кивнул. Понурил голову. Сидел с минуту, опершись о стол. Потом выпрямился, взглянул. В глазах стояли слезы. Все-таки странный он. Не поймешь, даже не мечтай, о чем он и зачем он...

– Жизнь положу, чтоб не случилось!

Ну ладно, ему видней, что говорить для убедительности. Но лицо такое – сейчас расплывется...

– И как ты меня собираешься возвращать?

– Есть места, способные создать проход. Мне помогут.

– На севере? Ты говорил...

Сар кивнул. Долил кипятка в чашки. И пригубил свою. Смотрел по-прежнему настороженно, с опаской. Боялся, может, неожиданных истерик, как бывало уже...

– И что, прям сейчас и пойдем?

– Почему нет? Только допьем.

И то хорошо. Было, конечно, любопытно разузнать почему. Почему те шестеро за, а он против, почему все так категорично: «Жизнь положу» Ведь всегда можно найти компромисс. Почему им непременно надо ее убить? Ведь такая, вообще, махатма, как она, введи ее в гипноз (а они, судя по повадкам Сара, умеют) выложит все и даже больше. Вопросы. И вопросы не слишком деликатные. Которые сейчас задавать не стоит. Собеседник глотает слезы, глотает чай и от разговоров этих, чувствуется, ему тяжело...

Но время и теплый аромат трав делали свое дело. Изрядно помолчав и похмурившись, Сар, наконец, улыбнулся. Поставил чашку на стол, в глазах мелькнуло любопытство:

– И что, вы всегда одеваетесь, чтобы не показывать варну? В такие слабые, непонятные тряпки? Странно, даже опасно, так ходить. Или ты хочешь позвать дитя?

– Почему ты так думаешь?

– Да без пояса же...

Отзыв, конечно, не польстил. В целом понятно, о чем он. Но и о социальных устоях, и об обычае одеваться рассуждать – вступать на скользкий путь. Не тема для светской беседы. Поэтому пришлось ограничиться примирительным:

– У нас по лесу все так ходят. Фасончик не крутой, но приятно, что сложностей фигуры не обнаруживает.

– Ты скрываешь уродство? – что такое деликатность Сар не ведал.

– Нет, просто я толстая.

– Ты – толстая? Не смеши!

Потом произошло следующее. Сар встал из-за стола, легко, как тряпичную куклу, снял ее с лавки и поставил перед собой. Силой он обладал немалой. Даже не напрягся. Снял куртку, огладил бока и сильно сжал тело в талии. Прокрутил пару раз. Этакая перед ним лошадь на рынке!

– Ты красива и стройна. Только зря горбишься.

Это наивное любопытство могло достать кого угодно. Даже святого. Не учили его, что ли, с руками не лезть? Однако, попытка отстраниться не удалась. Сар и не думал ее отпускать, притянул ближе. Сгреб в ладонь волосы сзади и принялся целовать, довольно грубо, все более увлекаясь, потом повалил на лавку.

Когда он приподнялся, чтобы снять одежду, обнаружили два лица. Этак рядом, едва не перекрывая друг друга. Одно крупное, нависающее, с пустыми, блестящими как битое стекло, глазами, другое поменьше, белое и неподвижное, забранное снизу тряпкой. Человек этот сделал шаг внутрь землянки.

Она закричала изо всех сил, попыталась развернуть Сара к двери. Белесый силуэт метнулся и пропал. Сар с минуту смотрел на дверь. Потом поднялся и сел рядом. Она закашлялась. Этот крик вынул все нутро. Присутствовало чувство гнетущего страха.

Сар попятился, влез с ногами на лавку и сжался в ком. Сидел некоторое время, привалившись к стене. Его трясло, и даже со стороны было заметно.

– Что с тобой?

Глядел в одну точку. Потом очнулся, вытянул ноги, помотал головой. И вдруг застонал, горестным жестом обхватив виски. Восклицал что-то на своем языке, с таким выражением говорят обычно: «Боги! Что я наделал!». В позе и интонации читалось крайнее отчаяние. Она боролась с прилипчивой маской удивления. Брови стремились к пределам лба. Понять творившееся опять не представлялось возможным. Что стряслось-то, наконец?

Сар вскочил и устремился к двери. С минуту стоял у притолки, потом жалко улыбнулся, понурил голову и тихо произнес непонятную фразу. Говорил, должно быть, сам с собой. И вдруг неожиданно, она даже не успела отследить эту трансформацию, заметался по землянке, наспех укладывая вещи.

– Умоляю, собирайся быстрее, надо уходить!

– Куда, зачем?

– Не спрашивай, очень прошу, нельзя медлить!

Потом был бег среди бурелома, где рискуя свернуть шею, надо перемахивать через бревна, ямы и ручьи. Да и сама по себе скользкая росистая трава уже могла стать смертельным обстоятельством, под ней хлюпала грязь. Как она не переломала ноги, не понятно. Все шло именно к этому. Сар неся впереди, особенно не выбирая маршрут. Утратив терпение ждать, он просто ухватил ее за руку, и это уже был не бег, а, местами, полет.

Рука через время чувствоваться перестала. Силу он не соизмерял. Ощущение было такое, что кисть затянуло в шестеренки. С каждым мгновением становилось больней. Она не могла

уже терпеть, пыталась вырваться и закричать. Наконец, в запястье что-то хрустнуло, и боль стала нестерпимой. Она пронзительно завопила. Сар резко остановился. Влетев в него, она зашипела и прижала к себе покалеченную кисть. Пальцами двигать было невозможно. Сар мотнул головой, так коротко и отчаянно озираются затравленные звери, и вдруг резко, с не людской силой, отшвырнул ее в кусты.

Все замелькало перед глазами. Ее унесло в какую-то яму, укрытую мокрой зеленью. Выбраться оттуда, да еще найти там этюдник было непросто. Адски болела рука. Но и о ней, и об этюднике, и, вообще, обо всем, она забыла, когда что-то коротко просвистело над ухом. В ствол, прямо перед глазами, впилась стрела. Это была большая длинная штука, с рябым оперением и она дрожала, затихая, с характерным сухим звуком, который из всех предметов издают только стрелы.

Что-то зашумело спереди, за кустами, словно на нее несли во весь опор какой-то транспорт. Так непредсказуемо и стремительно ездят среди деревьев велосипеды. Послышался топот и свист, потом треск. Прямо над ней, на полуувязшие в почве старые стволы, взлетело существо. Мягко шлепнулось сверху и собралось в ком, гася инерцию. Сначала подумала, что это крупный кот, вроде рыси или леопарда. Но сфокусировав зрение, ужаснулась. Перед ней, влипнув ногами в трухлявую кору, отвратительно, мягко раскачиваясь, как богомол, пребывал жуткий монстр. Такой ужас можно увидеть только в каком-нибудь японском фильме про призраков. Где человеческий, в общем, образ какого-нибудь привидения вызывает утробный страх. И дело тут даже не в гриме, а в неестественной логике поведения, диких деталях, стремительной, не людской пластике. Вроде как, представить себе огромного, в человеческий рост, таракана, безмозглого и непредсказуемого.

В общем, это было массивное, собранное, тараканьи гибкое и подвижное животное, одетое и причесанное как Сар. Неуловимо поменялись черты лица и линии тела. И это был совсем не холодноватый, прекрасный воин, а сам дьявол. Совершенно зверь! Мощный, сбитый, коренастый, страшный до смерти. Не дай бог заметит! Холодея от ужаса, она все глубже зарывалась в листву.

Но монстр был занят. Целился из лука. Внимательно, цепко врал в цель, пружиня ногами, изгибая корпус, еле уловимо меняя наклон рук. «Гандива» в действии, надо сказать, был великолепен. Лук всегда делает образ воина эффектным. Этакой величественной завершенной композицией. Особенно такой – массивный, длинный, бликующий металлом накладок. Что-то неуловимо знакомое было в этом зловещем силуэте! Ах да! Бурдель. Геракл, стреляющий из лука. Только ему, этому гениальному французу, удалось во всей полноте передать острый боевой азарт, когда забывают о себе, об оружии, да обо все на свете – видят только цель.

Шумела потревоженная листва. В стволы за монстровой головой и плечами вонзались стрелы. Те самые, рябые. С противным, влажным треском. Летела во все стороны кора. Пару раз, гибко пригнувшись от выстрелов, эта тварь отпустила, наконец, тетиву. Кто-то вскрикнул в глубине леса. Зверь по-медвежьи встряхнул головой, обмяк, и ртутной каплей канул в кусты.

Сар. Мета пятая

– Ты от себя в этакой позе просто пьян. Гламов идол, прям! Дальше-то не забыл, что делать?

Варта. Насмехается. Как всегда степенен и ядовит. И, в общем, прав. Разбуди его среди ночи, дай в руки лук – не промахнется. Искусство такое мало кому дано. И нелюдское упорство торчать целыми сутками в поле.

Степная сила... Что-то видно он понял свое, выпуская за день тысячи стрел. Нечто несообразное действию лучника, как танцора, невольника раз и навсегда заведенного порядка... Сперва изобрази суть, потом войди в нее, и только после гонись за плодами. Ему этого не надо. Надевал раж, едва брался за лук.

И злило это страшно. Даже не зависть – стыд. Невыносимый, когда багровеют уши и ключицы. Бывает такое на двадцатом году жизни, когда питаешь великую страсть к познанию...

Варте минуло двадцать три. Усмехался, глядя искоса. Здоровенный, едва не на голову выше, краснощекий, с носом-репой. Только шипеть на него и можно:

– Да провались ты ко всем демонам, гурудев!

Рассмеялся.

– Дурень! Ты ведь такой же, как я. Вон, в шрамах весь. И поставили их тебе те, кто дорог. Не наказывай цель, люби ее...

Застынешь от такого, как вкопанный. Это Варта! Простой как струганная доска... Слегка исказишь имя и услышишь басовитый храп. Варат. Редкостный, с белой шерстью. Этакая громадная бездумная сила. Будто посыпанные снегом брови, светло-голубые глаза... У белых варатов бывают такие. Огромные, слегка навывкате, в розовых морщинах... Животное, вроде... Но пройдет время, и парень этот станет великим волхвом.

И тогда дал себе труд прислушаться, ответить теплом этому человеку. Понял – злился оттого, что не мог подойти, подобрать слова...

Был этот Варта странной фигурой. Приходился из угров. Косить под простака умел в совершенстве. Как у них принято. Древняя кровь Пацифиды, часть их сути, побуждает не жить, а наблюдать. Угры – союзная раса, вполне пригодная для свода. Но недостаток северной крови редко возносит их на вершину знания. Воин-сар из угров приходит не всякую сотню лет. Но ежели приходит, долго потом его помнят.

В полной мере это относилось и к матери, матери воинов, Ингер. Тоже угорская девка. И рядом с ней порой страшно. Чуждый разум. Все верно вроде делает, великого ума человек. Но вот, не объяснишь – ящер разумный! Строит с нечеловеческим упорством, чтобы потом бестрепетно разрушить. И сделать какой-то свой ящерский вывод...

Угорского лаптя Варту в двоедушии не заподозришь. Никому, то есть, в голову не придет. Тупая болтовня ни о чем, дикие выходки, шутки больше жестокие, чем смешные – тут он был незаменим. И невообразимо популярен среди мужского населения крома. Этакий ком в манной каше. Не так, чтобы приятный, но куда ж без него?

Достаточно ему было появиться, чтобы вокруг забурлила жизнь, как река в водовороте. Можно было даже ничего не говорить и не делать. Он был из тех славных верзил, которые в компании вроде горы Меру. От них ждут веских слов и действий. И обращаясь к обществу, обычно косят глазом в их сторону. Этакую силу хорошо бы заполнить в союзники.

Валенок, в общем... Что это сар, не помнил никто. Даже то, что желтая его волосня никогда не отрастала длиннее ладони, не настораживало. Ну, что с него взять – угр. А между тем, это был урок бесцельности, принять который мог только сар или жрец, постигший тщету преуспеяния в мире.

Когда он оставался один – глаза холодно блеснули. Без маски простака он выглядел страшновато. Понималось, что это очень умный и скрытный человек. Всех здесь в кулаке держит. Не раздумывая за ним пойдут. Он старательно, последовательно, с нелюдским упорством строил свой мир, опутывал сетями, как паук. Неслышно, исподволь, нежно. И благо, если у него не помутится разум...

В то утро Варта встретился последним по дороге к воротам. Возник случайно, вроде мимо проходил.

– Удачи тебе, брат!

Был верен себе. Подошел, хлопнул по плечу и глаз не опустил.

– Почему не пошел со мной?

Усмехнулся, мотнул головой:

– Мне не дано твоей веры. Ты первым должен сделать этот шаг.

Лина. Обстоятельство десятое

В мокрых кустах хотелось потеряться. Они густо устилали дно ямы. И, вот, все, что угодно – только бы не вылезать! Такого страха, переживаемого как болезнь, не доводилось в жизни испытывать. Разные бывали оттенки, но не эта тупая, ноющая, какая-то предсмертная безысходность. Когда душа сжимается в комок, а тело новые обстоятельства откровенно саботирует, бесконечно цепляясь за все возможные сучья, кочки, подворачивая ноги в мокрой траве. Страх даже ловкого человека одним махом делает клоуном. И природа права. Нечего на рожон лезть, переждать бы...

Крупный, заставляющий дернуться не только плечи и бока, но даже колени, спазм сказал ей, что человек этот рядом. И раньше хотелось от него подальше держаться. Машина все-таки, и непонятно что на уме. Теперь это была паника. Настоящая. Со слезами и крупной отчаянной дрожью, как у скотины перед забоем.

Не человек! Ну не человек это! Их там двое вообще, этих тварей! Красивый и страшный. Руку, правда, сломал тот, что красивый. Но стрелок – ужас просто! Мерзкий! Убил ведь кого-то или ранил...

Стрела с рябым опереньем так и торчала в стволе...

– Насовсем там поселилась? – звонкий саров голос вернул мир на свое место. Но нет, не вернул... Каждый шаг навверх поднимал внутри липкую дурноту: «А что, это правда все? Труп там где-то ваяется? Или человек, такой же как я, больной, помрет скоро?»

Слишком многое зашло за грань. Необратимо изменилось. Бесповоротно... Ну, мистика эта – может, показалось со страху. Но стрела... Как там в стволе. Когда вонзается и убивает... Черт! Как так люди живут?!

Сар по обыкновению внимательно ее разглядывал. Уже успелось привыкнуть к такому. Беспардонно изучают минуту, другую, третью и молчат...

Ну, какая бы там блажь в крыше у попутчика не гнездилась – жизнь продолжается.

– Надо его найти, погибнет.

Сар мотнул головой:

– Не надо, поверь. Он жив. И пользы от этих поисков не будет никому.

– Ты его знаешь?

– Да.

– Тем более!

– Я слишком хорошо его знаю, поэтому и говорю.

– Он тебе, типа, враг?

– Теперь да.

Сар продолжал ее разглядывать и протянул руку. Странный был жест – растопыренной ладонью вперед, будто нащупывает что-то в воздухе. Из целительского обихода нечто... Эта публика любит так изображать контакт с биополем.

И, вот, не надо было этого делать. Тело опять испугалось. Крупно дернулось и метнулось в сторону. Рука разболелась. Пришлось долго ее гнездить в складках одежды и оглаживать. Сар молча наблюдал эти эволюции, потом проронил:

– Не грусти – починю. Только погода. Сейчас идти надо.

– Куда?

– К реке.

Помедлил с минуту, потом добавил:

– Ты видела меня иным. Просто смирись. Отпустит через время.

Дикий речной пляж тонул в зелени – молодая поросль ив, тростник. Сквозь листья – яркие блики от воды. Сырость, пряный запах мятой травы...

При взгляде на вынутое из невысоких кустов, сделалось не по себе. Это была, по словам Сара, лодка. Ну ладно, хорошо, пусть так ее называет... Длинный, толстый ствол, плавсредство напоминавший, если только отдаленно. Торпеду – да. Но, вот, плыть на этом...

Несомненно – очередной шаманский артефакт, и, несомненно, чтобы рассекать на подобном, стоит включить сверхспособности.

Ваяя данный шедевр не ленились. Вложились, то есть... По полной... Красота невозможная. Узкий, как змеиное тело, аккуратно выдолбленный ствол весь в резьбе, красивой, сложной, обильной, имеющей какой-то глубокий смысл... Смоленые бока – как браная ткань, переливчатые, с неглубоким прихотливым рельефом.

Но, вот, придать посудине веками выверенный силуэт не озаботились. Все силы, видно, в покрас ушли. Нос и хвост – кучье, невыразительные, заставляющие опасаться, что изделие уж точно хлебнет воды при первой же возможности.

Укрепляло в этой мысли и другое обстоятельство. У лодки была талия. Да, да, как на римской спате. Не на середине, правда – в районе золотого сечения. Лодка с талией... Нет, не слышали. Даже не представляли, что так можно...

В обнимку с больной рукой, она некоторое размышляла, как доходчиво объяснить, что в эту жуть не полезет. Ни за что! Сар весело скалился, и в посудине совершенно не сомневался. Обращался с ней без особых церемоний. Покидал в недра весь скарб и выкатил в воду. Лодка плавно колебалась, поблескивая черными боками. Сердце схватило – вот сейчас кувырнется и потопит все котомки-этюдники. Но нет, вела себя прилично...

С расстояния видно было, что артефакт изрядно пожил. Смоленая поверхность не скрывала царапин и сколов. Транспорт был, такой, рабочий. Его подновляли, подкрашивали и, вообще, содержали аккуратно.

Сар шагнул в воду, прямо в обуви. И придерживая рукой край лодки, сделал красноречивый жест. Лезь, мол!

Ну, уж нет! Ноги сами собой проворно заработали, шаг назад и два, и три, голова отчаянно моталась. Ангел сие некоторое время наблюдал и мрачнел. Наконец, брови грозно сдвинулись к иконописному носу.

Потом произошло то, что разум опять не успел отследить. Пора бы уж смириться с этими вампирскими полетами, но нет – всякий раз шок. Двигаются так быстро, что ум не ловит ни начала, ни хода движения. Как двадцать пятый кадр. Все летит с бешеной, не людской скоростью. У самой грани восприятия.

На этот раз – смутное, давящее ощущение опасности, несущаяся мимо масса и полет... Наверное, так ощущает себя тюлень, в игре касатки. Ловя себя, смертельно напуганного, только в отдельные моменты. Вот – подбрасывает в воздух, вот – больно давит бока и колени, а, вот – она уже, визжа, колышется в лодке, отчаянно балансируя, растопырив ноги и изо всех сил цепляясь за борта. В лодку ее вбросило. Впрочем, весь испуг быстро свела на нет адская боль.

На пару минут все пропало вокруг. Самым естественным казалось пребывать согнувшись пополам, шипя и задерживая дыхание. Но все со временем проходит. Если рукой не двигать, боль постепенно перетекала в тупое нытье.

Когда мир во всех своих красках вернулся, начали проявляться детали. Чернота лодочного дна с рыжими пятнами этюдника и котомки, сине-пестрые ее ноги в джинсах. Но вся эта вселенная привычных вещей – всего лишь полоса, узкая и незначительная, в сплошном волнении золотых бликов, сверкающих, маслянистых, волшебным перетекающих друг в друга. Красота воды успокоила и даже заставила губы слегка растянуться в улыбке. Лодка глубоко

сидела, и водная гладь со всеми своими мягкими волнами, ряской, кувшинками, занимала весь мир. Будто плывешь, но не намокаешь.

Черный, перетянутый пополам, змей, двигался плавными рывками, приятно напрягая нутро. Сар с усилием греб, стоя на одном колене. Видно было, что скорость в этих тростниках дается ему с трудом. Руки и торс закаменели, на шее вздулись вены. Он что-то бормотал про себя.

Уже мало что в его поведении могло удивить. Но это было не просто ворчание занятого человека. Тихо, с каким-то остервенением, он произносил нечто вроде речитатива. Незнакомые слова тонули в каких-то, поначалу непонятных, фоновых звуках. Очень диких. Из двигателя такое скорее услышишь, чем от человека! Этот механический гул, просачиваясь сквозь слова, нарастал. И все вместе, в конечном итоге, стало пугать. Рев, с медленно, будто в бреду, звучащими словами. Так буряты поют. Их знаменитое горловое пенье. Голос, словно синтезированный машиной, сводит с ума, все деревенеет и останавливается от него внутри...

К тому же Сар не просто греб. Приступка для колена, искусно вытесанная и, на первый взгляд, удобная, располагалась прямо над лодкиной талией. Но изнутри была вся усеяна клепками. Видно, даже если колено внутри стоит. Зачем? И кололись они, ведь, наверное... Сарова нога слегка ездил в этом «испанском сапоге», вроде примериваясь, чтоб не больно. Размашисто, изо всей силы, орудуя веслом, он морщился и скалил зубы.

И не спросишь же, не предложишь куртку кинуть, чтоб не кололось... Ангел выглядел как форменный псих. Глаза стеклянные, зубы оскалены, красный весь и ревет. Страшно смотреть. И лучше не связываться.

Она отвела глаза. Когда созерцаешь воду – мысли останавливаются. Даже если шумно и странно вокруг... Блики от воды, они заполняют собой все... Мягкие извивы волн, пена, быстро проносящиеся, выющиеся по ветру тростники...

Через время скорость уменьшилась. Лодка плавно заскользила по чистой воде. Надо было, как-нибудь осторожно, глянуть. На этот раз вид у ангела был приличный. Глаза сияли, искрились золотые блики в волосах. Миру, как награда, явлена была божественная улыбка... Но потом все как-то смялось, и из небесных сфер выпало. Ангел бандитски подмигнул.

– Чего нос повесила?

Хватает же наглости спрашивать.

Оскал раздался вширь, явив все великолепие неровных зубов.

– Да не кисни. Сказал – починю.

Починит он, механизатор...

Эффект этот персонаж производил поразительный. Описать двумя словами – мучительное противоречие. Когда вообще не знаешь как с человеком себя вести. Тело по-прежнему крупно вздрагивает от любого его поползновения. Но вот ум. Ум очарован... Даже верится, что починит. Хотя не понятно, что это значит с его точки зрения...

Бывает так, что пургу несут «вкусно», убедительно, с шиком и шармом, ухитряясь обманывать даже чутких детей. Актеры, тележурналисты, психологи. Они так умеют. Хотя с ними всегда ощущается опасность. Интуитивное неприятие лощеной, избилующей штампами речи.

Сар, правда, производил несколько иное впечатление. За его словами и действиями не ощущалась явная манипуляция. Все было тоньше и нежнее. Как в обществе, прекрасно чувствующего людей, старого интеллигента, какого-нибудь гуру от искусствоведения. За плечами которого колоссальная сумма знаний, не только об искусстве, обо всем... Тот же хитрый прищур, то же скрытое знание природы вещей, та же поразительная детская открытость... Будто тебя, априори, считают величиной более значительной, чем ты есть.

Вот как это получается у двадцатилетнего болвана? Те самые старые мозги не по возрасту? Волшебный голос? Прекрасная внешность, которой доверяешь помимо воли?

Даже если помнить о том, что к людям он относится странно. Спасает приبلудных лохов – убивает своих, галантно заявляет об уважении дамских границ и не прочь, при случае, взять свое... Он, вообще, кто?

Да и телесность эта его, героическая. Она ничего такого не предполагает. Глянешь со стороны – машина. Настроенная, прилаженная под определенный уклад. Живет он, вообще, так... Как чукча... Бегаёт, из лука стреляет, гребет. Ужас! Не тешит себя экзотикой время от времени. Профессионал!

Ловок поразительно. Даже в этой шаткой позе, на одном колене, размашисто орудуя недлинным, широким веслом – как-то, не объяснишь, устойчив. Не хочется выпускать его из внимания. Пропадает страх движений в шаткой лодке.

Вопросы, много вопросов... И к нему, и по поводу него. И, такие, назойливые очень. И причина есть... Когда болеешь, все кажется сложным, опасным и, естественно, архиважным... Если покорен хотя бы маленький кусочек тела – болит оно все. И голову, кипящую страхами, терпит с трудом... Через время просто снижает обороты – появляется озноб, неуверенность и тряскость в движениях. Будто ты старуха и устала. И хочется забиться в темный угол, чтобы не беспокоили, и поспать, наконец.

Но тут – лодка. Спрятаться невозможно. А напуганные мозги все не унимаются. Тогда он и приходит, болезненный бред. Будто спишь наяву. И это нехороший сон, тяжелый. Больше там про страхи и опасности. Потом таки засыпаешь незаметно, и просачиваешься в какой-то совсем уж кошмар. Подкидывает – и вот она рука. Ей мало распухнуть, она ноет. Ну, вдруг забудут про нее...

В такие моменты многое вспоминается в неожиданных ракурсах. Недаром древние считали боль, ранение, входом в иной мир. Измененным состоянием сознания. Довольно мощным, кстати, как из той же Махабхараты явствует. Кому-то надо для этого быть утыканным стрелами, как еж, а кому-то, вот, руку сломать...

«Ты видела меня иным...» Неизвестно, что имеет в виду небесное воинство, но были в истории такие ребята – берсерки. Очень блажные. И не дай бог их рассердить. Если не снесут голову – помрешь от страха. Говорят, люди очень меняются в припадке. Так, что привычные уже ко всему, уголовных наклонностей, дядьки, бегут, не помня себя, прятаться...

Так что, это, лучше не сердить...

Она нахохлилась. Застегнула ветровку до горла, поглубже засунула руки в рукава. Не жарко... Бывали погоды и поласковой.

Сар греб, улыбался, рассеянно смотрел по сторонам. Всю жизнь так делал, привык. Короткая борода торчком, по мешковине рубахи ездят соломенные косы. Великий предок, современник Кришны, персонаж из Махабхараты... На фоне суровых обстоятельств...

Предки, как явствовало из учебников истории, были людьми неприятными. Дикими, угрюмыми, не любившими гигиену, имевшими обыкновение воевать, интриговать и делать гадости. И этот, рано или поздно, начнет? Вот, блин! Вода, лодка, трава, деревья... Но пять тысяч лет тому назад!

Однако, хочешь-не хочешь, имеется такое понятие, как Арьяна Ваэдждо... Родина Заратуштры... Земля... Вокруг... Страна такая... Называемая одним из ее жителей Арианха Ваержда. Если убрать все свисты, шипение и оттенки «р» получится Арьяна Вежда. Прямо отчетливо помнилось, как он это произнес, там у озера... Значительно, с расстановкой. Ты, мол, теперь в Шамбале, соответствуй...

Арктида, значит... Страна магов... Населенная, по-видимому, такими же ангелами, как этот Сар... Несмотря на все ругательства официальной науки она была? Пять тысяч лет назад, здесь... В России... В Пермском крае... Веселенькое дело.

Не верю! Почему здесь-то? Ведь куда только эту самую родину индоевропейцев не помещали.

Хотя про Урал говорят разное. Много такого, что подтверждает. Да, жили здесь последние арьи, пережившие свою Мать, гигантский континент в районе полюса. Тысячи лет назад их земля замерзла и ушла под воду. Так говорилось и писалось мистиками. Знаменитая арктическая теория.

Отношение к этой теме, с легкой руки, собственно, последователей арктической теории, было сложное. Наци наворотили здесь изрядно. Но, вот, если проследить по историческому следу, в Индии, например – арьи были надменными ксенофобами, обладавшими некими высокими технологиями. И до добра они их, как правило, не доводили, потому были забыты от греха. «Бхарата погибла...», – он говорит. Что значит «погибла»? «То же ждет и нас...» Кого нас? Местных арьев?

Мысли скакали и путались. На вопросы ответов не было. Задай – гипербореец этот примется нести околесицу, вперемешку с матом. Конкретики никакой. Так что эмпирически. Со временем выяснится.

Каким временем? Господи, рука болит. А вдруг это гангрена?

Мелькала надежда, что ее все-таки морочат, и Сар этот – какой-нибудь гурудев, вроде дона Хуана, инопланетный наблюдатель, даже хрононавт. Хотя последнее – уже перебор. Масло масляное под масляным соусом...

А лес, астра и этот зверо-овощ? Приснились? Хорошо бы... Надо наблюдать. Сейчас, только умоюсь поудобнее. Она прилегла в лодке. Собралась клубком и исподтишка наблюдала за Саром. Надо делать вид, что спишь.

Урывками, сквозь пелену сна, она видела ту же картину. Деревья, блеск близкой воды, силуэт человека, неумоимо работающего веслом...

Как в колыбели. Бог знает, как укачиваемые младенцы понимают себя и взрослых. Эти великаны их морочат, пугают и, одновременно, интересуют?

Вечерний свет мягко рисовал детали. Стоя коленом на приступке, Сар все чаще отвлёкся от гребли. Два-три наклона и застыл, присматривается.

Он был очень величав. Возвышенно красив. Приглушенный свет «дает» облик с исчерпывающей откровенностью. Как точный виртуозный рисунок. Ни одно из выражений невозможно скрыть...

Очень странных на данный момент выражений... Ощущения в себе тревожной тайны.

Такими слегка настороженными, удивленными, люди выглядят, когда нечто новое и странное не дает им покоя и возможности жить обычно. Тени мыслей и чувств проносятся по лицу, как силуэты ветвей, сотней причудливых масок.

О чем такой вот человек может мечтать в летних сумерках? Даже представить невозможно. О покое, убежище, приятном приключении, ожидающем, как причалит? Может быть...

Он – молодой путешественник, одержимый всеми стремлениями тела. Нужна, в том числе, и женщина. Где взять? «Леса на много переходов» – как сам говорит... Но тайга, она – кузница удивительных альянсов. Из серии «нарочно не придумаешь». Матушка необходимость...

Но такой ангел... Это вроде неожиданного сексуального интереса какого-нибудь олигарха или суперстара. Понимаешь – человек сильный и, в конечном итоге, будет по его. Но мерзко внутри. Лезут в голову нескромные эпизоды из древних хроник.

Некогда пастухи, сходя с ума от похоти, влюблялись в коз. Именно так, влюблялись. Испытывали к ним нежность, украшали, стремились быть рядом. Неизвестно, что было у них в голове. Но факт присутствует – однажды животное освободило от проблемы. И это хорошо...

Все будет хорошо до поры... Но однажды парень разыщет в лесу какую-нибудь гиперборейку, тоже красивую и сверхчеловеческую. Застесняется, будет напряженно думать, куда меня деть. Из коз, например, в особо бурных случаях делали кебаб...

Мезальянс... Герой и его неприличная игрушка. Чем бы оно там ни было – предметом, животным или человеком...

Вот, что я за старуха? Ворчу все. По законам жанра должна гордиться... Такая Золушка...

Не, не Золушка – Баба Яга. Костяная рука... Больная старуха... И на голову тоже...

Случается порой с человеком нечто, крышу сдвигающее необратимо. Житейские откровения в большинстве. Где видно тебя со стороны.

Собственное ее отражение в зеркале никогда не вызывало нареканий. Ну не к чему придраться – все на месте. Да и люди к ней относились без скрытого отвращения. Но однажды... Однажды довелось посмотреть видео, снятое в какой-то разбитной, полупьяной компании. В ее двадцать с хвостиком, это было первое кино про себя. Как-то инстинктивно всегда избегала камер. Посмотрев – понялось почему.

Все даже примолкли к концу сюжета. Выразил общее мнение смешок оператора: «Ну, мать, камера тебя не любит!» С тех пор ее не обманывало отражение в зеркале, и людей она начала избегать. Но, в любом случае, знать правду – преимущество. Даже роскошь. Учишься с этим жить.

Ангел, вон, тоже, наверное, знает о себе какую-нибудь правду. Сверхчеловек все-таки...

Стоит сейчас перед ней зеленый ящер, а выглядит как бог гармонии Бальдр. Прекрасный лик, золотые косы, одежда эта, из мешковины, и та прекрасная...

Она нервно усмехнулась.

– Чего скалишься? – Сар рассматривал ее. Весло положил, встал с приступки во весь рост и немного подался назад.

Совсем стемнело. Видны были только силуэты.

– Да жизнь она вообще смешная штука.

– О да, просто обхохочешься... – он повысил голос, – держись, будем причаливать.

Лодка дернулась и въехала в кустарник.

Глам. Мета шестая

– О, это золотое дитя! – Црила задумчиво оглаживал бороду, – оракул говорит о нем странное...

С такими, как Црила, нелегко. Не от мира сего человек. Неспешный темп речи, бесконечные паузы, взор, устремленный мимо всех и вся... Выбесит даже смиренного... Но жрец был голосом в вежде непререкаемым. Дарителем пути...

Впрочем, на него невозможно сердиться. Доверчивый взгляд, нежная улыбка. Дитя и бог... Понятно, почему эти люди ярким солнечным пятном живут в памяти всю жизнь.

– Он – избранный, Глам, понимаешь. У него странная судьба. Но мальчик – тот, кто вернет вежде силу. Будь с ним осторожен, – обернулся, – Радко, подойди!

На шкуре, у толстой ножки стола играл малыш. Бледное, худое существо из тех, кто избирает путь жреца и в обществе себе подобных почти не нуждается. Представить его рослым плечистым парнем... Тут даже богатого воображения не хватит.

Црила протянул руки и закутал в объемных рукавах этого своего угрюмого нахотленного птенца. Тот прильнул доверчиво и выглядывал из мятой ткани.

– Это Глам, будешь жить в его доме.

Мальчик нахмурился, отстранился, посмотрел на Црилу.

– Почему ты отдаешь меня ему?

– Так надо, так было со всеми – и с ним, и со мной...

– Но он страшный! Я не хочу у него жить!

Црила улыбнулся, прижал к себе ребенка и поцеловал в висок.

– Не обижай его. Просто он сильный и решительный, как рысь. Помнишь, мы видели...

Так он и остался перед глазами этот светловолосый детеныш семи лет. И часто вспоминался именно таким в минуты гнева... Характер у него оказался не из легких. Настоящий маленький демон. Как говорится, воин божьей милостью. Не доводилось еще видеть столь яркого различия внешности и духа.

Но подобные прирастают к сердцу крепче всего.

Через много лет, когда он вернулся иным, приняв страшную чашу, так счел нужным ответить на вопрос: «Зачем?»:

– Я хотел быть как ты. Понять тебя, отец...

Рослый, плечистый муж, шесть локтей силы и злобы. С этой, своей, странной улыбкой гандхарва...

«Люблю тебя и всегда любил» – именно это говорил его взгляд. Смело и беззащитно, как открытая ладонь.

И в то утро он так смотрел, перед уходом... Не могу... Даже в мыслях причинить ему зло. Моя кровь... Моя гордость... Мое сердце...

Лина. Обстоятельство одиннадцатое

Из такой торпеды сразу выбраться на берег не получится. Сперва надо в воду прыгать. Что Сар и сделал. Вымочил одежду до пояса. Некоторое время возился с лодкой, к отмели вел. Потом возник рядом, дотронулся до плеча.

– Цепляйся!

Неспешно рассекая воду, двинулся к берегу. Каждое движение остро ощущалось. Было приятно вновь оказаться в его мире. Мягкое давление, шорох волос, дыхание, тепло... То самое электричество, которое возникает в тесной близости двоих.

И зависимость... Рождающаяся помимо воли... На каком-то глубинном, животном плане. Тяга к стае. Блаженное чувство защищенности среди теплых, мохнатых боков. Она, одиночка, лишена была этого. И тело, дорвавшись, свирепо отстаивало свое право, заставляя мучительно зависеть от людей, отношений, обстоятельств. Боялась она этого. Даже думать боялась...

Особый «финт ушами» – зависеть от такого... Это, вроде, ты – фанат рок-звезды.

Но тело... Оно пело свою песню.

Когда ангел был человеком, среди прочего, восхищал разум его движений. Он двигался с максимальным удобством для себя и других. Это, вот, знаете, слегка посторониться, чтоб пропустить. Даже еще не забыть приветственно поднять шляпу. Как в хорошо просчитанной сцене... У Сара это было без репетиций. Бывают такие люди, с телесным разумом. Их не надо ни о чем просить, с трудом двигать в нужную позу – сами понимают. Не подошел, ведь, со стороны больной руки, удобно подхватил под спину и колени, так что и держаться особо не надо... С детьми так обращаются, с младенцами совсем.

Темнота. Она все усугубляет и страхи, и остроту ума. Жизнь перетекает в плоскость запахов и звуков. Плеск воды, шорох ткани, пот, характерный металлический запах грязной одежды, тина, речная вода... Вся эта природная атмосфера содержала в себе, однако, странную примесь. Не острый, на грани сознания аромат пряностей в смеси с какой-то откровенной химией. Как измятый пластиковый стакан в траве... Сначала подумалось – разбав пролился. Но нет, в этиоднике казеин и льняное масло... Нефть? Ацетон? Лодка чем-то пропитана? Впрочем, едко могла пахнуть смола.

Этот контраст естественного и искусственного – как раз про творящееся. Страх неестественных обстоятельств, непрощенных эмоций...

Ежели телу твоему есть хозяева – это еще пол-беды. Хуже, если хозяева есть у души... Эта ангелова красота... Да нет, какое там красота, математическое совершенство! Когда меркнет и опыт, и здравый смысл. И только один есть вариант – идти вслед. Не раздумывая, не сомневаясь...

Как у фотографа, подвизавшегося, в том числе, и в области рекламной фотографии, у нее были сложные отношения с красавцами и красавицами. Для человека это – тяжелое бремя. Быстро учиться собой торговать. Мозги, в результате, расти перестают. Намертво застревают где-то в подростковом возрасте. Ну, потому что и так сойдет. Покупают же...

Но здесь... За этим надмирным ликом стояло нечто большее, чем приманка природы. Сила! Неведомая и разумная сила! Даже сложно ее себе представить...

Застыв в мокрых кустах, она оглаживала руку. Слава богу, хоть болит...

Сар давно уже растворился в листве. Занимался там чем-то своим. Из-за веток, в бархатный мрак ночного неба валил дым.

Нет, братцы, один должен быть у сердца человеческого хозяин – Бог. Беда, если не так...

Костер, разведенный Саром, меж тем, всю горел. Было приятно примоститься поблизости. Нашелся этюдник. Она положила его на какую-то кочку и уселась. Ни двигаться, ни смотреть, ни думать не хотелось. Рука болела и начала не на шутку распухать.

Закончив с огнем, Сар потянулся, с удовольствием хрустнул костями, и принялся за узел на поясе. Понять его можно. Низ рубахи и штаны были мокрые. Где ему еще раздеваться, как не в тепле у костра? Она отвернулась.

– Извини, знаю, что ты этого не любишь, но холодно.

Сар стоял спиной к огню и ему, можно поручиться, приятен был этот жар. Обернулся.

– Кстати почему? Когда одет, ты, значит, хороший, а когда голый – плохой. Так что ли?

– У нас нагота имеет подтекст. Когда ты раздеваешься перед человеком, ты, вроде бы, его помогаешь.

– Чудно. Тогда если следовать логике твоих слов, новорожденный помогает матери, а тот, кто купается – воды или, может, рыб?

– Ну, не надо передергивать. Ты знаешь, о чем я.

– Не знаю. Вы, что ли, в одежде купаетесь?

– Да. Есть для этого специальный костюм, очень скудный.

Сар усмехнулся.

– Даже в утробе кутались бы, если могли! Почему от мира надо прятаться? Он у вас грязен и жесток?

Она пожала плечами:

– Ну, просто, принято так... Прилично...

Сар с минуту молча смотрел на нее, потом сел на корточки и принялся ворошить хвост. Через время поднялся и канул в темноту. Вернулся с корягой, тяжелой, разлапистой, бросил у костра и принялся развешивать одежду. Приладив весь скарб, уселся на обрубок ствола. Странно было вот так пребывать поблизости от совершенно голого человека и вести с ним некую отвлеченную беседу. Никогда не пробовала, но забавно. Такие перипатетические рассуждения античных мудрецов. Сара его вид не смущал нисколько. Пришлось настроиться снисходительно и, по возможности, не прятать глаза. На ее памяти мужчины, рискующие себя, таким вот образом, показывать, всегда чего-то ждали от зрителя. Даже на нудистском пляже. Интересно, личные это его предпочтения или у них обычай такой?

– А вот скажи Сар, неужели тебя не возбуждает нагота?

– Почему она должна возбуждать? Или вы хотите любви оттого, что у вас пара ног и два глаза?

– Но такая открытость означает, что ты принимаешь от зрителей все. В том числе и похоть, к которой ты, к примеру, не готов.

– Я должен этого как-то бояться. И мыться в одежде, чтобы меня, упаси боги, кто-нибудь не захотел?

Она усмехнулась.

– Я кажусь тебе глупым?

– Нет. Просто я перепутала тебя с подружкой. Мужчине это, наверное, надо, чтоб хотели.

– Да, знаешь, не всегда. Но могу поручиться, ты не об этом хочешь спросить. Поражена, что близость у нас не начинается из такого же далека, как у вас. Когда просто снять одежду – это уже какой-то намек.

– И что, без разницы – голым быть или одетым?

– Ну, согласишься, одетым быть теплей.

Она поймала себя на гримаске недоумения. Мол, «нет мне дела, но странно».

– Ты прав, у нас постепенно обнажаться перед тем, кто тебе нравится это такая игра. Язык намеков. Думай что хочешь, но жизнь без этого бедней.

– Может ты и права, – Сар искоса посмотрел на нее и томно закатил глаза, передразнивая, – велика радость быть заложником собственной одежды и считать ее чем-то вроде руки или ноги. Потеряешь – вроде калекой стал.

Он рассмеялся.

– Разве непонятно чего я хочу, без разницы, голый или одетый. Я не убедительно это показал?

Он настойчиво ловил ее взгляд. Но выражение это постепенно сползло в жалостливую гримасу.

– Впрочем, вижу не до того тебе.

Это он, наверное, заметил, наконец, что сидят в обнимку с больной рукой. Если ее гладить и время от времени менять положение – меньше ныла.

– Подожди!

Сар порывлся в торбе, протянул ей давешнюю пеструю, пахучую ткань и принялся одеваться. Как и любой воин, был предусмотрителен, и переменной платья в дорогу не пренебрег.

Покрывало при ближайшем рассмотрении, оказалось причудливо вытканым, пестрело многоцветным узором. Но скорее всего – это был плащ. Потому что – завязки, два недлинных шнурка посредине, чтоб на шее держалось.

В сарову сторону она избегала глядеть. Расхожий вариант эротической игры – когда раздеваются, медленно, со вкусом. Но бывает, вдохновляет и другой – когда надевают платье, прилаживая, поправляя его на себе...

Земляки саровы белья носить не имели обыкновения. Понятно – одежда летняя, ее часто меняли. Новый наряд был из той же мешковины, что и прежний. Этакая дерюга в рубчик, невероятно застиранная. До состояния очень ветхой, мягкой тряпки. К телу прилегала, как вторая кожа, сразу попадая во все его складки и выпуклости. Едва надел – кажется уже неделю не снимал. Но не объяснишь – красиво... Такой же эффект имеют хорошие, дорогие джинсы. Подчеркивают то, что надо подчеркнуть...

Сар был стройным, сильным человеком, гармонично сложенным и длинноногим. Однако внешность его производила странное впечатление. Даже в неясном свете пламени замечалось, сколь разнятся формы головы и тела. Красивое, породистое лицо кость предполагало тонкую и легкую, как у птицы. Но тело из темы выпадало – крупное, грубоватое, что-то больше про овчарок или лошадей. Этаким юный кнехт из крестьянских парней. К голове от одного человека, то есть, пришито тело другого... Так бывает?

Оставалось только в подробностях, этот его, ароматический плащ изучать.

– И зачем ты мне его дал?

– Чтобы подержала и, знаешь, еще понюхала. Не можешь ведь не чувствовать запах.

– Да, пахнет крепко. Модный парфюм?

Сар усмехнулся:

– Травяной сбор, чтоб голос его слышать.

– Чей голос?

– Покрова.

– А ты считаешь, что нам есть о чем поговорить? – плохая идея ерничать над дорогими шаманскому сердцу идеями. Но искус велик.

Сар досадливо покосился.

– Слова чади, да хоть из собственного твоего короба вещей, могут жизнь спасти, увести от боли и страха. Слышала, поди, Нагу?

Она вздрогнула и примолкла. Чертов этот псих, то ли следит за ней, то ли мысли читает. С минуту они смотрели друг на друга. Сар нахмурился.

– Все, хватит языки чесать!

Взял плащ, и, отойдя немного, растянул на руках.

– Смотри...

И она увидела...

Горел костер. Сар поднимал растянутый на руках плащ, и весь его рисунок, невероятно сложный и пестрый, раскрылся, подобно картине. Отсвет пламени падал на шероховатую ткань и четко высвечивал широкий круг в центре. Мир поплыл перед глазами. Осознавала она себя уже не человеком, а узором, жила внутри него. Центром и сутью был рисунок в круге, простой и невероятно сложный. Едва не вся вселенная была внутри него, и, в то же время, это была всего лишь свастика, шестилучевая, с острыми углами рогов. Она медленно вращалась, сопровождаясь тонкими радужными всполохами. И все это происходило в томительно тягучем, замедленном ритме, будто пластинку поставили на малые обороты, и она басит, тянет слова. Так бывает еще, когда мы, задумавшись, глядим в одну точку, не в силах справиться с пронзительной ясностью момента. В такую минуту ни о чем не думается, просто нет возможности оторвать взгляд. От чего? Да понимать бы еще. Бывало с ней такое... Пропущенные станции, обиженные знакомые, отдаленные ноги... Пару секунд, ну от силы минуту, длится эта странность.

Сейчас состояние было прозрачным коробом, в котором сидишь, не двигаешься, не мыслишь и даже, кажется, дышишь через раз. Но отчетливо осознаешь, что вокруг творится.

Там, за блестящей гранью, все воспринималось фрагментами. И первым из впечатлений был Сар, который сидел перед ней на той самой коряге, почему-то обвязанный плащом. Он завязал его вместо пояса, отчего в талии сделался толст, и смотрелось это странно, даже жестоко. Совершенно непонятно зачем так поступать с произведениями искусства. Их надо вывешивать на площадях, говорить речи и еще, наверное, применять вместо флагов.

Было очень забавно наблюдать свои пальцы. Они топорщились под его руками, и очень это напоминало игру с кошачьими лапами, когда нажимаешь на подушечки, и выходят когти. Правда, коты это редко терпят спокойно. Пока она размышляла, не мяукнуть ли, потому что под суть момента как раз подходило, начало твориться странное. Сар этот чертов принялся ее щекотать. Ну, так, наверное, можно назвать действие, когда человек нависнув, быстро, едва уловимо, бьет по разным местам на теле. Два удара в шею, два пониже в ключицы, потом под ребра. У него жесткие пальцы. Но это не больно, а скорее щекотно и смешно. Он издевается просто. Причем стащил с нее куртку, даже свитер и белье, оставив по пояс голой. Она помотала головой и уже не удержалась, начала хохотать. Потому что вспомнила, как случилось однажды попробовать веселящий газ...

Странно, что видела она все творившееся будто глазами двух человек. Одна ее часть хохотала и отмахивалась, другая стояла поодаль и наблюдала. Сар оскалился, ругнулся, судя по интонации. Представьте, можно ругаться даже на праязыке, и, зайдя за спину, то есть ей же самой, стиснул основание шеи. Стало твориться странное. Раздвоение прекратилось. Она сидела теперь выпрямившись, как палка, и безропотно позволяла ему до себя дотрагиваться. Невозможно двигаться, шевелились одни глаза.

То, что он делал, было родом массажа, когда человек то одним, то несколькими пальцами, довольно болезненно надавливает на разные точки тела, выбирая их по одному ему ведомым признакам. На груди, животе, спине, руках. Закончив, он опять продемонстрировал достопамятный целительский жест очищения, и сильно ударил ее в лоб костяшкой пальца.

Она шатнулась и обмякла. Через мгновение, придя в себя, сгребла в охапку одежду и прикрылась. Сидела, сжавшись, на земле, ее трясло, язык не слушался.

– Не, не делай этого больше!

Сар стоял над ней и печально глядел сверху вниз.

– Ты предпочла бы адскую боль, когда вправляют такой вывих?

Она опустила глаза, дрожь начала отпускать.

– Ты вертишь мной как предметом. Зачем ты меня раздел?

– Надо было прицелиться, на тебе слишком много всего.

По ходу натягивания одежды, не без удивления понялось, что рука не болит, только ноет слегка, тело перестало быть деревянным от усталости, да и на душе прояснилось. Не объяснишь, спокойно стало. Она с минуту изучала растопыренные пальцы, потом суеверно покосилась на Сара. Тот присел и ворошил угли в костре.

– Ты целитель?

– Я – воин. Забирая жизни, надо уметь лечить и еще, знаешь, много заниматься любовью. С минуту она молчала, потом сказала горячо:

– Спасибо!

Было здорово, что он избавил ее от весьма чувствительной проблемы.

– Не стоит, скорее ты извини. Не предполагал, что бывают столь хрупкие тела. Пришлось лечить тебя, как дитя.

– А взрослых лечат как-то по-другому?

– Да, их не избавляют от боли.

– Что, прям так, без наркоза?

– В разумных пределах. Боль спрямляет судьбу. Не надо отбирать у человека такую возможность.

Да, вот это было различие. И с ее миром, и с ее ценностями. Очень яркий момент осознания, что да, красавец, ни умом, ни силой не обижен, но нелюдь... Ангел... Из мира, где к боли и смерти относятся иначе. Как эти, с летающих тарелок, со своими вивисекциями. Тоже, наверное, заботятся о судьбе...

– У тебя красивая грудь.

Она вздрогнула. Сар задумчиво водил прутом по земле, неподалеку от углей.

– Только непонятно, зачем ты носишь эту короткую тесную одежду.

– Ну, для того чтобы форму сохранить.

Сар покосился.

– Но для этого надо совсем другое.

– И что же?

– Любить.

– О да, это – универсальный рецепт от всех проблем.

Усмехнулся в пушистый ус, отбросил ветку, поднялся.

– Спать тебе пора, видишь, вон, хворост – укладывайся!

На куче веток лежал плащ. И вот забраться в его душистые складки было благом. Спать хотелось после всех волнений.

Поворочавшись и угнездившись, она ощутила тепло у бока. Сар присел рядом, укрыл едва не с головой, провел рукой по темени.

– Лучше так. Покров – это не совсем одеяло. И бессонница, знаешь ли, не худшее от чего он спасает.

Последние слова слышались смутно, сквозь сон.

Сар. Мета шестая

Это сладкое слиянье тел... Сколько себя помню, всегда его желал. Ребенком – в тепло и силу больших рук. Зрелым – во весь этот бешенный, звонкий рай...

Природа воина дает близости безумную остроту. Будто несет в потоке громоподобной музыки.

Это полная противоположность привычного бытия, пространство откровений, где особенно чутко слышишь мелодию той, в кого проникаешь. Странную песню про совершенно чуждый мир...

Такова участь любого из саров... Рождены для такого пути. И вечно странствуют в причудливом переплетении природы женской и мужской, жреческой и воинской.

Путь в чужой мир тяжек. Попробуй весь день проходить на руках. Но волхвами становятся только обретая пару. Это смягчает сердце, позволяет узнать порывы и стремления слабых, тех, кому не дано огня и злобы. «Волхв» – значит мудрый волк. Именно зверями из леса кажутся воины тем, кто влечет повозку жизни. Мудрец во главе волчьей стаи дает сторонам возможность сосуществовать. Он вместе со жрецами держит свод, и это тяжелая доля.

Той, что идет рядом, тоже нелегко. Ей надо пробудить в себе мужа. Обрести твердость в стремлении, закрыть уши от чуждых голосов. Она так же тонет и путается в своей двойной природе.

Подобных мужчину и женщину судьба сводит. Часто единственный раз в жизни.

Эри была равной. И небеса лишь знают, почему так стало. Почему нашла его там, в лесу. Почему подарила то, что не сотрется в памяти, кем бы потом не родился... Рыжая Эри. Его солнце и удача...

Впрочем, такие, как она, долго не живут. Слишком уж свободны. И природе сие не по нутру. Жены левой длани... Чем их меньше, тем лучше...

Воруя ее у смерти, еще и еще раз, ощущал себя праведным. Праведным по-людски. Ведь разум телу перечит, понимает жену левой длани великим даром, сокровищем. И дела ему нет до того, кем ее считает внутренний зверь.

Но однажды бой со смертью был проигран. Один промах на охоте... И конец. Судорожные попытки удержать, найти в полях Мары... Потом хотел уйти вслед...

Сейчас вспоминается светлое. Как гимн, песнь богам, из тех, что поют нагими... Ты и небо. И ничто не разделяет вас...

Позабыл тогда обо всем. Как встретил... Первая страсть, хмель в голове. Бывает так – будто у вышних. Вся радость мира – твоя! Твоя прекраснейшая из женщин!

Прекраснейшая... Воительница, сари, равная по силе, которой суждено открыть дверь в будущее... Страшное будущее...

Там чело увенчает венец вождя. А перед тем покатится по траве седая голова моего отца...

Венец вождя прирастает намертво. И может быть снят лишь с головой, в смертельном поединке старого и молодого...

Хвала богам, отвело... Говорю так и себя страшусь. Хорошо, что погибла? Хорошо, что оказался слаб для судьбы волхва? Я, которого не раз называли избранным?

Думайте, что хотите. Но умру скорее, чем дам упасть хоть волосу с башки моего старика!

Много боли ему принес. Предал... Невозможно забыть, как глянул он напоследок. Это даже не боль, это горькое смирение перед человеческой слабостью. Когда видишь ее там, где не ждешь.

Поймешь ли ты меня, отец? Ведь ты добр и мудр. И не вполне уже человек. И тоже любил...

Не суди. Прими вторую мою попытку понять и принять себя. Еще одна рука легла в мою. Узкая, бледная ладонь тайны. Дверь в будущее открыла жрица, вещая жена с повязкой на глазах. Ни о силе, ни о сути своей не ведающая. Такая же, как я?

Любовь и жалость к тебе убила Эри. Любовь и жалость к тебе убьют и ее? Или мне все же придется вызвать тебя на бой? Сказать, хоть не хочу того: «Я пришел тебя убить!»

Лина. Обстоятельство двенадцатое

Утро встретило пасмурным светом. Костер еле тлел. Поворочавшись и поняв, что лежит на груди сучьев, она сжалась в ком, туго подтянув колени к животу. Рука нащупывала сползшие складки. Где он там запутался этот покров?

Вчерашнее вспомнилось. Навалилось и стало грызть. Сна как не бывало. От покрыва шел приятный запах. Очень, таким, занимательным делом было лежать и принюхиваться, ловя какие-то незнакомые, порой странные, ноты – то откровенная петрушка, то изысканнейший, сложный аромат дорогого парфюма.

Сара не видно... Вот, черт и дьявол! Теперь он занимал в мыслях какое-то краеугольное место! Понимаете, архаический головорез он.. Целитель и отец родной... Замес прям из комикса. Рука вон даже не болит, забылось, что есть... В прошлой жизни, помнится, менее всего заботило чье-то отсутствием по утру...

Гнездо потихоньку отпустило, хоть и пыталось поначалу цеплять какими-то колючками и сучками. Ощущалась, как обычно с утра, блаженная устойчивость мозгов. Та самая критическая масса здравого смысла, которая позволяет с приятностью начать новый день. Без нытья этого всего: «А зачем я вообще выбралась из постели?» Обстоятельства, однако, к вопросам подобным располагали. Как бы так притвориться на весь день спящей, а лучше мертвой? Временами снова накатывало, что все приснилось. Но всплески со временем становились короче, превратившись, в итоге, в такое чирканье спички: «А, может...». «Нет, не может и не будет...». Предстояло привыкать.

Продрав глаза, в первую очередь надлежало заняться покрывом. Выпутать из сучьев, сложить почтительно – стоил того. Тепло в нем, сразу сон приходит. И, вообще, штука такая волшебная, если вспомнить.

Однако, на фоне всех благ отдохнувшего организма, пробирал стыд. Теоретически, если спит один, у костра должен бодрствовать другой. А Сар, знаете ли, галантно не будил ее всю ночь. Значит, умываться должен особенно усердно, чтобы о прошедшем бдении позабыть. Свинья она, все-таки...

С таким настроением брелось среди мокрых кустов, к тому же было невдомек, зачем ей, пожилой даме на третьем десятке лет, ходить за подобным мужчиной хвостом. Но найти надо было, а вдруг что случилось... И вообще...

Впрочем, вранье все. От начала и до конца. Увидеть его хотелось невыносимо, страшно было, что пропал. Вот найдется, тогда жизнь может продолжаться. И страх, и любопытство, и еще черт знает что, сводящее с ума. Примерно так же подрастающий ребенок лезет в родительскую постель, опасаясь задавать себе вопросы, и еще раз поддавшись безотчетному навязчивому желанию. Это был зуд, когда мозги чешутся изнутри. Представляло интерес любое событие, предмет или явление, абсолютно все, что его касалось. Походило это и на приступ невроза. Когда человек совершая некое действие, понимает, что выглядит странно, но не в силах остановиться.

Вниз к реке вела еле заметная тропа. Скорее всего, место это люди нечасто, но посещали. Там внизу – лодка и выход к воде. Ну, куда еще можно пойти прогонять сон?

Была мысль, что занесет опять в разгар всех этих его упражнений, мешаться и под ногами путаться. Но, нет. Обнаружился Сар у реки, в буреломе.

На берегу живописно и драматически валялось несколько стволов корнями наружу. Немало здесь было такого богатырского вала. Что обрело дерева на быструю и безвременную смерть – неизвестно. Самым здравым представлялось, что остановиться их с Саром угораздило в таком коридоре бурь, где, бывает, катятся смерчи, выламывая с корнем вековые стволы. Правда, припомнив «огненное колесо», понималось, что это лишь один из вариантов...

Сарова голова пятном выделялась в корявой массе сучьев. И надо было с миром человека оставить. Должно быть, медитирует. Но здравый смысл, даже в компании с деликатностью, на этот раз не победил. Получилось несколько шагов в его сторону. Хотелось и дальше, но она, все же, остановилась. Место было хорошее – гигантское разлатое корневище на полгоризонта, спрычешься, даже если ты – мамонт.

Через время пришлось о своем шаге пожалеть. Слишком уж хорошо Сар был виден. На сгорбленной спине блестели капли, мокрые волосы собрались клубком рыжеватых змей. Должно быть, недавно вылез из реки и не предполагает, что сделался объектом внимания. Скручен, как пружина, напряжен. И судорога эта, непонятных быстрых и мелких движений, смотрится на таком теле страшновато, даже отвратительно.

Впрочем, по некотором внимательном наблюдении, можно было догадаться, чем он занят. И женское ее эго испытало неприятный укол. Субстанция сия, как известно, полагает себя незаменимой, и, уж точно, не ловкостью рук.

Ну, что остается в таком случае? Она усмехнулась и решила не мешать. Впрочем, на фоне обычной реакции присутствовало нечто странное. Дурнота от неизвестно откуда взявшегося страха. Так бывает, когда видишь какое-то очень нестандартное поведение значимого человека, и с ужасом отмечаешь: «Он совсем спятил...» Это такой вот северный бог, занят подобным...

Уйти помешало, то, что Сар резко обернулся. Лицо его ничего, ровным счетом, не выражало. Этаким остывший блин. Рот приоткрыт, взгляд, что называется, цепкий. Когда быстро скользят по тебе глазами, человек смотрит без участия, прикидывает варианты. Там больше инстинкта, чем сознания. Потом взгляд остановился, и она поймала себя на паническом желании припустить со всех ног. В голове опять звенело. И теперь было слишком хорошо известно, что это значит. Но не получилось сделать ни шага. Покорно подошла и села на бревно.

Уже знакомая реальность стеклянного короба навалилась со всей мощью. Она сидела очень прямо, сложив руки на коленях, и видела себя и Сара как бы со стороны.

Серая одежда многое отбирала у его образа, привнося ненужные холодные ноты. А на самом деле он был золотым, бело-желтым, сделанным и окрашенным в точном соответствии с местностью, где жил. Когда загар напоминает кору сосен, волосы – выжженную солнцем траву, а глаза – голубоватое северное небо. Вблизи, в неярком дневном свете, его лицо казалось обыкновенной бледной физиономией европейца, с россыпями веснушек, неровным цветом кожи. Но было в его образе что-то волшебное, сверх реальности. Человек этот, казалось, излучал свет, воспринимался с тем восторгом, с каким глядят обычно на симпатичных кровных родственников, сильных и удачливых, с яркой, благополучной судьбой...

Она улыбалась и могла бесконечно, вот так, его разглядывать. Любая черта имела какое-то краеугольное значение. Как открытие, неожиданное откровение.

Кончилось все быстро. Заныла голова, стало холодно. Она сжалась в комок и отодвинулась. Пережидая приступ боли, терла плечи, будто сильно замерзла. По спине бежали мурашки.

Сар сгорбился, оперся рукой о ствол и часто дышал. Потом мотнул головой, выпрямился.
– Нет, не могу так!

Она насторожилась.

– Как?

– Выполнишь любую мою прихоть, умею к тому склонить.

Вот такой. В чистом виде гуманист. Глядите на него и восхищайтесь...

В телесности Сара было много от дикого животного. Та же непринужденная собранная пластика, та же зависимость от мира эмоций, стремительно и неуловимо меняющих позу и выражение. В данный момент он стыдился. Щеки и нос пересекала широкая красная полоса. Ногу согнул и поставил так, чтоб служила какой-никакой преградой.

– Ну и что устала? Хочешь сказать, что сама этого не делаешь?

Она усмехнулась. Вид у парня был взъерошенный. Брови низко нависли над глазами. Можно было даже представить его старым, когда эти золотые дуги станут серебряными и прикроют глаза наподобие зонтиков.

Поразительное все-таки существо! Вот, что хочешь думай, а все время выходит – приبلудный ангел, не волне еще понявший что свалился на землю... Сумасшедший какой-то и характер, и вид. Верх от орла, низ от лошади. Такой, кто его знает, грифон... Иная форма жизни... И, вот, если присмотреться, там под косой, есть шрам и заметный. Да запросто им, ангелам, голову поменять...

– Что ты там высматриваешь? – Сар удивленно хлопал белесыми ресницами, неосознанно, должно быть, потирая шею.

– Шрам...

Усмехнулся, мотнул головой, зябко потер плечи.

– Ладно, оставайся с миром, – поднялся и канул в близкие кусты.

Сар. Мета седьмая

Но вот кто двоедушник – это Сиги. Химера! Перед львиный, зад лошадиный. Да еще и еще змей вместо хвоста.

Сколько помнился – ощущался образцом. Так следовало себя вести сайбу гальда. И до такой меры, что суть его хотелось звать именно по-армански, а не видьей, как у нас.

Невысокий, благообразный, с прямыми светлыми волосами, с этим застывшим древесным ликом, какой бывает обычно у арманов. Собственной персоной совершенство. Ни одного лишнего слова, ни одного лишнего жеста. Будто играет роль. И даже не трудно понять чью. Мурти из храма. Господь Сиги... Всемогуший...

Этот человек действительно мог покончить с собой, ежели бы не осилил намеченного. Но к счастью, пока получалось. И вот быть подле него – какой-то вечный вынос нутра. Вроде наблюдаешь самоуверенного слепца между обрывами... Демонам ведомо, куда его понесет.

Да, Сиги... Смешной человек... И архат. Храбрый и безжалостный... И к себе, и ко всему живому...

У арманов нет блеска в глазах. Эти деревья вообще редко отвлекаются от своего пупа. Дьявольским огнем глаза Сиги вспыхивали только в одном случае – когда ему мешали. Даже чтоб спасти. И кому-нибудь, рано или поздно, не достанет ума и сердца отступить. Убьет не задумываясь. Не пожалеет и не раскается... Нежить просто... Из домовых янтр...

Кто им управляет? Станный вопрос. Он достаточно умен, чтобы чувствовать нити силы. И достаточно силен, чтобы их оборвать. Не способен он только на одно, увидеть край пестрого, горящего радужными красками покрова. Блеск его одинаково сводит с ума и ребенка, и жреца...

Так бывает, когда нет сил вспомнить ту, первую боль. Чтоб забыть все, отодвинуть, с жаром обещаешь себе: «Так больше не будет!» И это первый шаг к судьбе богов. Что ж, попал в эту сеть и Сиги... И жаль его до смерти, дурня... За этим ли нужна человеческая жизнь?

Рождаются в срединном мире за тем, чтобы зная слабости ближних, принимать их. И любить, и сочувствовать. Но всегда идти своей дорогой...

Прощальный его взгляд сложно было понять двояко. Слишком уж явно отражалось там все, что он ощущал. Страх, стыд, боль... Их мысли шли одним потоком. Оба страшились творящегося. И оба были не в силах привести это в мир. Только Сиги не помнил себя, был в ужасе. Почти на грани смерти...

Он верил Гламу. И уж кто-кто, а эта машина первой ринется рубить всех несогласных. А он, вот, так странно взглянул и отступил на шаг, закрыв рот ладонью...

Боги знают, жив ли он еще. Смог ли простить себе слабость. Мелькала безумная надежда увидеть его тогда на пороге, вместо Торда...

Но видно, грохот божественных сфер делает глухим навечно.

Лина. Обстоятельство тринадцатое

Когда она вернулась к костру, Сар был уже там. Всегда умел напустить на себя такой вид, будто ничего не произошло. Жизнь, мол, продолжается. И, в общем, было даже здорово, что и на этот раз погодят с упреками, вопросами и тяжелыми разговорами.

Однако, кусок в горло не лез. Сар тоже держал паузу и до еды не дотрагивался. Разглядывал. Взгляд физически ощущался, прямо давил. Пришлось ответить. Осторожно. Покоситься слегка.

Парень сидел по-турецки, выпрямив спину, как йог в позе лотос, и величественно взирал с высоты. Не приглядываясь, можно было ожидать продолжения сюжета – глубокомысленных высказываний в восточном духе и нотаций расстроенного гуру.

Но присмотрись внимательней – все не так. Удивительное выражение лица. Взгляд влюбленного человека. Когда глаза горят, черты разглаживаются до детской припухлой безмятежности, по губам бродит улыбка. В таком состоянии никогда не смотрят в глаза, внимание беспорядочно скользит по телу, не в силах остановиться.

С трудом получился глоток.

– И чего ты так устался?

– Хочу тебя, просто с ума схожу. Утром, знаешь, особенно тяжело приходится.

Она некоторое время изучала узор на салфетке, наморщив лоб.

– Так в чем же дело? – будничным звуком собственного голоса поразил. А что, собственно, ожидают? В лоб вопрос, в лоб ответ.

– Ты меня не хочешь.

– Это ты так для себя решил?

– Видно.

Сар помахал рукой над макушкой.

– Прямо все и сразу? Как на ладони?

– Такого не скроешь. Ты боишься меня, но не хочешь терять. Тогда тебе в этом лесу конец.

– В точку. Сугубо инструмент выживания. Ничего личного.

Подобные разговоры бесят всегда. Ну что сделаешь – он у себя пророк, смотрит в корень и хочет правды. Для нее это была просто горечь, от всего, что видела и ощущала здесь. Усталость какая-то...

Играя салфеткой, оглаживая и очищая от крошек бахрому, она продолжила:

– Теперь тебе известен ход моих мыслей. Пойму, если захочешь ругаться, кидаться тапками и даже уйти в одиночку.

Воцарилось молчание. Прекрасный саров лик был настолько выразителен, что мгновенно увлекал своим настроением. Сейчас это была улыбка интеллигентного человека, обложенного по матери. Беспомощная...

– Кидаться чем?

Не дождавшись ответа, продолжил:

– Вот, скажи, что сделать, чтобы сразу, с порога, не считаться врагом?

Надо было объяснять. Возможно спокойным голосом.

– Понимаешь, Сар, в моем мире такие, как ты берут все, что захотят не спрашивая. Понимают живое расходным материалом.

Она примолкла, подбирая слова.

– Взгляни на себя моими глазами. Верзила ростом под потолок, в разы сильней, и не только физически. Может подчинять и знает нечто такое, что не знаю я. К тому же кра-

сив... – само собой получилось развести руки картинным жестом «извини, но...», – падать на колени и шептать «Алилуйя!» не буду.

Сар рассмеялся. Залихватски махнул рукой:

– Вот, люблю вас за это, б*дей! Этаким стальной клинок внутри!

Встретаться с ним глазами не хотелось. Но Сар продолжил тихим, ласковым голосом, в котором было волшебство, в человеческих голосах звучащее лишь в сильном порыве чувства:

– Мой мир – другой. Если такой, как я, говорит: «Жизнь за тебя отдам!» – это так.

Ну что можно ответить? «Подобные тебе и в моем мире любят поговорить». Благо – промолчать.

Волшебный голос меж тем продолжал:

– Ты – редкость, являющаяся раз в тысячу лет. Знаешь, поди, что люди и обстоятельства тебя берегут. И я один из того сомна. Но только...

Сар умолк. Пришлось взглянуть. Взгляд влюбленного опять имел место быть. И парень, видно, этой игрой увлекся.

– Только я хочу, чтоб заметили, не обошли равнодушно, как должное. Слишком многого хочу?

Улыбка родилась сама собой, кривоватая и неуверенная, и жест – дотянуться и руку погладить. Сидели они напротив, по разные стороны скатерти.

– Сар, милый, ты слишком заметен. Того и боюсь. Иначе давно бы уже вертелась вслед тебе как подсолнух. Но подумай, что меня ждет. Такая парочка как мы – просто курам на смех.

Еще одно примирительное поглаживание. Но кисть Сар одернул и изменился в лице. Побледнел и посерьезнел.

– Значит, удача еще со мной?

– Какая удача?

– Нежданная перемена в тебе. Где бы, и как, она не случилась!

– Чего?

– Да ничего! Попробуй ум людской выключить и сердцем жить!

О, господи! Шумный выдох получился произвольно. Циника в таких обстоятельствах лучше, конечно, не включать. Но достал!

– Современницы тебя не вдохновляют? Редко встречаются и какие-то страшные?

Сар вскинул брови, улыбнулся краем рта:

– Нет, красивые. Как ты.

Примолк, задумчиво упер длинный палец в щеку:

– Но их тоже пугает все это.

Стало его жаль. Видно там, у них, красавцев тоже понимали престижными вещами, и, заполучив, с удивлением отмечали, что божественного нрава за божественным ликом не наблюдается. Все как у людей – комплексы, тяжелая история, поиски тепла...

Сар понурил голову, долго молчал, потом выпрямился и сделал странный жест. Впился всей пятерней в щеку. Страшное у него лицо сделалось. Изменилось до неузнаваемости. Прямо рысий оскал. Блеск в глазах, клыки под встопорщенными усами.

– Боги свидетели – одно движение и морок спадет. Уродом буду. Счастливым уродом...

– Эй, эй! Ты что! Опомнись! Не смей!

Она сделала движение перехватить руку. Но не дотянулась. Сар резко отстранился. Засмеялся. Сделался прежним.

– Не бойся. Шучу. Обречен быть таким. Я – сар. Должен внушать восхищение.

– Ну, успокоил. Но, вот, это «сар» – звучит как титул.

– Да, ты права, это – статус, состояние духа.

– И кто же так зовется?

– Воин с сильным жреческим зерном.

Да, она читала о таком. Земледельческая община на заре человеческой истории понимала воинский мир, как хищный. Это были чужаки, договориться и взаимодействовать с которыми помогали не только жрецы, но и те, кого называли волхвы «мудрые волки» – полувоины-полупастыри. В молодости они были, видимо, такими как этот ангел. Не слишком-то счастливыми людьми. Две противоположных природы воевали, и заставляли совершать по жизни лихие виражи. Примеров, если поискать, много. Те же Вишвамित्रа и Парашурама.

– Ну что ж, приятное знакомство. Зовут тебя, верно, как-то иначе?

– Зови Сар.

– Как скажешь.

И впрямь, некоторые подробности лучше не знать. Но гипотезу хотелось проверить. Очень. Язык чесался.

– И что такие как ты по жизни делают? Сар – это навсегда?

– Нет, потом, в зрелые лета, величают волхвом.

– Насколько зрелые?

– С первой сединой.

– А...

Гипотеза подтверждалась. Понятно, мирить стада человеческие помогает не только жреческая природа, но и опыт.

– И много у вас таких?

– Избранные. Это высокий статус.

– Твой гуру – волхв?

– Да. И великий, какой не каждую сотню лет родится.

Сар грустно улыбался. Разглядывал. Не настойчиво, впрочем, родительски тепло. Так ласкают взглядом любопытствующего ребенка. Она осеклась, но слова вылетели сами по себе, без разрешения.

– А, вот, с чего вы берете, что он какой-то великий? Ведь он, с твоей точки зрения, не прав.

– Он – человек, и может ошибаться. Но в подавляющем большинстве случаев видит мир яснее и ярче многих. И, в отличие от меня, способен в себе разобраться...

– Ты в чем-то запутался?

– Да. Не ведаю себе имени.

Белые ресницы легли на щеки, вокруг глаз образовалась сеть морщин. Сар даже вроде постарел. Лет сорок ему сейчас было, не меньше. Захотелось даже приблизиться, чтоб перемену эту разглядеть. Что там сдвинулось-то?

Поймав, наконец, его взгляд, спросила робко:

– Как это?

– А вот так, – Сар стал прежним, беспечным двадцатилетним раздолбаем, – имя – это путь. И либо ты сам его выбираешь, и получаешь за свой выбор все, что предусмотрено... Либо...

– Что либо?

– Тебе только кажется, что идешь.

– А на самом деле?

– Ты, вроде как – нежить. Своей судьбы нет. Решили все за тебя уже, и силой твоей пользуются.

Сар примолк, потом добавил тихо:

– Подозреваю, что я такой...

– И кто же он, этот твой хозяин?

Махнул рукой.

– Долго объяснять, да и не поймешь.

– А ты попробуй! Глам?

– Да если бы!

Сар остановился в своем намерении прибрать еду в котомку. Замер.

– Сам я его создал, хозяина. Этими вот руками... Разобраться бы... Взглянуть со стороны...

Опять застыл. Схватился за голову, потом, ведя ладонью по лицу, робко покосился. Будто догадался о чем-то. И сразу, вполоборота, надел другую маску. Пьеро превратился в арлекина. Оскалился, неумовимо быстрым движением сцапал руку и притянул к себе. Внимательно, с минуту, разглядывал. И, в итоге, спросил почти шепотом:

– Окажешь милость?

– Да какую?

Вел он себя опять как придурок. До того, что рядом с ним пробирал страх. И отпустил бы уже! Рука, вон, посинела!

– Позволишь крюк сделать? Место нам одно надо навестить. То, где понять все можно.

– Что за место?

Отпустил. Отпрянул:

– Увидишь. Там не опасно. Никто не станет искать.

– Да, пожалуйста. Разве я могу тебе указывать, что делать?

– Ты надеешься на меня, зависишь, за жизнь свою боишься.

Кому, вообще, приходило в голову учитывать подобное? Но у них, видно, принято.

– Ладно. Надо – поедem. Нас этот, мой бог, спасет.

– Не шути так. Но за согласие благодарю.

Сар просиял. Сделался совершенно похож на ангела. Вскочил и ее за собой увлек.

И опять в тонкую ткань взглядов, намеков, манипуляций вторглось то, к чему готова она не была. Его мир, его запах, его близость... Жутко... Появился порыв отстраниться Но он запальчиво оглаживал по волосам, потерянно улыбался, колол щеку усами.

– Маленькая моя. Не ведаешь, что мне дала.

Ну, разошелся! Но каков вблизи... С ума сойти! Как это все устроено... Ангельское хозяйство... Вроде, как у нас... Но разрез глаз, но линия впалой щеки, но очерк губ, полускрытых усами... Восторг! Прекрасно! Даже не верится, что живое...

Само получилось провести по его щеке, и, впервые, не отстраниться со смехом, а приблизиться, разглядеть...

Руку Сар поймал и вдруг резко отпихнул. Едва на ногах удержалась.

– Не ласкай, иначе возьму силой. Видишь ведь, влечет, так что едва себя помню.

Он часто дышал, сутулился и сжимал кулаки.

– И не понимаю, что это – дар богов или адская машина. Не слышу!

Он оскалился, растопырил пальцы и тряс руками, как это делают в крайнем отчаянии, в судороге бессилья. Потом закрыл лицо руками и стоял так с минуту. Она отошла на всякий случай подальше.

Боги, машины... Ну да... Однако, надо собираться...

Сар. Мета восьмая

Когда болит душа – не стоит молчать. Надо выть, выть громко и всласть, вместе с ним, глубоко сидящим в нас зверем.

Долгий, скрипучий звук, уносящийся в небо... Он оставляет пустоту. Блаженную пустоту небытия...

Тяжело умирать молодым. Но такова судьба воина. Он не задумываясь отнимает жизни, и он же – первая жертва. Его учат относиться к этому смиренно. Такова его тема в мистерии жизни.

Эта великая оглушительная песнь гасит многое... Голоса тех, кем воин не стал или перестал быть – высоколобого жреца, не узнавшего суть жизни, жизнерадостного земледельца, не продолжившего свой род, задумчивого слуги, желающего просто существовать... И ребенка, мальчика Радко, которому еще рано уходить...

Песня и струны – лучшее занятие в такой момент. Звук вьется как лента. Как бесконечный рассказ и бесконечный стон. В нем приходит знание. Разное можно услышать. И прекрасное, великое как звезды, и страшное. Столь страшное, что застываешь в смертельном ужасе, позабыв обо всем...

Неподалеку от крома, там, где заросли особенно густы, а плети ветвей спутаны в войлок, живет чудовище. Адская янтра – создание людских рук. Она давно спит. Уже века. Что она такое? Да, наверное, искупление. Казнь за древний грех, гордыню предков, не сумевших сохранить равновесие, утративших самое дорогое – праматерь землю. Века назад ушла она под воду, века назад сковала людом поверхность над собой. Оставила лишь малую часть – пологие низкие горы... Хвост одной из своих рип.

И вот, чтобы не утратить связь, чтобы не выпустить из рук это ускользающее благо, твоились такие янтры. Они позволяли своду сохранить себя. Жить так, как заповедано предками. Только стоило это дорого. Утраченное равновесие требовало человеческих жизней. Приняв жертвы, машины заснули. Огромной вышла мера слез и мук. Едва не стоила жизни арийскому миру...

Да, можно вновь привести их к действию и продлить Арк на века. Но придется выбирать – кому жить, кому умереть.

Порой янтры грезят во сне, сулят сладкое: «Я верну им разум, твоему отцу и братьям, дам им силу быть людьми. Но ты заплатишь. Отдашь за это все... Все, что имеешь...»

Древняя машина страшилась забвенья, и была голодна... Но ее слова – надежда, безумная надежда. Все, кого он любит, будут жить! Их косы и одежды вновь наполнятся ароматом ветра, тем несравненным запахом небес, что рождает улыбку и восторженное: «Ты принес с собой радость!»

Давно пропал этот запах... Стал забываться... Нижние миры смрадны, но проникают в нутро не сразу, не заметно. Сперва это еле слышная вонь, когда допускается мысль, что некто на порядок ниже, не достоин жизни. Потом события катятся валом, и человек просто не замечает, что уже сгнил наполовину в расчетах выжить за чужой счет. А спустя время человеческая личина падает, и открывается смрадная пасть, в которую валяются жизни, судьбы, силы. Все потребное живому труп, чтобы выжить среди людей.

Вот так! Это адская игра Глама. И запаха этого действия не ощущает никто. Идут за ним. С горящими глазами, с безумными лицами... В пропасть.

Дать им взглянуть на себя со стороны? Глазами человека? Можно разве что-нибудь пожалеть для этого?

Звук вьется как лента. Плавно струится в наползающей тьме... Вечерами особенно тяжело думать о смерти. И нет спасения от этого голоса: «Зачем? Зачем тебе это?» Да, и правда, зачем?

Лина. Обстоятельство четырнадцатое

И снова была лодка, высокие деревья, проплывающие над головой, голубые узорные тени от них, выющиеся в волнах травы... Песнь жизни. Звук ее мелкие людские метанья отрицает. Настроись и невдомек – зачем это – изводить себя в очередном порыве познания и преодоления...

Ведь кругом все прекрасно. Можно просто быть...

Сар опять шаманил. Там были ритуальные действия, стремительные сложнообъяснимые порывы. В общем, вся эта этнография, милая сердцу ученых. Что-то они находят для себя в первобытных страстях. Когда просто так жить нельзя. Надо природу все время уговаривать. Чтоб живым оставили, не дали с голоду помереть, позволили себя продолжить. Говорить надо, объяснять мамке-земле. Почему ты, почему достоин, почему сейчас...

Животным, стихиям, предметам тоже надо объяснять. Даже, вот, собственным ножам и плащам... Почтительно, по правилам. Веками существующим правилам. И не дай бог там что-нибудь перепутать.

Нечто подобное наблюдается в любом сумасшедшем доме. Там тебе и двойники, и бабаи под кроватью, и неодушевленные братья по разуму... Все есть. История выживания в жестоких джунглях родной планеты. Таких, вот, зеленых, как вокруг, или каменных. Без разницы...

Только в психушке это – аномалия, у человечества же первозданного – способ жизни. И там все вполне работает. Спасает и хранит. Дает выжить. Голым в лесу, с луком и стрелами... Магическое мышление...

Вон, посмотреть на красавца – выражение лица как у медиума, узревшего духа. Это когда «в пуп себе смотрят». Все торчащее и круглящееся на лице, будто вглубь уходит, даже, кажется, глаза и нос ввалились. Для полноты впечатления совершенно необходимо бормотать что-нибудь на эльфийском языке. Тогда успех у почтеннейшей публики обеспечен...

Но этому все равно. Профессионал. Там высокий градус и несомненная степень в магических науках. Думается, не ниже докторской. И нечеловеческий бурятский рев, и безумный взгляд, и дерганья эти на приступке. До того, что даже страшно за человека...

Ну его ко всем чертям! Не смотреть! Даже не пытаться!

Благо – это природа... Только она. Благорастворение воздушных... Река совершенно прозрачная, не широкая, весело несущаяся по камням и гибким водным травам. Кругом первобытный лес. Замшелый... Плеч и лица касаются плети разросшихся кустов. Ветви образуют крышу. Этакий желоб из зелени, искрящийся, пахучий... Таких красивых мест не доводилось видеть. Европа первозданная, утопающая в листве... Сплошной ковер, в котором даже не сразу увидишь ленту реки.

Все это успокаивало, умиротворяло, возвращало мысли к вещам спокойным и объяснимым.

Что вот, мол – лодка. Хорошая, крепкая, несмотря на странности формы. Плышет. И плывет в места, по слухам и оценкам местных жителей, безопасные. Ничего плохого там не будет...

Правда, только по мнению местных жителей. Таких вот, как этот безумец в двух шагах. Для которого не понятно, что зло, а что благо.

Господи, откуда же он такой выпал? Версия первая – с небес. Ну, ангел же... Версия вторая – есть целый народ таких, как он. Земля. Государство. Вполне себе процветающее. И там все режут в лодках по-бурятски, сильно меняются в лице, ежели случится воевать, и умеют спокойно, за считанные минуты, починять сломанные конечности. Мама дорогая...

Проблема заключалась в том, что с публикой этой вскоре доведется встретиться – помогать, вот говорят, будут, может любопытствовать или случайно попадутся.

А ей и этого-то одного с верхом...

Она покосилась на Сара. Тот пребывал, в более или менее, вменяемом виде. Греб, оглядываясь по сторонам. Очень хотелось от него людские звуки услышать.

– Далеко это место, куда плывем?

Сар что-то пристально рассматривал в кустах. Уронил не отвлекаясь:

– Двое суток по реке.

– Уй, елки!

– Не переживай, – Сар повернул голову и усмехнулся, – до сумерек доберемся. У лодки хорошая мощность.

Вот о чем он опять? Пришлось привлечь внимание. Физиономию ангелову прицельно и настойчиво с минуту созерцать. Бывают такие взгляды – немые вопросы. Хотя возможный ответ уже заранее раздражал. По-людски ведь объяснять не будут.

Бывают взгляды – немые ответы. Когда собеседнику непонятно зачем надо спрашивать о разных глупостях, но он все же нисходит.

– Неужто у вас нет янтр, сжимающих время?

– Представь, нет, – она опустила глаза к черным лодочным бортам и провела рукой по шероховатому дну. Потом посмотрела на Сара. Тот не придурился. Ему действительно важно было знать, не набрали ли ее современники на идею подобных устройств.

Янтрами, насколько она помнила, назывались, в том числе, и машины. И вообще любые геометрические формы, без разницы двух или трехмерные. Их не только рисовали и ваяли как обереги, но и вполне прицельно использовали как механизмы. Тонкие механизмы, в которых не очень понятно, где кончается материя и начинается энергия. Вроде компьютерных потрохов самых последних поколений. Виманы свои арьи, если вспомнить тематическую шаштру, называли янтрами. Ну и эта, под ногами – тоже янтра...

Сар пристально, с некоторой досадой взирал с высоты. Необходимость объяснять элементарные вещи его, должно быть, не радовала. Пришлось сделать паузу для разрядки напряжения. Но вопрос просился, и вопрос был больной! Посему получился не особо к месту и запальчиво:

– Но вот скажи, Сар! В твоём мире нет обычных вещей? Когда плащ – это просто плащ, а лодка – это лодка?

– А смысл их делать обычные? Чтобы хорониться от жизни в этом мусоре?

– Ну, ты строг! Бывают обычные, но полезные.

Сар примолк. Лицо застыло, губы под усами несколько вытянулись вперед. Такое выражение складывается, когда есть сомнение в психическом здоровье собеседника. Потом, наверное, придумал, что надо говорить в таких случаях, и начал осторожно:

– Ну, вот смотри, я – воин. От некоторых вещей, вообще, завишу. И чтобы таскать их на себе, надо их ценить. Уважать. Это союзники должны быть, чадь. Не просто вес.

– Логично.

– Ну и другие, положим, не воины, тоже так думают. И время на то, что завтра не жалко выбросить не тратят.

– Вы – философы... Респект. Не все до такого доходят...

Она задумалась.

– А вот если выхода нет? И вынужден пользоваться какими-то простыми вещами, которые завтра без сожаленья выкинешь?

– Выход есть, – Сар галантно оскалился. Для полноты образа не хватало, пожалуй, монокля в глазу.

Да, выход есть. Для них всегда есть. Да и для нас. И многие это понимают. На уровне мозгов. Но тело так не живет. Эпоха другая...

Ну а лодка – машина времени? Это, как говорить, сам бог велел... Мифы всех времен и народов уделяли этому нехитрому плавсредству значение краеугольное. Этакое, даже глобальное, много более значимое, чем полагалось по идее. Считались лодки предметами сакраль-

ными. Со значением не очень хорошим. Это был символ смерти. В них хоронили, путешествовали в царство мертвых. Почему-то именно на лодках...

Может эти предки-ангелы клали туда вовсе не мертвецов? И путешествие было подвигом? Или покойника отправляли в грядущее, чтобы оживили, а может – в прошлое, где он был жив? Вопросы...

– И что, прям, может сжимать время?

– Отменно. В другую бы не посадил.

Сар был официально серьезен. Как на дипломатическом приеме. Ему надо было, чтоб верили.

– Почетный транспорт для аватаров, значит?

Предположения никто не опроверг. Рука скользила по черному просмоленному борту... Да ладно, развели как лоха!

– Но вот, скажи! Почему я ничего не ощущаю?!

Сар маску официального величия не снял.

– А и не должна. У лодки добрый нрав, она молода и сильна. Иначе бы ты погибла, – ухмыльнулся краем рта, – бывает, даже вши дохнут...

Нет, он не шутил и не издевался. Он спокойно взирал с высоты и старался быть убедительным.

– Молода?

Сар кивнул.

– Примерно твоего возраста. Бывают древние. Раз на трехвековой ходил.

Ну ладно, хорошо, поговорим о чудесах. Из абсурда тоже ведь можно почерпнуть информацию.

– И норов у них разный?

– Очень. Считай, как у нас.

Ну да. Почему нет? Вспомнить хотя бы индийских дальнобойщиков. Магическое мышление...

– Да... У меня приятель так к своей машине относится. Называет Люба и она ему, вроде как, подруга.

– А ты бы не так относилась?

– Что за вопрос? Есть живые существа, есть предметы. Их не надо путать.

– Но и не надо разделять, – на лице Сара мелькнуло любопытство. В глаза он, как часто делал, не смотрел. Внимательно изучал нечто за ушами и над макушкой. Потом добавил таинственно.

– Мир един. Грань между живым и неживым очень тонка, и от нас, людей часто скрыта. Скоро поймешь...

Намек не понравился. Даже больше того, напряг. Заставил тоскливо сжаться сердце. С таких проповедей страшные вещи порой начинаются. А что она знает об этом человеке? Благо пожать плечами и промолчать.

И если уж разговаривать в дальнейшем – то на темы нейтральные или жалостливые. Чтоб эмоции... Умиление... Жертву это порой спасает. Ведь как-то не удобно уже убить того, с кем трепался по душам.

– А вот скажи, мил человек, как это волшебное плавсредство устроено?

– А духу-то хватить, осилить?

– Да куда мне? Если только в общих чертах.

– Не получится. Невозможно объяснить. Уметь надо. Тогда представишь. Мне, чтоб заговорить с ней, два года понадобилось.

– Ух! Тогда зря разговор затеяла.

– Не зря. Удивился бы – не спросила. Таким как ты многое дано – и крепкая голова, и дар медиума, но...

– Что но?

– Ты можешь потратить едва не всю жизнь на то, что без труда дается в детстве.

– Поняла. Надо здесь родиться.

– Не только. Для управления янтрами нужен дар. А есть ли он у тебя не видно.

– А это можно как-то увидеть?

– Можно. У тебя поле – как лохматая голова. И сможешь ли ты скрутить мост, чтоб подсоединить вот к этому, – Сар хлопнул по лодочному борту, – боги одни ведают. Собирать мосты в детстве учат.

Блин! Вот посмотреть на него – эксперт магических наук. Разбирается во всех тонкостях и механизмах... Хорошо бы – просто брехун. Ну, развлекается человек, чтоб дорогу скоротать. Но нет, не брехун... К сожалению...

Вода бурлила под днищем. Сар глядел в сторону, по его лицу скользил зеленый узор теней. День вступал в силу. На открытых участках заметно припекало. Мысли в голове ползли лениво. Без особой последовательности нанизываясь одна на другую.

Везут вот... Куда? Да спрашивай-не спрашивай – толком ничего не ответят. Так что на чужую волю надо полагаться. Доверять безоглядно, верить в лучшее... У принцесс всех времен и народов хорошо получалось. Женский менталитет он, вообще, такое подразумевает. Недалекий ум и легкий характер для грядущих колен полезителен. Без этого они могут даже не получиться...

На ней в этом плане отдохнули. Не умела доверять. И исторически не сложилось, и опыта не было. Вернее был... Когда сажают тебя на коня и везут невесть куда, совсем не факт, что привезут в замок... Чаше на рабский рынок.

Сар разглядывал ее некоторое время, склонив голову набок. Так родитель прикидывает как расшевелить взгрустнувшего ребенка. Лицо делается как сдобная булка. Глаза – изюмины, губы дудкой. Далее следует два варианта действий: первый – сюсюканье, второй – отчаянный движ, чтоб отвлечь. Сар выбрал второй. Ну, громобой же... Зарычал, резко подался вперед и шелкнул зубами. Громко, по-собачьи.

Эффекта достиг. Шарахнуться получилось непроизвольно. Дурак какой-то! Рассмеялся.

– Ты бы себя видела!

– Забавник, черт тебя дери.

– Да не кисни! Скоро дойдем, и место понравится. Ручаюсь.

– А что за место?

– Дом артх.

Вот вам, пожалуйста... «Артха», сколько помнилось, было довольно сложным понятием – умением делать, как умением быть. Технологией в высоком градусе, на грани с искусством. Подразумевалось, что учась или делая нечто, человек автоматически приобретает ментальность состояния, понимает его суть изнутри. Вот так сложно. Не просто тебе на работу за зарплатой ходить... Впрочем, у них было время. Осваивали они там, в статусе царей и жрецов, свои шестьдесят четыре искусства. Не спеша, вдумчиво, с расстановкой... А тем временем армии рабов добывали все необходимое.

– Это вы там искусствами занимаетесь?

– Не только.

– А чем еще?

– Долго рассказывать, сама увидишь.

– Это, прям, такой дом? Заходи и твори.

– Усадьба. В ней много разных служб.

– Ну, если целую усадьбу отгрохали, искусства – ваше все? Так что ли?

Она огляделась. Лес этот вокруг, сросшийся в войлок, в котором только с мачете прорубаться, какую-либо сложную культуру отрицал. Начисто...

– Не все. Но часть. Важная. Дома такие при каждом кроме есть.

– Кром – это что? Крепость?

– Обитель.

– Монастырь?

Сар мотнул головой.

– Нет. Воинская община. Живут там люди обоих полов.

– А женщины что там делают?

Он удивился.

– То же что и все.

– Такие воительницы?

Кивнул.

– Попадаются выдающиеся воины.

– Сложно себе представить, не женский это какой-то род занятий.

– Да, им приходится трудно, но это их путь.

Ого! Вот это интересно! Вопросы один за другим толкались и отчаянно просились наружу.

– И, значит, вся община ходит в этот дом артх заниматься искусствами?

Ну, чему тут удивляться? Воины всех времен и народов это любили. Считалось достойным досугом.

– Не вся, а кто склонен.

– А вот помимо искусств, ты говорил, что еще там делают? Прости зануду, хочется быть готовой.

– Тебе все выложи, – Сар невесело усмехнулся, – предназначенье этого дома чести воину не делает... – склонил голову и умолк, явственно сомневаясь, стоит ли продолжать. Но решил.

– Порой нас одолевает слабость. Не знаем куда идти, что с собой делать. Дом позволяет быть немощным. Лить слезы, сомневаться, мыслить движениями и предметами, как дитя...

– Вот как? Чего же тут стыдиться?

– Это не стыд. Это – тайна. И про нее не все должны знать.

– Вас не принимают в минуты слабости? Смотреться бравым рубакой и только так?

Сар взглянул искоса. У него было выражение лица взрослого, который раздумывает как объяснить ребенку, почему жизнь не сказка.

– Понимаешь, от образа человека часто зависит спокойствие общины. Тот, кто взялся вести, должен быть сильным. Беда, если увидят его сомнения.

Ну да. У них все просто. Показал, что болен – нападут. Как у хищников.

– Значит, дом артх – тайное место?

– Да. Туда не водят чужаков.

– Но я то?

– Ты – особый случай. Дом артх тебе поможет.

– В чем же?

– Найти себя. Свое имя.

– А ты полагаешь я – неведение? И мне могут пригодиться там, у себя, ваши имена и смыслы?

– Ты спишь. Неважно здесь или там. И не знаешь, что такое бодрствовать.

– И разбудить меня ты все-таки хочешь?

– Тогда я проснусь сам. Пойму, что со мной. Мы делаем крюк для этого. Ты согласилась, помнится.

– Да...

Она согласилась... Полуденная истома закрывала, топила в солнечном меду всю тревожную двусмысленность этого разговора. Духи предков, порой настроенные совсем не мирно, входят только по приглашению. Когда перед ними открывают двери... Соглашаются и сами открывают...

Что ее ждет? Можно предположить... Иногда хочется быть тупой. Идти, куда ведут, и не мучится сомнениями.

– Мы встретим кого-нибудь в усадьбе?

Этот вопрос вывел Сара из задумчивости. Он встряхнул головой и сильно потер лицо, будто хотел проснуться.

– Не должны.

– Но ты же говоришь – туда весь этот ваш кром ходит.

Сар косился на нее с минуту, будто впервые видит. Потом окончательно выпал из задумчивости, махнул рукой.

– А... Нет! Лето – пора странствий. Зимой только там людно бывает.

– Снега заставляют вас грустить?

– Мы так устроены. Зимой жизнь замирает, как бы спит. Есть время размышлять о себе.

– У вас такой обычай?

– Нет, наши тела создал подобный порядок вещей.

Ну, черт! А может все-таки пришельцы? На их родной планете так? Хотя нет. Все укладывается в арктическую теорию. Его предков, таких вот, ангелоподобных, создали холод и полугодовая тьма. Говорят, они даже в спячку впадать умели.

И Сар – их сын или внук? Живет по их законам? Реликт... Хотя, вот, что конкретно он имел в виду, говоря про тела, мудрено понять.

Справа за деревьями возникло светлое пятно. Разрослось и обнаружило фактуру. Медовые блики свежего гонта. Деревянной черепицы, аккуратной, фигурно вырезанной, как на маковках северных церквей.

Дом! Деревянный, с высокой острой крышей! Приехали... По спине побежали мурашки

– Ну, вот и дошли.

Так быстро! Сердце бешено заколотилось. К горлу подступила тошнота. Сейчас все выяснится, тайное станет явным...

Сар поменял позу, встал во весь рост. Стремительно и изящно, как умел, и опять не удалось отследить, как он оказался на пристани. Будто по воздуху перелетел. Какой-то телепорт!

Но движение было. Сильное и стремительное. Инерцию, вон, дало не шуточную. Лодка билась об оплетенные соломой столбы ограждения. Приходилось беречься, цепляясь за борта.

Протянутая рука. Крючковатые острые пальцы растопырены. О нет! Память тела мгновенно сработала. Она отшатнулась и спрятала руки между колен. Ни за что!

– Я сама.

– Не блажи, свалишься!

Потом невыносимо сдавило горло, потемнело в глазах. Обстановка прояснилась, только когда воздуха стало хватать. Она закашлялась, держась за горло. Но, к удивлению, уже стояла на пристани, согнувшись и пошатываясь. Сар плотно сгреб одежду на спине, держал на всякий случай. Ощущалась его хватка. Так, наверное, врагов с седла стаскивают. Решительно и безжалостно. Как ее с этой лодки, за шкирку.

А что с него взять? Ископаемое. Хорошо хоть не сломал ничего. Она дернулась, повела плечами.

– Да отпусти! Говорю, сама бы выбралась.

– Угу...

Обстановка, меж тем, была интересная. Пристань. Конструкции незамысловатой – несколько толстых бревен основания и широкие доски поверх. Далеко в воду уходит. Видно, временами причаливают лодки покрупней.

Путь к берегу оформлен не без изыска. На толстых сероватых досках – насечка. Точнее резьба. Сложная, богатая. Коловраты цепочкой к самой траве. То ли обереги, то ли для того, чтобы сырое дерево не скользило. И запах... Чужого жилья, чужой жизни...

Так вот и начнешь сочувствовать детям. Их все тянут, торопят. А они в шоке от всего навалившегося, что надо понять и рассмотреть. Подавлены и очарованы. С распахнутыми глазами, с низменным пальцем во рту...

– Эй! Шевелись уже!

Сар успел обвеситься и торбой, и этюдником. Стоял у входа на пристань. Минута – и исчез за развесистым кустом. Тропа вела вглубь леса, виляя между деревьями и крупными камнями.

Сар. Мета девятая

Прийти он должен скоро. Зван и придет. Рыжий этот зверь. Не прост, не сложен – обыкновенный. Без всяких там жреческих сиддх.

Каким-то образом ухитрился он подарить то, чего не дождешься от всех этих высококолых мудрецов. Простоту и искренность чувства. Себя, без стеснения и остатка. Ничего не боясь и не требуя взамен...

Не было учительской аскезой, как у Глама, не было ящерским вообще непонятно чем, как у Варты. Просто хотел быть рядом. Карма. Какая-то древняя и неведомая.

Боги знают, из чего она возникает, дружба. Это чудо из чудес, и хорошо, если хотя бы один такой дар есть в твоей жизни. Неоценим... Понять дает, сколь иная это вселенная – другой.

Для Хади почти неразличимы звуки. Будто глхнешь, когда попадаешь к нему внутрь. Зато немисливо тонкими яркими оттенками загорается все сущее. Это даже больно – так видеть. Так остро ощущать прикосновения. Будто содрали кожу. Чувствуются тысячи толчков и шероховатостей, какой-то таинственный внутренний стук и скрип, искры, пробегающие по миллионам каналов...

Страх и восторг, как в детстве! И не поймешь, как можно так жить, видеть мир таким странным, с невозможной, непредставимой точки.

Хади рождал образы. Думал образами. Они обступали его, как живые. Порой неразличимо – тонкое это или плотное, столь объемно и полновесно все. Будто живые люди, звери, боги, во всей тонкости и сложности своего бытия. Словно на людях всегда, и не спрятаться, даже во сне. Всюду лики, движения, тени. Устаешь. Страстно хочется одиночества и пустоты.

И совсем уж мука, ежели пожелают они остаться, воплотиться в дереве и красках. Выматывают придирами, яростным, нетерпимым желанием попасть именно в ту форму, которую жаждут. Хади смиренно все сносил. Часами, кропотливо, пядь за пядью, тесал толстые неподатливые стволы. Как точит камень вода. С нечеловеческим упорством. Мог месяцами, да что там, годами, добиваться нужного звучания. Можно не жалеть и не уважать этого человека?!

Выходило из-под его резца и кисти странное, порой поражающее красотой и ладом, порой отталкивающее, даже пугающее. Рыжий этот чудак не делал различий. Нечто иное ему надо было от собственных творений. Не только любоваться. Не только осознавать мудрость и силу своих рук. Он получал от рожденного знание. Они, эти образы, начинали жить своей жизнью и говорить с ним. Также говорит музыка, поглощая и захватывая в свой поток.

Арийский воин Хади и эта пришелица. Они были похожи. Те же цвета, те же характерные перетекания силы в ауре. До такой степени, что иногда казалось, что в ее нутро можно войти, увидеть мир ее глазами, как это получалось с Хади. Но нет – все время преграда. Страх, отчуждения, какой-то скрытой боли.

Она тоже рождала образы. Занятия Хади были ей понятны. Ни разу не открыла своего короба. Но лежали там пигменты и кисти. Она приросла к ним тысячами светлых нитей, как Хади к своим резцам.

Очень глубоко, потаенной, живет в ней сила... Сила памяти... Боги лишь знают, зло она или благо. Целительная мощь пещеры, тысяча приветствий от подобных ей, помогут, откроют истину, унесут страхи... Может быть... И я привел ее не туда, куда должен...

И многого не сделал из того, что ждали от меня... Просто... Перед битвой я предпочел многотысячному войску одного странного парня, в теле которого пришел на землю сам Бог...

Как великий воин из Бхараты... Он победил... И я прав!

Лина. Обстоятельство пятнадцатое

Тропинка петляла и вывела, в итоге, не к дому. Нежданно открылась поляна. Круглая проплешина в лесу, в кольце вековых елей. Вид у деревьев – самый что ни на есть, былинный. Тут и размеры, и свисающие мхи, и угрюмая темная хвоя.

То, что этот почетный караул охранял, вид имело сомнительный. Этакая лохматая бородавка посреди поляны. Точно в центре. От елей примерно в полете стрелы.

Ум воспринял эту метаморфозу саркастически. Даже хохотнуть захотелось. Приехали, то есть...

Выпуклость размеры имела, впрочем, не миниатюрные. Со среднюю дачную беседку. Напоминала нору хобита. Дверь там, в траве, имелась. Не простая... Темная, резная, воцеленная.

И вот не объяснишь, вид у этого странного жила был угрюмый. Казенный какой-то. Всплыло и воцарилось в голове слово «Блиндаж».

Прям музей военного времени. Этакий ад под стеклом. Можно рассматривать, слушать краем уха цифры и факты. Но ежели представишь, как там людям на самом деле было – плохо делается.

Есть какое-то электрическое напряжение в этой временной архитектуре. Укреплениях разных, землянках, блиндажах. Они впитывают страх и тоску тех, кто их строил. Здесь была та же история, к тому же в разы усиленная темным жутковатым ельником. Кто его знает – вход в подземное царство!

Лес стоял поверх очень старых, полуразрушенных гор. Под корнями было множество пустот. Время, вода, смена температур делали свое дело. Ходить по такой местности стоило с оглядкой – запросто провалишься. Порой эти пещеры уходили вглубь на десятки метров. Может «блиндаж» – вход в такую?

Сарова спина с котомкой и этюдником застила часть вида. Место было странное. Хотелось за спину кому-нибудь. Местному и сильному. А лучше, чтоб за ручку взял...

Непонятно зачем они шли к этой адской двери, но Сар шагнул уверенно и легко. Взгляд непроизвольно залипал на его котомке. Все-таки вещь... Даже в такой ситуации отвлекает. Нечто из байкерского обихода. Тут тебе и кожа, и клепки, и крупная строчка. Суровая красота! Клепки набиты беспорядочно, будто пьяный делал. Но, мгновение – и ловилась какая-то закономерность. Была все-таки. Но столь необычная, что сразу не схватишь. Узор-не узор... Похоже не созвездия.

Дверь росла из-за саровой спины и оказалась немаленькой такой штукой. Почти круглой. Но был это, все-таки, свод. Портал... Сам вход, кстати, слегка приоткрытый, предполагал поклон. Такому как Сар, не пригнувшись не войти.

Зато остальное...

Само впечатление от двери – как сказка... Резьба богатышная – звери, коловраты, цветы, запутанные, слитые в сложный орнамент. С расстояния – угрюмая клякса, вблизи – таинственный мрачный шедевр. Заботливо крытый морилкой, промасленный до блеска... Глаз тонет в этой сложности и темной глубине. Смотрится все новым. О погоде напоминают, разве что, сероватые потеки внизу. Перед входом – каменный круг, вроде порог. Трава местами пробивается...

Тут даже бояться забудешь.

Сар спустил вещи на землю, и скрестив руки на груди, некоторое время наблюдал ее зрительский шок, порывы все рассмотреть, потрогать, даже засунуть нос в приоткрытую дверь.

Наконец, дождался вопроса.

– И куда ты меня привел?

Выдержав театрально долгую паузу, отвечал:

– Это место, где твой мир может понять мой.

Спору нет, во фразу человек вложил. Сказано изящно, с выражением... Но в суть момента не попало. Совсем.

– Чего?

– Ничего! Заходи!

Она попятилась.

– Ну, нет!

– Почему?

– Я не знаю что там.

– Ничего страшного. И увидеть ты это должна, ежели короб, вон, таскаешь.

Сар кивнул на этюдник. Но ноги, они свою работу делали. Знали видно что-то. Шаг, еще шаг, и еще один, маленький, прочь от двери.

Сар душераздирающе вздохнул. Не спеша подошел, вскинул на плечо и направился в двери. Вот урод же!

– Отпусти! На землю, говорю, поставь!

Бесполезно. Удары и пинки он, возможно, воспринимал как массаж. Куда с таким махаться?

Потом стало темно. Небольшое круглое помещение. Всполохи света. В стенных нишах – слабые подслеповатые огоньки. Свечи? Масляные лампы? Не видно. Ракурс, черт, необычный... Но все стены в резьбе. Комната – замкнутый круговой рельеф, панорама. Только маленькая, где вместо батальных холстов – скульптура. В глубоких впадинах, выступах, в стремительных линейных ритмах играют тревожные блики. Огоньки волнуются, давая резьбе жизнь. Рассмотреть бы!

Наверное, даже на электрическом стуле буду стены разглядывать...

Она слабо стукнула по саровой спине. От отчаяния. Тот спускался. Осторожно ступал по винтовой лестнице. Неровные каменные ступени. Откуда-то сверху льется голубоватый свет. Совсем слепой. То ли видишь, то ли нет. Как в кошмарном сне...

Но, наконец, ощутилось пространство. Большое. Зал, наверное. Воздух, легкие сквозняки. Гулкая тишина. В мертвом свете лестницы видна последняя ступень – широкая площадка.

– Приехали.

Сар хлопнул ее по заду и поставил на пол. Мгновение тишины и зазвучал рык, звериный, в точности собачий. Из него родилась, обрела объем и сложность длинная ритмичная фраза, утонувшая в эхе.

И вспыхнул свет! Белый, сильный, слепящий. Невозможно терпеть, не прижмурившись. Прикрыть глаза руками! Но там, в темноте рук, просочилось и парализовало до боли знакомое ощущение. Звук! Отчетливый звук неоновых ламп. Нудный и механически бездушный. Даже на мгновение представился эпизод, отнимаются руки от лица и – бац! – заводское помещение! Квест! Игра!

Она осторожно раздвинула пальцы. Длинный широкий зал, уходящий в перспективу, со множеством колонн, похожих на сталактиты. И цвет! Безумный, сказочный, разнообразный, от которого странно и больно глазам. Всюду царит!

Завод был бы щадящим вариантом... Да гудит. Но к черту гуденье!

На стенах, даже на потолке – множество изображений. Столь живых и натуралистичных, что захватывает дух. Глаза! Они смотрели отовсюду! Портреты людей. Прекрасные лица и тела. В большинстве – обнаженная натура. Много красивых женщин, в своем таинственном иллюзорном бытии. Стоящих, лежащих, собирающих перед зеркалом волосы, глядящих искоса из-за плеча, смеющихся и просто, во всей красоте, предстоящих...

Она вертела головой, пятилась и, наконец, уперлась спиной в одну из колонн. Еле могла стоять. Навалилась, взяла в плен, перевернула такая невероятная сила чувства, что хотелось закричать и закрыть лицо руками. Она помотала головой и взглянула на Сара.

Тот, скрестив руки на груди, смотрел куда-то в потолок. Там, наверху, на параллельной плоскости жила своей таинственной жизнью женщина. Темноглазая и темноволосая, со светлой фарфоровой кожей, едва прикрытая тонкой тканью. Она повернулась так, словно кто-то ее окликнул. Куда спешила, почти нагая, накидывая на плечо полупрозрачный покров? Сильная, длинноногая, с телом античной богини, с милым большеглазым лицом. Вот сейчас откроет рот и скажет: «Ну что опять?»

– Анахита. Один из братьев был одержим... Никого не напоминает?

– А должна?

Сар растянул один из углов рта. Как принято изображать улыбку в разговорах с безнадежно тупыми людьми. Взгляд был колкий, даже злой.

– Что в зеркале видишь – вспомни!

Он улыбнулся шире, прищурил глаза и некоторое время рассматривал ее, склонив голову набок

– Увидел бы тебя – рехнулся. Образы порой притягивают то, что нарисовано.

При внимательном рассмотрении, сходство проявилось. Да они похожи. Сложение, цвет волос и кожи. Но образ был дивный, изображенная – божественная красавица. Лыстила, конечно, подобная параллель. Но и пугала. Это до какой же степени розовые очки на нем?

Фигура на фреске, была, надо сказать, значительная. Анахита – арийская богиня женственности. И любви, и плодородия, и мудрости... Комплимент несколько пошловат. Наподобие сравнения с Венерой...

– И что, можно нарочно так сделать, чтобы притянуло?

– Можно. У него получилось.

– Ну не очень, знаешь. Звал львицу, пришла кошка...

Сар усмехнулся и быстро пошел прочь, к лесу пестрящих красками столбов.

Разговор этот быстро забылся. Поймет любой художник – пещера была зрелищем запретным, в сравнении с которым забывалось и рассматривалось как пустяки абсолютно все. Это даже не профессиональный интерес был. Это как в сказку попасть. Краски, формы, до того порой объемные, что, казалось, вываливаются из стены. Лица, тела, улыбки, исполненные прелести и величия. Вперемешку с каким-то, что ли, орнаментом или цветным фоном. Только потом дошло, что это тоже, наверное, образы, только абстрактные. В этих разводах краски что-то явственно цепляло, заставляло остановиться и начать рассматривать. Это точно был не декор и не орнамент.

И все пещерные артефакты тонули в свете. Ярком, белом. Целом океане света. Непонятно откуда взявшемся океане... Ни ламп, ни факелов, ни других заметных приспособлений. Да, гудит, и гудит очень похоже на неоновые лампы. Но, вот, что гудит? Гладкие стены в росписи, гладкие потолки, колонны эти, замысловатой формы, без намека на какие-нибудь световые приборы... Откуда? Почему? Где искать?

Вопрос толкнул бы на упорные, маниакальные поиски любого технаря. Ведь интересно же. До чесотки... Но художник отметил и забыл, пошел дальше разглядывать.

Ко всему прочему, имелась здесь не только живопись, но и скульптура. И порой не понятно – это колонна-сталактит или абстрактный образ. Статуи они имели обыкновенные раскрашивать. И абстракции, и сугубый реализм. До того, что некоторые реалистичные шедевры напоминали манекены. Тут тебе и все подробности не особо ровной кожи, и влага в глазах, и одежда из настоящей ткани. И, кстати, получше, чем саровы рубахи из мешка. На иных блестящий, высокого качества, шелк. Напрашивалась мысль – может это мурти? И она, вообще, в храме. Ну, храмы у них такие... Но нет, канонических признаков того, что

мурти служат, как это принято у индуистов, нет. Просто подобия людей, часто в полный рост. Стоят и вызывают неприятное чувство. Слишком уж живые... Сейчас заговорят...

Но, кроме шуток и сравнений с манекенами – это была именно скульптура. Высочайшего художественного уровня. Сильные, чрезвычайно эмоциональные образы, во всем богатстве поз и выражений, гениально схваченных, мастерски переданных, усиленных, даже утрированных до пронзительной философской глубины...

Мужчины, женщины, дети... Прекрасные как боги. Милые. Трогательные. В порыве чувства... Портрет народа. Древнего и великого народа. О котором историческая наука не имеет понятия...

В массе они были похожи на европейцев. Северный славянский или скандинавский тип. Светлые лица, голубые глаза, соломенные косы. Очень редко встречались типажи других рас.

Надо заметить, в основном натура была обнаженная. Возможно, они придерживались доктрины античных греков о героической наготе героя. Он и Вселенная. И ни к чему условности в виде одежды и регалий. В таких крупных категориях, как жизнь, смерть, любовь, не существуют имущество и статус. Только великий дух, создавший прекрасное тело, может что-нибудь значить...

Греки придумали это не сами? Может быть...

Кстати, если уж о храмах и идолах. Часто богов изображали условно, в виде примитивной фигуры, а то и символа. И вовсе не потому, что не умели копировать натуру. Это был портрет эмоции, портрет стихии, портрет силы. С человеческим обликом подобные понятия совпадают не всегда.

Потрясением было, когда среди множества причудливых, горящих яркими красками столбов, нашелся знакомый образ. Джаганнатх! Выражение восторга и ностальгии передано было в этих странных абстрактных чертах так явственно, что невольно хотелось его повторить. Кто был автором этого шедевра? Как он оказался здесь, на Урале? Кто-то из той самой погибшей Бхараты? А почему нет? Сколько можно понять, это поколение дедов Сара. Сюда, на север, возвращались выжившие... Те, кто был лично знаком с Кришной...

С ума сойти... Зал был поистине восьмым чудом света и местом откровений. Это то самое хранилище закодированной информации? Закодированной в образах... Или они не ставили себе такую цель? Просто приходили изливать душу, вспоминать, лечиться?

Она всегда задавала себе вопрос – зачем древние рисовали в пещерах? Забирались в замкнутое пространство и при свете масляной лампы, штрих за штрихом, переносили на стены переживания дня. Не скрывая ничего, во всю мощь и силу. Такая арт-терапия? Магический акт? Да, в том числе. Создание места силы, где можно взглянуть на себя со стороны, как на экране. И отделиться от страхов и мучительных чувств... Да, арт-терапия... В корне – она, какими бы ритуалами там, в дальнейшем, все не обросло.

Зал можно понимать очень высоким градусом подобной практики. Высочайшим. Когда о себе говорит, нет, не гениальный человек – гениальный народ...

И дело тут не в том, что люди ходят мимо шедевров, понимая их обыденностью, как это было на Крите. Дело в другом... И в этом-то уж она разбиралась. Воля-не воля будешь. Только так можно оценить артефакт. «Нюх» искусствоведа...

В каждом образе есть тонкая природа. Почти отсутствующая или мощная, способная изменить, что там настроение – судьбу. По сути, картина – тоже янтра. Комбинация линий, пятен и форм, воздействующая на психику. Причем действие это очень разного плана. Есть картины-разрушители, есть друзья и учителя, способные вдохновить, повести за собой. Но имеются среди них редкие, наподобие ведьмы среди простоватых товарок. Образы с программой. Своего рода машины, сделанные для того, чтобы провести в мир идею. Великую ли, мелкую – неважно. Но это всегда ток силы от картины. Очень ощутимый. Почему разбиралась

во всех тонкостях – да сама такие писала. Сперва невольно, потом, поняв, вполне целенаправленно...

Здесь они были всюду. Множество чужих волей, чужих материализованных в красках и линиях желаний, страхов...

Сильные вещи, не то слово. Любая могла стать культовой в ее незамысловатые времена, прогнуть под себя весь уклад жизни. Знаковые артефакты – они именно таковы – программы...

И вот, представьте, здесь... В окрестностях Перми... В какой-то лесной пещере... И, можно поручиться, местные ходят мимо, как этот Сар, лениво рассуждая о подробностях создания...

Для них это обыденность. Но, на минутку, чтобы создать вещь с программой – надо иметь силу. Огромную, когда твою кисть ведет Вселенная, и, все-таки, немалую, чтобы быть живописцем-ведьмаком. Здесь этой силой обладали все. В большей или меньшей степени. Приходили, вот, и писали. Такое, что крышу сносит. С иными образами даже стоять рядом тяжело.

На полном серьезе написано, чтоб изменить судьбу, усилить качество, отвести роковое событие, избавиться от страха... Видно...

И к их услугам был весь арсенал выразительных средств...

Все, что придумано искусством за все века развития, оказывается, вспомнено!

Можно было встретить рядом, буквально на одной стене, взгляд и улыбку, изображенные одной линией на тщательно оштукатуренной белой поверхности, и почти фотографически точное изображение, со всей иллюзией трехмерного пространства.

Одно такое очень запомнилось. Целая композиция. Герой – красивый, молодой мужчина. Улыбается, бредет по пшеничному полю. Нагой, по плечам раскиданы длинные, светлые волосы. Сар, если его поставить рядом, перевитый жилами, высушенный как вобла, с этим совершенством видом и отрядом не совпадал. Разные ветви эволюции... Прекрасное тело. Высок, совершенен в пропорциях. Напоминает бронзовые антики классического периода. Столь великолепные, что невозможно оторвать взгляд. И кто он? Земледелец? Жрец? В любом случае, фигура какая-то значимая, прямо архетипическая. За спиной, как крылья – облака. Прекрасные... Без них образ непредставим. Наверное, божество плодородия, но без вульгарных подробностей. Просто тот, к кому влечет. Добрый, мудрый, ласковый... Идеальный отец. Царь-бык из какого-нибудь матриархального космоса. И писала это женщина. Точно... Мужчины видят в образах себе подобных совсем другое...

Кто она? Воительница, влюбившаяся в земледельца? Или мечтающая о каком-нибудь архате? Кто знает... Может Сар?

Нашелся он не сразу. Неподвижно стоял в глубине большой ниши. Серые стены почти сливались с одеждой. Но отчетливо, светлым пятном, выделялся профиль. Смотрел на одну из местных картин, неотрывно, почти не скользя глазами.

– Сар! Время есть?

Он отмахнулся.

– Погоди...

Голос его дрожал. С ума сойти, этот суровый воин плакал. По щекам катились слезы, он не вытирал их.

Проследив его взгляд, можно было заметить внутри ниши образ. Пронзительный... Оставляющий ощущение драгоценной хрупкости момента... Парень, лет двадцати пяти, не особенно красивый, но здоровый и крепкий, по виду воин, изображен так, будто сидел на каменном резном балконе, свесив ноги наружу. Поза живая и непосредственная, легкая улыбка бродит у краев рта, а взгляд пристальный, как это бывает во время разговора.

– Кто это?

– Мой брат, погиб недавно, глупо погиб!

Сар сжал кулаки, лицо его вспыхнуло, но почти сразу потухло, стало землистым.

– Да что вспоминать...

Он смотрел в пол, угол рта дрожал.

– О, боги! – вдруг он обхватил голову руками, свалился на пол и зарыдал.

Какое-то это было у них кладбище воспоминаний. Он восклицал что-то на своем языке, мотал головой. Может сказалось напряжение последних дней, может он вообще так реагировал на сильные эмоции, не считая нужным что-либо скрывать и притворяться. Странно было видеть таким этого самоуверенного, храброго мужчину.

Она осторожно присела рядом. Попыталась дотронуться, но в последний момент руку отдернула.

Теперь, по прошествии времени, воспринимался он гораздо теплей. Проявился, что ли, как человек. И там, несмотря на инопланетную оболочку, было все вполне понятное, даже порой милое и трогательное. Этот громобой и скандалист, по сути – очень мудрое существо. Вот, скажите, как заставить прислушаться недоверчивого, напуганного обормота? Бить фактом. Чтобы сам, собрал объяснение из вещей, обстоятельств, взаимодействий. И, пожалуйста. Сперва предъявил себя как организм. Ну, такой у них способ видовой идентификации, наверное. Нате, вот, убедитесь, чешуи под рубахой нет... Дал порыться в котомке – стал виден как человек, привел в эту пещеру и предстал представителем своего народа...

Кто из нас способен на такую последовательность? Чаше в ход идет давление и кудрявые слова...

Но к уважению примешивалось и другое. Наверное, из-за странной мимики и манеры себя вести, человек этот рождает теплый отклик в душе, как дети, отважные и наивные, не стесняющиеся своей слабости, не приученные еще играть в рабов и господ.

Сидит, вон, горюет. Видно, любил своего брата. Надо похожую позу принять. Помогает, говорят. Вроде кто-то то же самое чувствует...

Сар сидел на полу, оперев локти о колени, вытянув руки с обмякшими кистями. Голову склонил. Лица в тени было не видно. По спине змеей вилась длинная коса. Одна из четырех. Толстая. Волосы, блестят как металл. Никогда такой густой, великолепной гривы у мужчины не видела... Целое богатство.

Сказочный какой-то персонаж. Даже не верится, что рядом сидишь.

Но долго он, вот так, горюет... Слишком долго. Как-то тревожно уже... Страшные вещи порой горе с человеком делает. Сидит так скорчившись, все мимо ходят, а его удар хватил... Нет, надо тормозить и спрашивать. Будет дергаться – ну и ладно. Не человек что ли?

Она подсела поближе. Провела рукой по спине. Реакции ноль. Потом легонько дернула за косу.

Сар ожил. Покосился. На лице удивление. Потом нежная улыбка. И вдруг лоб и щеки побелели, как бумага. Лицо перекосило в зверский оскал. Это когда выбесили уже по самый край. Там не только кровь от щек отливает – глаза белые.

– Слов не понимаешь?

– Да... да...

В таких обстоятельствах даже храбрецы начинают заикаться. Только и получается руку до лица поднять, заслониться.

– Не смей касаться!

Сар вскочил и опрометью кинулся к выходу.

Она осталась сидеть. Автоматом получился жест всех пострадавших по доброте. Это когда лоб сморщивается, а голова слабо качается из стороны в сторону. Будто отрицаешь только что произошедшее.

– Придурок!

Ну что ж, как всегда – не делай добра, не получишь зла...

– Да пошел он!

В зале было слишком много интересного, чтобы вспоминать всех козлов, попавшихся по жизни.

О! Надо отдать ей должное, она облазила тут все! Каждый уголок. Самым диким было осознание себя таким экспериментальным историком.

Это, вот, где-то на северном Урале, есть и поныне такой блиндаж, может сильно уже осевший и почти незаметный, но есть... И урони она здесь, вот, например, телефон или этюдник, их могут раскопать через пять тысяч лет и удивиться. Откуда?

Часто удивляются, когда находят мобильник в китайской гробнице или какой-нибудь болт в архейских слоях...

А оно вот так бывает, как у меня. Предки похитили... И неизвестно чего хотят. То ли любить, то ли убить... У них, наверное, также... У хрононавтов...

Если бы она не была художником и имела привычку курить, перекуры бы случались частые, а последний, наверное, третий или четвертый, убедил бы сюда больше не возвращаться. Образы давили и корежили, иные просто сносили своей энергетикой. Писалось и ваялось все сильно эмоционирующими людьми, в печали, в страхе, в любовном порыве. И образы отливались под стать творцам – не по-людски мощными, огромными... Великими... Даже не слишком пристрастному к искусствам, закрытому человеку было бы не по себе. Что уж говорить о невольнике профессии, желающем объять тут все...

Вопросов было слишком много. Как-то обо всем и сразу. И от них болела голова. Полный тупик в отношении истории искусства, каковую изучала она десять лет. Сперва в училище, потом в институте.

Пять тысяч лет назад – неолит, примитивные изображения животных, орнамента, прикладное искусство... Ну, от силы, схематичные идола в храмах Ближнего Востока и Египта. Но здесь... Но такое... Это превосходило всё мыслимое.

К тому же она знала, сколько надо учиться и как долго экспериментировать, чтобы получилось нечто подобное... Жизнь положить...

А тут – существуют при каких-то кромах для приятного времяпрепровождения... Пришел дуболом, вроде этого Сара, и наваял... Черте что!

Когда она, не без труда одолев лестницу, выбралась, наконец, наружу, ощущалась близость обморока...

Глам. Мета седьмая

– Скажи, отче, есть мера потерь? Когда судьба решит, наконец, что хватит...

– У каждого свой предел, Радко. Должен ведь теперь понимать.

Он не слушал. Пребывал в том состоянии, когда слова не вонзаются в сознание, а, подобно талому льду скользят по оболочке.

Крепкой она стала. Но что одному – панцирь, другому – тюрьма...

Он не тосковал по Ярошу – холодно и упорно искал ошибку. Где, когда и при каких обстоятельствах порвалась ткань бытия. Отслеживал каждую нить. Мог молчать сутками, не замечая людей, не отвечая на вопросы, игнорируя порядки крома.

Тяжело возвращаться к основе... Адская мука прокола запускает время вспять. Иным предстает мир, иначе строятся коды плоти. И вот она пред тобой – Вселенная, какой видели ее отцы. Гремя проходит сквозь тело. И страшно это до смерти, потому что утрачены границы. Полностью... Ты с миром совпадаешь. Он – ты, ты – он... Едва не сотня лет должна минуть, прежде чем опять ощутишь себя оболочкой...

Холод сердца... Он быстро возникает среди этого... Когда уже не можешь радоваться или скорбеть, потому что бессмысленно, потому что сущее устроено рушить себя и возрождаться из пепла. И еще одна слеза, еще одна улыбка мало что изменит в этом порядке вещей. Холодно и отстраненно смотришь на все и относишься как к действию, где ты – зритель. И эта роль становится единственной. Нельзя от нее отрешиться, как бы не желал.

Велико бремя предков... Взирали они на мир со спокойствием ледяных истуканов, не отвлекаясь на мелочи бытия. Силу это дает нелюдскую. Великое знание льется потоком, сминая и корежа все любовно выстроенные, примитивные игрушки детства...

И навсегда уходит жар души, вера в чудо, когда с великим трудом из тьмы достаешь драгоценное сияющее нечто, твое, выстраданное, с трудом понятое... После обряда можно бродить по залам знаний сколь хочешь, из клетки в клетку. Все добыто и осмысленно, но не твое...

Порой тоскуешь о сладости невежества. Когда радуешься и плачешь от каждой понятой истины и не ведаешь, что все уже придумано. В твоих силах лишь вспомнить...

Прекрасны лики прародителей. Как искрящийся лед. Тьме и холоду удалось привести плоть в форму столь совершенную, что подобное найдешь разве у богов.

Сам вздрагивал поначалу, увидев отражение. Станные сухие черты, невыносимой резкости и изящества. Благо старость сделала свое дело, сгладив и измяв это пугающее совершенство.

Сын менялся резко и неравномерно. Видно было, как его живая, страстная душа противится льду. Но умудрилась-таки согреть, наполнить красками даже этот снежный лик божества. Он походил на гандхарва. Лукавого небожителя, обожавшего наблюдать за впечатлением, производимым его особой. Все оборачивались вслед. Благо, он не воспринимал себя всерьез. Так соловей не видит собственного величия, исторгая очередную божественную трель.

Застав его ночью у очага, дрожащего, с безумными глазами, скрюченного в ком, можно было понять, что он едва терпит это бремя. И от помощи, как всегда, откажется. Хотелось схватить за косы и трясти, куда дух не вылетит.

Что же ты наделал, дурень? Кто тебя туда тянул?

Когда растишь дитя с семи лет, уже не видишь, где кончается твоя и начинается его жизнь. Слишком много отдано и пройдено. Особенно, если надо создать невозможное. Вло-

жить эту хрупкую, подвижную, чрезмерно чувственную суть в тело воина. Увлекаешься, многое начинаешь спускать. Только б выжил, только бы хватило ему сил...

И не успеваешь отследить, как с холодным любопытством, этот плод твоих усилий лезет к тебе внутрь, бестрепетно расшвыривая и ломая сокровенное, не ведая ни жалости, ни сомнений.

Да, Дух Севера делает жестоким. И к себе, и ко всему живому. Плоть становится абстракцией. Жив только разум, в своих глобальных играх понимающий людей сгустками света, обреченными погаснуть.

Еще он строит стены, этот Дух. Ту самую броню-тюрьму... Когда проведенный жизнь в твоих ладонях, закрывается. И пускает как гостя, чтобы развлечься и поиграть. И может не заметить в этой игре, что убил...

Лина. Обстоятельство шестнадцатое

Далеко в таком виде куда уж пойдешь? Присесть бы. Она огляделась.

У входа, то ли людскими трудами, то ли стихийно, разлеглось семейство крупных валунов. На один из них и потянуло.

Приземлилась, этак осторожно, с краю. И с минуту боролась с потоком образов, воспоминаниями о темной, как дурной сон, лестнице... Хотелось реальности, но она лишь слабо сочилась сквозь миражи.

Когда зрение обрело-таки фокус, обнаружилось неожиданно, прямо перед носом, крепкое колено в серой штанине. Сар сидел рядом, на том же камне и покачивал ногой. На лице – кроткое выражение и, должно быть, мерзавец, знал, что хорош, просто исключительно хорош собой, с таким вот.

– Ты что меня ждал?

– Ждал, любопытно за тобой наблюдать, да и свет надо поддерживать.

– А он горит не сам по себе?

– Не сам, временами стоит обновлять.

Улыбался. Поставил ногу на камень и обнял ее. Так делают дети, не решающиеся рассказать что-то важное, примеривающиеся и ждущие, когда будет можно. Посидел с минуту, но поймав опасливый взгляд, посерьезнел и мягко, стремительно отлился в другое положение. Наподобие тронной позы египетских владык. Именно так они и выглядят в граните – собранными, наряженными, сидящими сдвинув голени, с прямой как струна спиной.

– Прости, я не должен был так себя вести, – молчал некоторое время, потом неожиданно, порывисто развернулся, неприятно напомнив, этого своего, отошедшего в лучший мир брата, – можешь делать со мной все, что хочешь. Целовать, обнимать, лезть под одежду. Но придется мириться с тем, что мое тело будет меняться. Не могу успокоить. Впрочем, не бойся, руки распускать не стану.

Посмотрел исподлобья. Потом улыбнулся.

– Ты, наверное, устала и голодна? Пойдем!

Вечерело. Голубой сумрак начинал обволакивать лес. По верхушкам шли огненные блики... Это сколько же времени прошло?

В пяти минутах ходьбы располагался тот самый, крытый гонтом, сруб. Нечто вроде гостиницы. Жилье. Не особо просторное. Но неприхотливому человеку можно обустроиться и жить себе, пока шедевр не закончит. Вела к нему лесная тропа, порой теряющаяся в кустах, порой образующая непонятные петли вокруг деревьев и камней.

Как и все их творения, жило рождало смутный страх. Появилась и уже успела вьестся, привычка успокаивать себя в ходе очередного культурного шока. Ничего, мол, не дергайся, наверняка есть этому научное объяснение... Впрочем, находилось оно не всегда. Вид у всего, что они делали, был, конечно, дикий, но это еще пол-беды по сравнению с предназначением, собственно, изделия. И предметы, и строения мотивировались логикой какой-то инопланетной. И разница вида и сути поражала порой до полного отвисания челюсти.

Дом был не столь тяжким случаем. Шарахаться от него не хотелось, напротив, тянуло как к теплему, родственному какому-то, мотиву. Ну не могут не восхищать эти мощные белые валуны основания, эти вековые охристые бревна, из которых ловко и ладно выведены стены! Все это росло из леса, травы, облаков, желтой глины тропинок... Даже абсурдный декор совершенно не противоречил общему впечатлению.

Как и в землянке, к бревнам было прикручено много странных предметов. Металлические накладки, в определенном, довольно сложном, ритме, какие-то кронштейны, держащие

цветные деревянные шары. Антенны что ли? Крупные гвозди, вбитые прямо в стену, не просто, так себе, скобяные изделия, а волнистые и с шипами!

В отличие от землянки, потрясавшей блестящим никелем декора, здесь все было из меди, крытой каким-то составом – рыже-розовой, либо проржавевшей – зеленой. Из нее были накладки, гвозди и крупная розетка на груди крышного конька, больше напоминающая телевизионную тарелку. Ну, не делается такое ради красоты! Слишком сложно. Мелькало смутное опасение, что это звездолет...

Но нет... Что—то еще... Знакомая до боли ассоциация. Весь этот блеск варварской машинерии не бросался в глаза первым. Стояло за ним нечто из детства, из сказок, из колоритных и качественных советских иллюстраций...

Богатырская застава! Вот! В точности напоминает картинку к былине! Та же основательность, грубость, циклопичность. Сработано для людей сил каких-то немеряных. Таких, что могут кисть, например, вывихнуть, просто слегка ее пожав, и потом вправить без боли, чтобы человека, значит, не обижать.

И все говорило о том, что семь, а может даже семьдесят семь, богатырей здесь временами появляются. Вот, примерно, как этот ангел. Компания, если представить, та еще...

Дом, судя по голове над крышей, был конем, и, можно гарантировать, сзади будет как хвост, так и все остальное. Жеребец это или кобыла смотреть не хотелось, перед глазами плыли цветные пятна, и, время от времени, возникал какой-нибудь лик из пещеры.

Когда обвыкаешься с теплым сумраком сруба, вертишь головой, пытаешься что-то разглядеть в темноте, всей мощью наваливаются впечатления иные. Запахи, звуки... Пахнет странно. Аптекой. Чем-то сладким, наподобие ванили или корицы. Пряности эти опять... Да вот же они, висят перед носом, веники. Много. Спускаются гроздьями с низкого потолка...

Тихое блеяние, легкий стук копыт. И, вот, не надо было этого звука! Сразу стало чувствоваться амбре от животных в доме. Козы...

Ее взяли за руку и потянули по лестнице вверх. Свет, наконец! Желтый, вязкий как мед, колышавшийся, тревожный. И, черт! Совершенно канонические лучины в поставцах! Зрелище абсурдное после пещерной иллюминации... Все углы ими уставлены. Правда, размышления о том, что это – сектантское послушание или сугубая повернутость на экологии, быстро погасла сама комната.

Это была просторная зала, в которой этих светцов не помешало бы и побольше. Окна шли частым рядом под потолком. Не окна даже, скорей отдушины.

Утопающий во тьме низкий потолок рассматривать не хотелось. Опять начнутся эти вопросы: «Ну, вот, зачем все так сложно? Кому это нужно в темноте?» Потому что местные верны себе были и на этот раз. Из тьмы, на радость домовым, которые могли тут селиться целыми отрядами, выступали крупные, замысловатые детали, все в россыпях блестящих гвоздей, похожих на звезды. Узоры эти поражали свежестью и блеском, их явно кто-то чистил, даже полировал.

Если абстрагироваться от потолка, вся остальная зала вполне укладывалась в образ богатырского логова. Такого волшебного, из древних легенд, пространства, которое сразу создает настроение. Вековые бревна стен, мебель более для мамонтов, чем для людей, сено на полу. При взгляде на саровы сапоги, можно было догадаться, что подобный шедевр (а ремни на икре плелись очень часто и замысловато) при входе снимать не будешь.

В общем, гридница, где можно скакать в пылу фехтования по столам и лавкам, распивать стоялые меды и наслаждаться выступлениями скоморохов...

На деле функции залы были весьма разнообразны – храм, столовая и клуб.

Божница располагалась в глубине помещения, у стены, и представляла собой красивую композицию из деревянных идолов, удивлявших своей суровой простотой, после всего виденного в пещере. Стояли они на резном постаменте из цельного ствола.

Середину зала занимал стол, крепкий, грубый, с поразительно красивой стертой поверхностью. Такое бывает, когда по крестьянскому обычаю дерево скребут, чтобы обновить и очистить от грязи. Поверхность становится несколько волнистой. Вокруг, по периметру, располагались лавки, крытые шкурами и толстыми, грубыми коврами, похожими на деревенские дорожки.

Мебель, стоявшая вдоль стен, на первый взгляд напоминала неширокие, длинные столы на циклопических козлах, но выполняла, видимо, роль диванов. Понималось это по лохматым шкурам, подушкам и коврам в изобилии укрывавшим поверхности. На них были разложены крупные, сложные музыкальные инструменты. Иные походили на небольшие арфы, другие на гусли, но большинство напоминало наворочанные какими-то непонятными устройствами лютни с изрядным (у иных по двенадцать) количеством струн. Она знала, что это за штуки. Вины, очень древние сложные инструменты, сохранившиеся до наших дней только в Индии. Особо значимые, может, исключительных качеств или возраста, покоились в резных коробах.

Но расслабляться, попав в более или менее узнаваемую обстановку, однако не следовало. Некоторые детали в убранстве быстро приводили к мысли, что жилище не канонически былинное. Ощущалось тут веяние эльфийских крыл...

На лавке, прямо у входа, располагалась такая, например, инсталляция. Вина, с двумя гигантскими кожаными резонаторами, смутно напоминавшими крылья птеродактиля, в венке из цветов и лент. Цветы полевые, желтые, каковых немало растет на уральских болотах, искусно сплетены в широкий тор и разложены вокруг инструмента. Внешним слоем лежат ленты, узкие полосы из мешковины, окрашенные, надо сказать, без упора на качество, каким-то красным пигментом. Вот так. Что сие значит? В цветах и овациях нуждается не только музыкант, но и инструмент? Или это натюрморт кто-то пишет? Она надеялась завести обо всем разговор после трапезы.

А есть уже хотелось. И как-то очень развезло от усталости.

В комнате волнами бродило тепло. Ближе к ночи – абсолютное благо. Жар шел от глиняных труб, закрепленных под лавками. Держалась система на причудливо кованых ножках, заботливо изолированных от деревянного пола. Конструкция в целом напоминала традиционную китайскую. Снизу топила печь, и воздух от нее поднимался по периметру комнат, в трубах. Лавки держались, таким образом, в тепле.

Стол к ее приходу оказался накрыт. Едва вошли – Сар поклонился божнице. Указал жестом сесть и застыл в позе «намасте». Так традиционно начиналась трапеза.

Любопытно было наблюдать этого человека в привычной обстановке. Он совершал повседневный ритуал, к которому приучили с детства, не тратя много сил, не на показ. Эти мимолетные, проходящие мимо сознания движения, как раз и составляют мелодию жизни, ее вкус и смысл, и очень ярко являют отличие миров.

А в их мире есть начинали по старшинству, сперва боги, потом люди. В суровом климате благ немного, добыть их трудно, каждая крошка на счету. Посему желудку не помешает дисциплина. Чтoб не сразу, и не вдруг, и не когда фантазия придет. Десять раз подумаешь, прежде чем весь круг начать, ничего не забыть и не перепутать. Здравый, конечно, подход.

Спев длинную мантру, прочувствованно и как-то по концертному красиво, Сар кинул в жаровню кусочки от всего, что на столе. Туда же осторожно, чтобы не затушить угли, вылил пару капель питья. Из глиняного сосуда на высоких ножках повалил пар, запахло пряными травами.

Боги откушали – и людям пора. Жестом показали – «приступим, братие». Гостям ритуал не навязывался. Видимо, были у арьев контакты с теми, кто богов участниками трапезы не считал.

- Сам накрыл?
- Нет, за порядком трапез следят другие.
- А кто?
- Эту еду принес Борута.
- И что это за персонаж?
- Шудра.
- Слуга?
- Что есть слуга? Он – шудра. Идущий рядом. Подопечный и помощник.
- Твой?
- Всех, кто здесь бывает. Но ты не ответила кто такой слуга. Тот, кто избрал гейс служить?

Кому?

И, вот, как ответить на вопрос человеку, которые не знает, что такое Индия и тамошние касты? В его понимании это – Бхарата, и люди там делятся на варны, которые кастам, кстати, не идентичны.

– Слуга – это из нашего времени терминология. Такие, не самые далекие и сильные люди, способные только на простую работу.

Дико слушать, когда пытаешься объяснить привычное инопланетянину. Ведь там все просто должно быть, чтоб пятилетний понял. Сар с удивлением внимал, вытянувшись столбиком, как сурикат.

– Но, вот, понимаешь, это они не сами такую жизнь избрали. Многим просто не повезло. Раньше они считались низшим сословием. На месте, этой твоей, Бхараты, теперь другая страна, там их просто презирают, – Сар округлил глаза, пришлось обстановку разряжать и напряженно скалиться «извини, мол, такие странные обстоятельства», – а у нас это просто профессия.

Сар с минуту молчал, потом спросил осторожно:

- А за что их следует презирать?
- Так это у них! Сейчас эта страна Индией называется.
- Сар скосил глаза на все еще полные тарелки. Всерьез до еды пока не дошло.
- Да, Глам был прав.

Помолчав немного, усмехнувшись и опершись локтем о стол, добавил:

– Но, вот, если меня и Боруту рядом поставить – у богов уж скорей я не получился. Со мной-то, в отличие от него, Вишну не говорит.

– Ну, ты как-то к себе суров, – разговор неожиданно вырлил к местному мироустройству, – а скажи, они у вас почитаются, эти шудры? Такие авторитеты?

Сар пожал плечами.

- Да не надо им этого. Они приходят за другим. Держать круг жизни.
- Как это?
- Согревать, оберегать, заботиться. Таким образом направлять.
- А что они делают, конкретно?
- Ну, так – дом на них. И все, что в доме.
- Домашней работой, то есть, занимаются. И все?
- Да не только. Они дом держат. А тут сила нужна.
- Держат, это как?

– Чтоб стоял от века и в упадок не приходил. Чтоб любой пришедший получал, что желает, – Сар придвинулся ближе, грозно навис над столешницей и прищурил глаза, – по-твоему кто-то без этого обойтись может?

Как всякий задетый за живое спорщик, он выдерживал паузу. Злить его не хотелось. Сам собой сложился примиряющий жест – ладони вперед и чуть колышутся.

– Согласна, не может! Просто, даже любопытно посмотреть на этого Боруту.

– Не стоит, – Сар откинулся назад и выпрямился, – захочет – сам покажется. Они, если предстают – хотят что-то важное сказать, а так особого интереса к себе подобным не имеют.

Еде следовало уделить внимание. Не расшуметься бы опять на голодный желудок. На столе царствовала все та же святая простота: лепешки, козий сыр и вяленое мясо. Из того, что привлекает к трапезе, был только пряный соус и тарелка свежей зелени.

– Попробуй от всего, не пожалеешь, Сар обвел рукой стол, – не спроста он так захотел нас накормить.

Тем, что поставлено на стол, обжеститься было нельзя. Рассчитывалось все на неспешное смакование, долгий вдумчивый процесс и сильную волю. Какие тут эмоции и неположенные мысли – обычай. От участи все быстро проглотить и хищно приглядываться к кускам соседа, спасло только то, что желудок она растягивать не любила и ела, по природе своей, мало. Но, вот, такой персонаж, как Сар, в ее время уплетал бы за троих.

Однако челюстями он двигал с неохотой. Успелось уже до деталей изучить обстановку, и придумать не одну причину встать из-за стола и побродить по залу.

Когда дошло до крынки с питьем – обрадовалась. Наконец! Появилась возможность разговор продолжить. И смотрели, этак, приглашающе, с благожелательным интересом... В напиток было подмешано что-то хмельное, явственно ощущалось. Через время в голове зашумело. Ну и, понятно, потянуло задавать нескромные вопросы.

Сар вел себя в точности, как кустодиевский купец. Поставил горячую чашку на кончики пальцев и дул на нее. Правда, в его случае это смотрелось ритуалом. Красивый человек с идеально прямой осанкой, медитирует, дуя на воду. Даже не хотелось отвлекать, но было очень любопытно.

– Сар, скажи, а вот, безумный бег прошлым вечером, он от кого был? От этого белого привидения?

Сар бросил свое занятие и покосился.

– Да, его так и называют – Белый призрак. Это Торд, мой побратим.

– Он хотя бы живой или мертвый? Жуткий до невозможности.

– Поверь, он вполне жив, а пугать, это он умеет.

– Он и тебя напугал? Ты был просто сам не свой.

Сар отхлебнул из чашки.

– Нет меня он не пугал, а вызвал на смертельный поединок.

Вот тебе раз... То есть можно было ожидать чего-то подобного. Повисла тишина. И тот в ней, кто ее боялся, брякнул неожиданно:

– Это он телепатически что ли?

– Нет, он показал это знаком.

Сар поставил чашку на стол. У него дрожали руки, глаза часто ворочались под светлыми ресницами. Так бывает с людьми, кипящими негодованием. Наконец, он оскалился и ударил кулаком по столу. Посуда со звоном подпрыгнула.

– Ну, нельзя, ты понимаешь, нельзя, затевать подобное в святом месте! – с минуту он молчал, так и не разжав кулак. Смотреть на него было страшно. Потом обмяк, провел рукой по лицу и добавил вскользь, – да и не было желания у меня с ним махаться. Добрейший и умнейший из людей, которых знаю, а ведет себя как придурок! Кажется, я его ранил.

Он натужно вздохнул и наморщил лоб.

Осадок известие оставило неприятный. Опять давалось понять, что на ней сосредоточены какие-то краеугольные для этого общества интересы. Просто, вот, до смертельной драки доходит. А ее, надо сказать, никогда не вдохновляла роль сказочной принцессы. Всегда чуди-

лась за этим участь дорогой игрушки, которую все эти рыцари и драконы никак не могут поделить.

– Я принесла в твою жизнь большую смуту, должно быть, сожалею, и, знаешь, пойму, если раздумаешь меня спасать.

Он помотал головой и уставился на нее. Так меряют взглядом тех, кто крайне раздражает. Прищутив глаза и собрав вокруг рта брезгливые складки.

– Что значит, раздумаешь? Ты меня за кого, вообще, принимаешь?

Она молчала. Разговор был слишком важный, чтобы на такой вопрос отвечать.

Окатив презрением, Сар вдруг обмяк и ссутулился. На лице появилось мученическое выражение. Взгляд стал тусклым и больным. Он огладил бороду.

– Я не о чем не жалею, слышишь! И если бы пришлось снова выбирать, поступил бы так же! Люблю тебя и никому не отдам, – он понурился, – и взбрыки эти свои оставь. Скучно слушать.

Вслед за любым признанием, как бы дико оно не звучало, всегда мыслится подъем, надежда и гордость... Но внутри не обнаруживалось ничего, кроме мутной тоски, которая всегда нападает в непонятных, до невозможности странных обстоятельствах, из которых все никак не выберешься, как во сне. «Абсурдистан!» – как сказал бы незабвенный Карандугов, их училищный «живописец».

Ступор. Полчища скачущих в разные стороны мыслей... Это ей, вот тут, в любви признались... Да... Но шли бы, вообще-то, далеко... Самым желанным действием представлялось съезжиться в ком и застыть. Случается порой так, что попросту не знаешь, как быть дальше.

Тепло и большая нависающая тень у левого бока заставили дернуться и рывком обернуться. Сар стоял рядом. Не успела заметить, как он подошел. Сел неподалеку, подогнув под себя ногу, принялся осторожно оглаживать по плечу.

– Ты все задаешь себе вопрос: «Есть ему место рядом со мной?» И всегда отвечаешь: «Нет! Смешно!» Почему? Что смешного?

Она заставила себя улыбнуться. Получилось криво. «Ты бы на себя в зеркало посмотрел, братан...» Потом пожала плечами.

– Ты не даешь мне времени. Тоже хочу кое-что понять.

– Что?

– Какой человек живет в этой коробочке от дамской мечты.

Сар усмехнулся:

– Ядовитый же у тебя язык.

– Прости. Задеть не хочу, да и вижу не сладко тебе в такой богоподобной штуке. Но, вот, ты умный человек, с хорошим вкусом, не можешь же не видеть, что даже в сказке такой герой как ты – как-то уже перебор... Там один ход событий возможен – звезда и армия поклонников.

Сар опять усмехнулся, мотнул головой и уставился в пол. Молчал и искушал этим своим понурым молчанием говорить дальше:

– Мне нужно время... Чтоб привыкнуть. Этот блеск, – она мотнула рукой перед лицом, – он перестанет тогда застить. Не надо будет отстраняться, ржать и говорить себе: «Абсурд!»

Сар долго еще раздумывал, глядя в пол, потом проронил тихо:

– Рад бы тебе его дать, да не могу.

Тяжело оперся о лавку рукой и добавил:

– Для самого роскошь. Слишком многое надо понять за мгновенье.

– Что понять?

– Кто я и куда иду.

– И это адски необходимо? Мир рухнет?

– Рухнет. Весь мир, который я люблю.

Сар печально улыбнулся. И, в общем, было бессмысленно далее падать в подробности. Правда, не стоило. Едва начнешь и потонешь. Это как со своими из снов. Да, они примутся рассказывать, и даже доброжелательно-терпеливо. Но это такой развесистый бред...

Почему надо зарезать три десятка быков на похоронах родственника... Сар улыбался, тепло смотрел, в углах глаз легла легкая сеть морщин. Сейчас он выглядел не старым – зрелым. Взрослым человеком.

– Понимаешь, частью своей природы я – жрец, ошущаю ткань мира, как немногие. И слышу, как расцветшую в любви душу обдаёт адское пламя. Ест, обращает в уголь, ведет в сторону зверства... Будто вся сладость – приманка... Мне надо понять, как отделить чувство от морока, понять не морок ли это один.

Сар склонил голову на бок. Размышлял. Светлая печаль, разлившаяся по лицу, делала его пронзительно прекрасным. Улыбка, запутавшаяся в пушистых усах, взгляд в сторону. Один из крылатых гостей с иконы Рублева...

– Ко мне приходила любовь. Знаю, какова она. Как рождается живет и умирает... И она, именно она, звучит сейчас во мне, помимо морока, над ним, и меняет все, опровергает заданное.

– Заданное кем? Этим твоим хозяином?

Сар кивнул.

– Ты даже не представляешь сколь велико могущество этой янтры. Она способна сломать и ломает. Моего отца, братьев. Только об меня споткнулась.

– Тебя вынуждают сделать нечто помимо воли?

– Да. Это звучит как голос отца, и бороться на пределе сил.

– Но что он заставляет сделать?

– Привести тебя к месту жертвы, – Сар уставился в одну точку, – но если приведу, человеком быть перестану...

Долго молчал, понунив голову, тяжело опершись ладонью о лавку.

– Впервые со мной такое. Не ведаю, что творится, куда себя деть... Да и ты...

– Что я?

– Не обманывай себя. «Не хочу» – это именно «не хочу», а не «бери что тебе надо, только отстань».

– Прямо так строго?

– Строго. Знание и дитя, обретенные в насилии, даже если это насилие над собой, добра в мир не несут.

– А как же эта, мать-природа, которой глубоко по фигу, изнасилование это, животная страсть или глубокое чувство?

– И ты считаешь, что стоит уподобляться зверям?

– У многих оно само получается.

– Я говорю о тебе и себе.

– Ну да, мы – нечто особенное...

– Особенное! Мне показали некогда, как важно делать человеческий выбор, и я следую этому всю жизнь. Хоть и трудно, не скрою. А вот ты...

– Опять я. Да, я – слабое звено. Из миров совсем не благодетельных. И человеческий выбор меня делать не учили. Мало того, вряд ли знали, что это такое.

Жрец он, видите ли, частью своей природы... В корень смотрит... А поглядишь – этакая прекрасная дубина. Хотя на какой у нас там олимпийской дисциплине Платон специализировался? На борьбе, кажется.

Сар пожал плечами.

– Ну что ж, живи привычным порядком, – покосился недобро, – только с огнем играешь.

– В смысле?

– Закрутишься у нас все – не остановишь. Не ведаешь ты, что такое любовь воина.

– И что же?

– Ярая страсть, способная и напугать, и убить.

Все они так говорят. Видно атлетическое тело и оружие сильно меняют мозги. Кажешься себе богом...

Сар продолжил:

– К нам приходят за этим, и приходят готовыми... – усмехнулся, – благо у воина есть право отказать.

Молчание длилось долго. Когда она решилась взглянуть, Сар обнаружился в той самой позе египетского владыки. Это у них, наверное, обрядовый жест, типа – «останов-перезагрузка»

Минута – и сгорбился, оперся локтями о колени.

– Впрочем, не слушай меня, дурака! Ничему жизнь не учит...

Взгляд искоса, жалобная улыбка.

– Спать пора. Утром все иначе зазвучит.

Пододвинулся, пахнув перегаром. Осторожно подхватил под спину и колени.

Приятно было. Всегда трогает сердце, греет, близость умного и доброго человека, кем бы он там себя не считал...

Потом был бурый полумрак спальни. Мех покрывала. Под голову, сунули подушку, не особо бережно и церемонно.

И, вот, нависают, рассматривают. Глаза поблескивают в темноте... И что-то небольшое, темное, виснет над лицом. Рука. Шевелится завораживающе. Играет он так? Как детям козу делают... Пальцы причудливо сложены в горсть... Упруго покачиваются как голова змеи. Что за диво?

Нежданная резкая боль во лбу и провал в небытие...

И было ей виденье... Из тех, после которых просыпаешься в слезах...

Щеки и впрямь мокрые. Вязкий тоскливый страх пронизывает все... Держит в тисках. Хотя сон не отвратительный. Красивый, чувственно яркий...

Снился Сар. Будто стоял под дождем, еще робким, едва начавшимся, какой за счастье после долгого предгрозового зноя. И ловил первые капли. Улыбался, распускал косы. Распутывал кожаные ремни, быстро и нетерпеливо, спеша ощутить нежную шероховатость намокающих прядей. И это было последней каплей откровения. Потому что одежда давно лежала у ног. Их ничего не должно было разделять. Человека и дождь...

Тяжелое, сизое небо, лес, стелящаяся к земле трава. И поднятые руки в жесте молитвы.

Так она и пришла к нему, смерть. Застав в такой позе. Вода омывала тело, разлеталась тысячью брызг. Сар мотал головой, кричал что-то небу. Молитва это или проклятье – не слышно было из-за дождя. Он лил стеной, растворяя в себе человека.

Борута. Мета первая

Я – странный человек... Борута!

И доложу вам, жить-то так и зваться не просто... Не всяк мою судьбу осилит...

Вроде по недосмотру жив. Не должен быть, а вот есть... Мамка вместо меня на тот свет ушла. А я, вот, раздвоился от великой тоски и скорби...

Как его увидел в малолетстве, того крохотного старичка – сразу понял – я. С тех пор в обоих домах гостеваю. И добро бы плоть двойная – дух распался. И почали две его стороны свой ход во времени, да в разные стороны...

Морока от того великая. Толком уложить ничего нельзя. У одного завтра – это завтра, а вот, у другого завтра – вчера. Не разбери поймешь. Но управляюсь как-то. Почитай уж не первую сотню лет.

Время, не щадит оно человека. Изнашивает. Не много мне, должно, осталось. Один поседеть да скрючится успел, другой до поры дошел, когда на девок заглядываются.

И разные они очень. С рожденья старик – любопытник, похабник большой. Вроде тех, кто из крома приходит... Ни меры, ни ума – зверье. Интерес к ним имеет. Урок у него такой – со стороны на себя смотреть, вроде через них...

А тот, кто дитем изначально был, вблизи от них мается. Скучны они ему. Жалеет их, пасет. Да устает сильно. Другие ему любы. Те, у кого тела молоды, а душа-то в морщинах. Жрецы...

Ходишь, бывало, вокруг них, как замороженный. А такая страсть, если приглядеться... Ликом-то краса. А обернешься неловко – сердце падает. Человек? Морок? Не пойми чего там больше.

Впрочем, и у воев не все звериный блеск в глазах. Есть те, кем залюбоваться можно, как мурти в храме... И скот, и древний небожитель каким-то чудом в них уживаются. И не спорят...

Видал их, древних-то богов... Тех, что в Гламе и сыне его живут... Все чаще о них размышляю. Вижу их глазами старика. Они – его будущее. Зерно его до них доживет. Тот же, кто дитем родился – канет в страшное. В войну и кровь, во времена столь дикие, что не верится, что люди подобное творят...

И страшно выходца из той поры увидеть. Будто весь кошмар рядом...

Пришлая, она оттуда. Мутная. То ли запугали до смерти, то ли покалечили. Больно смотреть...

Вот бывает порой – домовая нежить чудит. Этакая махина, мощи немеряной, на тебя прет. Не хочет, вишь, заведенным порядком жить, переключило... Жуть пробирает, покуда не починишь. И всегда вопрос – кому на тот свет сегодня – тебе или ей.

Пришлая такова ж. Представьте – угодил древний бог в тело зверя, да больного, да слабого. И выбраться не может... Искрит, нити рвет, поле огромное – неловко зверь ворохнись – все под горизонт выгорит, мигнуть не успеешь.

Даже страшно представить, где такого редкостного урода выискали. Последние времена, знать, пришли. Когда все можно, все с рук сойдет.

Впрочем, не Боруте о том судить. Борута, он как воробей, чирикает...

Лина. Обстоятельство семнадцатое

Она рывком села. Голова кружилась. Слезы... Щеки мокрые... Что делать? Ведь это смерть была. Пророческий сон...

Как, вот, в таких случаях себя ведут? Приходят и объявляют: «Я тут видела, как ты дуба дал!» Веселенький эпизод...

Хотя ему не привыкать...

Есть, правда, радикальный способ с ситуацией разобраться. Убрать причину. Сбежать!

Господи, вот что уже должно случиться, чтобы человек повзрослел?! И прекратил, как в пять лет, считать себя героем и чудотворцем? Куда бежать-то и, главное, каким образом?

И с чего решено, что сон – такая уж невыносимая драма? Ну да, реальный до жути. Но мало ли кошмаров снится?

Сгорбившись на лавке, она потирала затекшие бока. Непонятно, как можно спать на такой доске? Никогда не понимала! Только вот шкура поверх и все! Хотя, помнится, заснула она вчера не сама...

Окошки над потолком слабо светились. Значит, утро... После давешнего вечерка... Это, вот, вспомнить...

Она упала обратно в шкуру, закуталась и подсунула под голову пеструю, пахнущую сеном подушку. Коза! Напилась как черте что!

Но вернуться в забытье мешали. Шум. Странные звуки. Вроде музыка. Негромкая, но чудная. Из соседней комнаты доносилась. Сложная, замысловатая мелодия с каким-то, не поймешь, вяжущим оттенком. Да, порой у музыки есть вкус...

Из всех инструментов земли такой звук исторгает только вина. Резонаторы, дают удивительный эффект, когда музыка как будто массирует нутро, воздействует не только на слух, но, кажется, на самую плоть, вызывая сложную комбинацию ощущений. И вкус... Вкус в том числе.

Музыка во время пробуждения всегда приносит печаль и желание вечно плыть в ее волнах, не вылезая из-под одеяла. Но день начался, как ни верти... Так что «упал-отжался»...

Бесповоротно вылезши из-под одеяла, обнаружила она себя в футболке и джинсах. Сар на этот раз не особо усердствовал. Даже заботу, вот, проявил. Шкурой укрыл, более подходящей на половик, подушку подсунул... Ну, и все за нее решил. Чтоб дитя не ныла и не бродила – по лбу! Такая у них метода...

Сено кололось сквозь носки. С трудом ориентируясь в полутемной комнате, она выловила, наконец, кроссовки из пряно пахнущей травяной кучи и уселась в задумчивости, надев один из них. Не могла в себе разобраться. При мысли, что с Саром этим опять предстоит столкнуться, и даже попытаться непринужденно себя вести, пробирал холодный ужас. Что бы он там вчера не нес про романтические чувства, тип все-таки жуткий. О телесности человеческой знает столько, что ни один медик близко не стоял. И оттенок у этих познаний какой-то нехороший. Сродни ремеслу палача...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.